И. Петрушевскій

Фрина

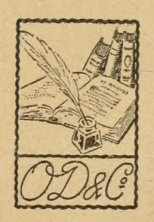
1921

Старому другу
Ольгѣ Леонтьевнѣ
посвящается.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ ЕВГЕНІЯ АЛ. ГУТНОВА
BERLIN S 14. DRESDNERSTRASSE 82-83

И. ПЕТРУШЕВСКІЙ

ФРИНА.

ИЗДАНІЕ
О. Л. ДЬЯКОВОЙ и Ко.
ВЪ БЕРЛИНѢ.
1921.

„Кто безгрѣшенъ, пусть первый броситъ въ нее камень“...
(Евангел. отъ Іоанна Гл. VIII, ст. 7).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣздомъ за границу, мнѣ пришлось на одинъ день остановиться въ Варшавѣ. Время было масляничное и вся Варшава, этотъ изящный уголокъ Парижа, кипѣла оживленіемъ и весельемъ.

Насладившись чудеснымъ исполненіемъ „Разведенной жены“, съ несравненной дивой — Кавецкой во главѣ, я не зналъ, что мнѣ дѣлать дальше. Былъ только двѣнадцатый часъ ночи и всѣ улицы были полны экипажей, автомобилей и пѣшеходовъ, спѣшащихъ или въ традиціонныя кафе, или на многочисленные карнавалы и маскарады.

Посидѣвъ около часу въ кафе „Empire“, послушавъ виртуозную игру, извѣстнаго всей Варшавѣ, віолончелиста, мнѣ самому захотѣлось окунуться въ шумную маскарадную толпу.

Вечерняя газетка почти на половину была испесчрена объявленіями о всевозможныхъ маскарадахъ, redoutes и кабаре. Пробѣжавъ ее глазами, а затѣмъ на минуту зайдя въ гостинницу надѣть

фракъ, я направился въ ресторанъ - кабаре «Декадансъ», гдѣ сегодня обѣщали маскарадъ, бой цвѣтовъ и другія масляничныя развлеченія.

Огромный залъ Декаданса, обращенный на этотъ день въ танцовальный, какъ пчелиный рой, жужжалъ отъ одновременнаго говора сотенъ голосовъ.

Веселье и смѣхъ были повсюду. Вездѣ царило оживленіе. Польскія, русскія и французскія веселыя фразы и шутки сыпались изъ каждыхъ устъ, какъ изъ рога изобилія. Яркія, разноцвѣтныя домино, арлекины, испанки, древніе рыцари, не маскированные фраки, блестящіе мундиры гвардейцевъ — все это составляло одну кружащуюся, прыгающую, смѣющуюся, какъ-бы танцующую дикій танецъ, толпу. Конфетти, живые и бумажные цвѣты сыпались всюду. Всему этому шуму и гаму аккомпанировалъ струнный оркестръ нѣжнымъ, мелодичнымъ вальсомъ.

Ко мнѣ подходили маски, стараясь заговорить, но, не знаю почему, у меня, вдругъ, пропала охота отвѣчать на ихъ вопросы и грусть, необъяснимая грусть, наполнила всю душу. И разноцвѣтная толпа, и ярко-блестящія гирлянды лампъ, украшающихъ балюстраду ложъ, и банальные вопросы масокъ, все больше на «предметъ ужина», стали казаться мнѣ ненужными и до тошноты скучными и только нѣжные переливы стариннаго вальса, какъ-бы ласкали сердце, говоря ему о прошломъ, какъ сонъ далекомъ... Насколько раньше, на улицѣ, меня тянуло къ толпѣ на маскарадъ, настолько

теперь, неожиданно, захотѣлось уйти подальше отъ этой толпы, пытавшейся обмануть себя и другихъ своимъ мимолетнымъ весельемъ.

Уйдя изъ залы и уже направляясь къ выходу, мнѣ пришлось пройти мимо кабинетовъ, обращенныхъ на этотъ день въ небольшія, уютныя, общія столовыя.

— «Смѣшно-же уѣзжать изъ маскарада, не побывъ и четверти часа», — мелькнуло у меня въ головѣ и, вмѣсто передней, я свернулъ въ одинъ изъ такихъ кабинетовъ.

Обтянутая темной матеріей, большая комната была почти пуста. Только за среднимъ, большимъ столомъ сидѣла компанія: черное, съ бѣлой лиліей на груди, домино — дама и три штатскихъ. Кромѣ нихъ никого не было и два-три столика еще были пусты. Въ углу у стѣны стояла статуя и бѣлый мраморъ окаменѣлаго тѣла богини рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ стѣны.

Я сѣлъ у маленькаго столика и назвалъ лакею обычную марку вина. Сидѣвшіе не обратили на меня никакого вниманія и продолжали свою бесѣду.

Разговоръ былъ громкій, говорили все больше кавалеры, маска-же. видимо живо интересуясь ихъ словами, только поворачивалась то къ одному, то къ другому, изрѣдка изящной ручкой поднося бокалъ къ губамъ.

Тема показалась мнѣ интересной и я невольно сталъ вслушиваться. Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и мнѣ трудно въ точности припомнить

все слышанное, но происшедшее тогда такъ живо вспоминается мнѣ теперь, что я постараюсьвозможно точнѣе все передать.

— Красота! Развѣ есть красота то, что люди теперь называютъ этимъ словомъ? — Говорилъ сидѣвшій на-лѣво господинъ, по типу адвокатъ или солидный художникъ. Посмотрите въ залъ, посмотрите на эти разноцвѣтныя, висящія тряпки, посмотрите на эти потныя лица, на эти увядшіе цвѣты, на эту жалкую пародію на веселье, на этотъ праздникъ смѣха и радости, который въ большинствѣ случаевъ кончится или ужиномъ въ отдѣльномъ кабинетѣ и объятіями на грязномъ диванѣ и десятирублевой бумажкой! Нѣтъ, господа! Не здѣсь, въ маскарадѣ и даже не въ театрѣ съ его парусиновымъ небомъ и декораціями, не въ картинной галлереѣ съ ея бездушными тѣлами, вызывающими только неестественную страсть у гимназистовъ, нужно искать красоту, а въ природѣ, въ лазурномъ небѣ, въ цвѣтахъ, въ женщинѣ. И не въ одномъ только женскомъ смазливомъ личикѣ, а во всей женщинѣ! Женщинѣ-богинѣ, Венерѣ, Фринѣ! Вотъ гдѣ красота была, есть и будетъ! Небо задернется тучами, море потемнѣетъ, цвѣты увянутъ и отцвѣтутъ, а женщина—лучшее созданіе природы, будетъ всегда сіять и царить своей красотой и въ бурю, и въ грозу и при яркомъ солнцѣ. Но женщина не въ корсетѣ и модномъ платьѣ отъ Герзе и Пакэна, а женщина нагая — воскресшая греческая богиня! Древніе люди, не мы пигмеи, это понимали. Ихъ театръ былъ среди природы, на чистомъ

воздухѣ, гдѣ декораціями служили не пыльныя рваныя тряпки, а живыя деревья и скалы!...

— А ихъ поэты и философы писали вещи, живущія десятки вѣковъ, гдѣ они воспѣвали царицу красоты—женщину такъ, какъ никогда ее не описать ни одному нашему писателю.

Художники - скульпторы творили и теперь творятъ красивыя статуи, изображая въ нихъ женщинъ, но почему-же, скажите, такая разница между твореніями древними и современными? Почему безрукую, часто изуродованную, статую древнюю такъ предпочитаютъ статуѣ новенькой, выполированной, современной?... Почему?... Почему онѣ считаются классическими, а современныя нѣтъ?... — Потому что древній артистъ, когда ваялъ ее, то не видѣлъ въ модели доступную женщину, которую въ любую минуту можно купить, какъ смотритъ художникъ современный на натурщицу, а видѣлъ только ея дивныя линіи, ея божественную прелесть... И священный огонь не покидалъ его душу и водилъ его рѣзцомъ!.. Вотъ поэтому древнія гетеры и куртизанки были полноправными членами общества и самыя добродѣтельныя матроны никогда не подумали-бы устроить презрительную мину при встрѣчѣ съ ними, какъ теперь наши дамы, сами иногда далеко недобродѣтельныя, шарахаются и фыркаютъ, даже въ церкви, гдѣ передъ лицомъ Бога всѣ равны, когда рядомъ съ ними станетъ «такая женщина»..

— Однако, хорошо-же вы, Никита Александровичъ, характеризуете насъ — современныхъ ху-

дожниковъ! — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, молодой человѣкъ съ безпечнымъ веселымъ лицомъ.

— Вы здѣсь ни при чемъ! Вы — пейзажистъ и съ натурщицъ не пишите. — продолжалъ ораторъ. — Правда, тогдашнія гетеры далеко не были похожи на современныхъ, не даромъ даже до насъ черезъ столько вѣковъ, дошли имена: Аспазіи, Хризіи, Фрины и другихъ знаменитѣйшихъ жрицъ остроумія, любви и красоты . . .

— Культура, батенька, культура все измѣнила! — сказалъ господинъ съ просѣдью . . .

— Вы говорите—культура? . . . Да, культура, дѣйствительно, переодѣла насъ во фраки и смокинги, а женщинъ въ корсеты , вмѣсто туникъ. Но вѣдь культура насъ и извратила . . . Скажите, развѣ снились какому-нибудь римскому или греческому любителю женщинъ тѣ тонкости разврата и извращенія, какія теперь сплошь и рядомъ продѣлываются «носителями культуры» и мечтателями о грядущей славѣ человѣчества . . . И чѣмъ культурнѣй люди, тѣмъ все это тоньше и гаже . . . Вотъ поэтому, господа, когда читаешь древнія сочиненія, смотришь на старыя картины или статуи, невольно чувствуешь красоту и какъбы становишься душой чище и выше, хотя тамъ и изображены «голыя бабы». . . А сравните, господа, наши большіе обѣды и балы, гдѣ женщины показываютъ всѣмъ чуть не до пояса открытыя плечи и грудь, заставляя взвинченное воображеніе дорисовытать остальное, причемъ молодежь и старички стараются поглубже загля-

нуть за декольте и обмѣниваются скабрезными замѣчаніями. Гдѣ-же тутъ красота?,. Не чище-ли было у древнихъ? На ихъ пирахъ въ античномъ жилищѣ, среди цвѣтовъ и яркихъ тканей, въ концѣ пира часто хозяйка-куртизанка и красивѣйшія гостьи представали предъ восхищенными зрителями нагія и ни у кого ни на одну минуту не являлась скабрезная мысль при видѣ ихъ прекрасной наготы!

— Я разскажу вамъ, господа, одинъ случай изъ судебной практики, когда главнымъ мотивомъ для оправданія послужила исключительная красота подсудимой, Это было давно. Жившая задолго до Р. Х. прекраснѣйшая изъ женщинъ того времени Аѳинская гетера — Фрина однимъ изъ своихъ отвергнутыхъ поклонниковъ была обвинена въ атеизмѣ и въ неуваженіи боговъ. Преступленіе, по тѣмъ временамъ, серьезное. И вотъ прекрасная Фрина предстала предъ религіознымъ судомъ. Добровольнымъ ея защитникомъ былъ знаменитый риторъ Гиперидъ. Несмотря на краснорѣчіе тогдашняго Плевако, Фринѣ все-же грозило осужденіе. И вотъ Гиперидъ, оспаривая виновность прекрасной куртизанки, неожиданно сорвалъ съ нея одежды и предложилъ судьямъ взглянуть на ея красоту. Упали къ ногамъ Фрины ткани и предстала женщина — вѣнецъ красоты природы, сіяя неописуемой красотой передъ восхищенными судьями. И самые строгіе изъ нихъ признали, что столь красивое существо должно быть почитаемо наравнѣ съ богами, какъ

живое олицетвореніе богини красоты. И прекрасная Фрина была оправдана. Слава о красотѣ ея тѣла такъ распространилась, что когда онаоднажды на праздникѣ въ честь Посейдона, при огромномъ стеченіи народа, сбросила одежды, распустила волосы и вошла въ море, праздникъ обратился въ сплошной тріумфъ ея красоты, путь ея усыпался цвѣтами, а ея статуя была поставлена въ храмѣ рядомъ со статуей высокочтимой Афродиты, съ нея-же изваянной... Вотъ какъ чувствовали и цѣнили древніе женскую красоту!

— Но умерли древніе, а съ ними ушла ихъ красота и пониманіе ея... Намъ-же осталось только преданіе, да холодный мраморъ... Нѣтъ теперь чудесъ! Не оживетъ холодный камень, не посмотрятъ глаза, не заколышутся упругія груди, не задрожитъ гибкій станъ!...

— Но я увѣренъ, господа, что въ душѣ каждаго человѣка еще теплится огонекъ настоящаго пониманія и чувства красоты! Неужели не блеснула бы въ сердцѣ каждаго искра при видѣ богини Праксителевой?... А если-бы свершилось чудо и одно изъ этихъ холодныхъ тѣлъ ожило и женщина предстала предъ всѣми въ своей ослѣпительной, классической наготѣ, я увѣренъ, что не только среди насъ, небольшой компаніи, но даже, среди всей огромной толпы, бушующей тамъ въ залѣ, едва-ли нашлось-бы десятокъ мужчинъ, у которыхъ явились-бы при видѣ ея грубые мысли, а не восторгъ и преклоненіе... Какъ устыдились-бы тогда женщины своихъ тряпокъ и изуродо-

ванныхъ корсетами тѣлъ, а мужчины протянули-бы въ восторгѣ къ богинѣ свои руки, умоляя не исчезать, чтобы дольше насладиться видѣніемъ красоты царицы жизни — натуральной женщины!

Господинъ очевидно увлекся своей рѣчью и говорилъ съ большимъ подъемомъ и воодушевленіемъ.

Всѣ слушали съ большимъ интересомъ, но больше всѣхъ казалась захваченной пылкимъ гимномъ женскому тѣлу единственная дама — маска. Все ея существо, казалось, волновалось и трепетало при каждомъ новомъ словѣ оратора. Ручка, подносившая все чаще и чаще пѣнившійся бокалъ ко рту, все больше и больше дрожала. Глаза, раньше вопросительно смотрѣвшія по сторонамъ, восторженно смотрѣли передъ собой, какъ-бы видя зрѣлище, отъ котораго она не можетъ оторваться и вся она тянулась навстрѣчу каждому красивому слову, вылетавшему изъ устъ адвоката . . .

Да и остальные присутствующіе, а въ числѣ ихъ и я, такъ заслушались этой рѣчью, что не замѣтили, какъ вошелъ въ комнату и опустился за столикъ у двери еще одинъ господинъ въ зеленомъ домино.

Ораторъ кончилъ. Двѣ-три секунды длилась тишина. Всѣ сидѣли подъ впечатлѣніемъ слышаннаго, невольно мысленно перенесясь въ страну Эллады и сѣдого Рима ко временамъ пышнаго расцвѣта античной культуры и искусства.

Маска встала и отошла въ уголъ, гдѣ стояла мраморная статуя.

Первый нарушилъ молчаніе сѣдой господинъ:,

— Вѣрно, Никита Александровичъ! Что женщина — языкъ боговъ! Не преклонится человѣкъ не станетъ рабомъ лазурнаго неба, красиваго вида моря, пышнаго букета цвѣтовъ, красивой сцены въ театрѣ, но передъ женской красой — царицей всей красоты, онъ склонится до земли и будетъ ея рабомъ во вѣк...

Вдругъ онъ какъ-бы поперхнулся, остановился на полусловѣ, устремивъ полный изумленія взоръ въ уголъ, куда отошла маска. Мы всѣ невольно посмотрѣли туда и оцѣпенѣли отъ восторга и восхищенія. Холодная мраморная статуя ожила. Прекрасная круглая грудь заколыхалась. Нѣжный тонкій станъ ожилъ и изогнулся, слегка откинувшись назадъ... Чудной формы, какъ-бы изъ мрамора высѣченныя, бедра слегка дрожали, чувствуя на себѣ столько восхищенныхъ глазъ... Блѣдно-розовое, тонкое трико казалось настоящей кожей и каждая черточка и линія божественныхъ формъ рѣзко выдѣлялась на фонѣ чернаго шелка и только маска скрывала лицо ожившей богини...

Нѣсколько секундъ восторга и... руки богини на груди соединились, распахнутое домино закрылось, видѣнье исчезло и со стула спрыгнула женщина въ маскѣ...

Всѣ въ восторгѣ бросились къ ней, цѣловали ея ручки...

Я услышалъ пріятный, грудной голосъ:

— Господа! Вы хотѣли, чтобы свершилось чудо! Хотѣли, чтобы мраморъ ожилъ и нашъ пиръ сталъ похожъ на пиръ древнихъ... Но теперъ— прощайте! Дайте слово, что никто изъ васъ не пойдетъ за мной и не станетъ узнавать кто я!

Не помню кто, что говорилъ, я сидѣлъ, какъ зачарованный видѣнной картиной.

Помнится, я не очень—то повѣрилъ пылькой рѣчи адвоката, что древніе греки и римляне на своихъ пирахъ, «вегетеріански» смотрѣли на нагихъ женщинъ, но, дѣйствительно, въ ту минуту, при видѣ почти обнаженнаго, прекраснаго женскаго тѣла у меня не появилось ни малѣйшей скабрезной мысли.

Дальше произошло нѣчто дикое и невѣроятное... Когда маска скорыми шагами направилась къ двери, одиноко сидѣвшій господинъ въ домино, вдругъ сорвался съ мѣста и, загородивъ ей дорогу, съ дикимъ крикомъ рванулъ съ нее платье...

Легкая ткань затрещала и къ ногамъ женщины, опустились, черными волнами, шелкъ и кружева ея легкой одежды.

Маска испуганно вскрикнула, отпрянула назадъ и, запутавшись въ шелку, едва не упала, руками-защищаясь отъ ожидаемаго удара и стыдливо прикрывая свою наготу...

Господинъ въ изступленіи, пытался сорвать съ женщины ея послѣдній покровъ — маску и бранныя, пошлыя слова посыпались на сошедшую съ пьедестала ожившую статую. Разорванное домино легло на полъ легкими, черными волнами, а среди

нихъ стояла только трепещущая женщина, униженная, оскорбленная, втоптанная въ грязь человѣческими словами, а не богиня гордая прелестью и торжествомъ своего тѣла надъ всемъ міромъ.

— Подлая, низкая тварь!... Развратница! Ты, всегда прикидывающаяся такой святошей, здѣсь, въ кабакѣ, стояла передъ всѣми голая на показъ! Ты хотѣла, чтобы тобой любовались «цѣнители красоты», такъ ступай-же и домой голая, пусть тобой полюбуются всѣ извозчики, они тоже понимаютъ въ этомъ толкъ!...

Трудно мнѣ теперь припомнить точно слова изступленнаго господина, да едва-ли это имѣетъ большое значеніе. Помню только, что всѣ мы какъ-то сразу пришли въ себя и бросились защищать нашу незнакомку. Тутъ уже на господина посыпались крики, угрозы и, кажется, болѣе основательныя воздѣйствія.

— Какъ вы смѣете!... Не забывайтесь!... Мы не позволимъ!... Полицію!... Негодяй, варваръ, хамъ!... кричали мы, кто во что гораздъ.

Произошла легкая общая свалка, въ результатѣ которой кому-то изъ защитниковъ поруганной красоты разбили на носу очки, а съ воинственнаго господина слетѣла маска и добрая половина домино. Въ двери заглядывали испуганныя маски и лакеи...

Однимъ словомъ, скандалъ произошелъ по всѣмъ правиламъ искусства: съ протоколомъ, съ вразумленіемъ со стороны помощника оберъ-полиціймейстера представительнаго генерала, съ адресами

свидѣтелей и другими, приличиствующими случаю, обстоятельствами.

А бѣдная развѣнчанная богиня рыдала въ уголкѣ дивана, судорожно натягивая на себя обрывки домино, пока какой-то догадливый гвардеецъ, изъ числа любопытныхъ, не закуталъ ее въ свою шинель и почти понесъ къ выходу...

На утро уже на Вѣнскомъ вокзалѣ я прочелъ въ утренней газеткѣ, «невѣроятное происшествіе», гдѣ описывался вчерашній случай въ маскарадѣ, конечно, совершенно иначе, чѣмъ было въ дѣйствительности, однако можно было понять, что изступленный господинъ былъ мужемъ маски, не то, вслѣдствіе предупрежденія, не то случайно, оказавшимся въ маскарадѣ и въ ожившей статуѣ опознавшій свою супругу. Репортеръ, не оправдывая жены, явно нападалъ на мужа, упрекая его въ некультурности, дикости, азіатчинѣ, повидимому, основательно обидѣвшись на него за то, что, когда онъ попросилъ у мужа болѣе подробное интервью, тотъ, безъ дальнихъ лишнихъ словъ, послалъ его къ чорту, о чемъ добросовѣстный репортеръ не преминулъ также поставить въ извѣстность своихъ читателей.

Подъ впечатлѣніями заграничной жизни случай въ маскарадѣ продержался въ моей памяти два — три дня, затѣмъ испарился безслѣдно.

* *
*

Прошло два года, пока я, исколесивъ почти полъ Европы, не промѣнялъ веселые берега Рейна и Сены на угрюмые, но родные берега Невы.

Была зима и сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Объѣхавъ весь Петербургъ и найдя Исаакія, Петра, Екатерину, острова, набережную и другія достопримѣчательности Невской столицы на своихъ мѣстахъ, я попалъ въ одинъ изъ первыхъ-же дней послѣ пріѣзда въ небольшой компаніи старыхъ пріятелей въ Акваріумъ.

Программа была мало интересная: все тѣ же неизмѣнныя, доморощеныя испанки, француженки, и итальянки, распѣвающія неслышными голосами легкомысленные куплеты съ непремѣнной, болѣе или менѣе удачной, жестикуляціей и я, увлеченный бесѣдой, почти не смотрѣлъ на сцену. Да и прочая публика болѣе чѣмъ равнодушно внимала разсказамъ Жюли или Мими о томъ, какъ она

«Холила, берегла свою кошечку»...

или:

«Comme elle était masseuse»...

Неожиданно въ залѣ перестали сновать лакеи, перестала звенѣть посуда, оркестръ заигралъ что-то нѣжное и я, невольно, повернулся къ сценѣ...

Удивительно сложенная женщина, изображая Діану, посылаетъ стрѣлу... Лицо въ тонкой, отлично пригнанной полумаскѣ. Неширокій, тѣльнаго цвѣта, поясъ сливается съ розовой кожей и, какъ паутина, покрываетъ ея бедра, не скрывая ни одной линіи и изгиба ея классической фигуры... Женщина поразила меня достоинствомъ своей осанки.

Какое-то смутное воспоминаніе мелькнуло у меня въ памяти, но только мелькнуло...

Діану смѣнила Афродита. Затѣмъ Венера въ подземномъ гротѣ. Венера выходящая изъ морской пѣны... Богини оживали одна за другой и наконецъ... Оркестръ незамѣтно перешелъ на сибеліусовскій вальсъ и передъ моими глазами стояла Фрина... Нѣжные переливы вальса напомнили все: Варшава, маскарадъ, «ожившая богиня», мужъ и, даже, бравый генералъ — оберъ-полиціймейстеръ встали въ памяти, какъ живые. Какъ будто только вчера все это было и даже почему-то забилось сердце.

Мое волненіе не ускользнуло отъ вниманія пріятелей:

— Что, нравится? Дѣйствительно, хороша. Пожалуй, почище, блаженной памяти, настоящихъ богинь.

— Пойду за кулисы, пошлю карточку.

— Ничего не выйдетъ, предупреждаемъ... Романическая, но темная исторія: никого не принимаетъ и даже адреса ея толкомъ никто не знаетъ. Окружена тайной до отказа... Тайна еще больше всѣхъ интригуетъ: весь Петербургъ перебывалъ, только и ѣздятъ сюда на нее смотрѣть. Цѣлыя состоянія предлагали — простого цвѣтка не беретъ, а вотъ голая передъ публикой третій мѣсяцъ ежедневно здѣсь стоитъ, да всю прошлую зиму въ Москвѣ простояла... Одни говорятъ, цѣну набиваетъ — выжидаетъ «карася» покрупнѣе, другіе — что влюблена, какъ кошка, въ какого-то «дядю Ваню» съ увѣсистымъ кулачищемъ и боится его до смерти...

Объясненія друзей не только не охладили, но еще болѣе утвердили меня въ мысли познакомиться. Чувствовалась какая-то загадка и что эта женщина не простая натурщица, показывающая себя подъ звуки вальса. О случаѣ въ Варшавѣ я промолчалъ.

Цѣлый день я почему-то думалъ только о ней. Вечеромъ уже одинъ, опять очутился въ Акваріумѣ. Безусловно это она—„ожившая статуя".

Высокая, стройная, съ золотистыми волосами, надменно гордая красотой своей наготы, заставившая публику забыть: вино, другъ друга, все что осталось тамъ въ шумномъ городѣ и во всемъ мірѣ и видѣть только ее одну — прекрасную богиню.

Вспомнилась слова, слышанныя два года назадъ тогда въ маскарадѣ: «Не преклонится человѣкъ, не станетъ рабомъ лазурнаго неба, красиваго вида моря, пышнаго букета цвѣтовъ, красивой сцены въ театрѣ, а передъ женской красотой, царицей всей красоты, онъ склонился до земли и будетъ ея рабомъ во вѣки вѣковъ»...

Чувствовалось, что весь залъ—ея рабы, ея очарованіе всюду и, даже видавшіе виды «человѣки» и тѣ разинули рты отъ восторга.

Сама царица любви, вѣроятно, не была такъ прекрасна даже въ то мгновеніе, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!

Занавѣсъ упалъ. Секунда молчанія и весь залъ разразился бѣшеными аплодисментами. Но сцена больше не открылась. Она ушла съ нее богиней и простой женщиной появиться не захотѣла...

Я былъ тогда молодъ и никакой загадки, а тѣмъ болѣе загадки, гдѣ замѣшана женщина, оставить неразгаданной не могъ. Нѣсколько вечеровъ подрядъ провелъ я въ Акваріумѣ и, наконецъ, узналъ ея адресъ — Ивановская 18.

На другой-же день я тамъ. О радость! — Швейцаръ—бывшій сослуживецъ по полку и даже отставной унтеръ моей роты, хитрый хохолъ изъ подъ Нѣжина.

Объятья, поцѣлуи, воспоминанья: о полку, о командирахъ, о стрѣльбахъ, о ротномъ песикѣ «Юсѣ». О томъ какъ мы спасли его отъ смертной казни, постригши наголо и переименовавъ въ «Мулька».когда онъ неосторожно задушилъ командирскую индюшку. Наконецъ, спрашиваю о своей богинѣ: кто, что и какъ?...

Съ первыхъ-же словъ вижу, что полная конспирація, какъ будто я жандармъ, а Близнюченко политическій:

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, все живутъ хорошіе господа, никакихъ актерокъ нѣту...

Вижу, что вретъ, — не даромъ мой ученикъ.

— Не втирайте очки, Близнюченко, вѣрно здорово на чай получаете, да я вѣдь тоже не даромъ спрашиваю — заплачу...

Обидѣлся.

— Да развѣ я подумаю отъ Васъ взять, Боже сохрани. И въ учебную Вы-то послали, безъ Васъ ходилъ-бы я послѣ службы опять за сохой неучемъ, а теперь вродѣ, какъ благородный — самъ околодочный руку тянетъ...

Оглянулся на лѣстницу, повелъ въ каморку и таинственно разсказалъ, что «онѣ», по паспорту, Алла Сергѣевна Пряслова. Фамилія дѣвичья — разведенная. Подтвердилъ, что никого рѣшительно не принимаетъ, всѣ подарки и цвѣты отправляетъ назадъ. Живетъ поскромнѣе всякой мужней жены — «комаръ носа не подточитъ». Про покровителя и говорить нечего — нѣту... Барыня душевная: маленькимъ Близнюченкамъ то пряникъ, то конфектку занесетъ...

Характеристика и аттестація хоть куда. Ничего не понимаю: съ одной стороны ходячая мораль— „комаръ носа не подточитъ", съ другой — стоитъ на сценѣ голая и хоть-бы что. Подумалъ, подумалъ и нацарапавъ на карточкѣ подъ фамиліей, что „проѣздомъ изъ-за границы покорнѣйше проситъ удѣлить нѣсколько минутъ", вручилъ ее Близнюченко.

Понесъ, хотя и долго предварительно увѣрялъ, что зря на третій этажъ сходитъ. Жду. На подоконникѣ стоитъ чахлый фикусъ,—сталъ гадать, считая листья: „Приметъ, не приметъ... Приметъ, не приметъ"... Вышло: „не приметъ". Жаль, жаль...

Идетъ вѣрный стражъ:

— Пожалуйте, просятъ! Все устроилъ, только для меня и согласились... Сказалъ, что бывшій командиръ и человѣкъ сурьезный...

— Спасибо, за аттестацію, Кузьма.

Вхожу. Солиднаго вида горничная проситъ подождать. Маленькая гостиная уютно убрана. Ни одной вещи или картины, напоминающей квартиру

артистки легкаго жанра, а тѣмъ болѣе кокотки... Въ углу піанино, на немъ Бетховенъ, Чайковскій и даже дѣдушка Вагнеръ. Много цвѣтовъ. Но цвѣты не въ сногсшибательныхъ корзинахъ, а просто въ вазахъ и горшкахъ. На столикѣ книги: Амфитеатровъ — Восьмидесятники, Чеховъ, Д' Аннуцціо и о удивленіе — мои разсказы... Чуть не подпрыгнулъ отъ авторскаго самолюбія, погладилъ книжку рукой и положилъ выше Амфитеатрова.

Легкій шумъ шаговъ и вошла Алла Сергѣевна. Легкая, изящная походка, свѣтлые, золотистые волосы двумя косами, какъ короной, вѣнчаютъ голову. Лицо, съ чертами неправильными, но удивительно пріятное, а отъ всей фигуры вѣетъ простотой и симпатіей. Сразу вылетѣли мысли о какомъ-бы то ни было приключеніи или интрижкѣ.

Неловко поднялся со стула:—что скажу, зачѣмъ пришелъ?.. Привѣтливо смотритъ. Поцѣловалъ мягкую ручку. Указала на кресло.

— Я очень рада! Извините, что заставила васъ ждать... — услышалъ я мелодичный голосъ. — Представьте себѣ совпаденіе: читаю ваши разсказы и вдругъ мнѣ подаютъ вашу карточку. Я чуть книгу не выронила отъ изумленія и, конечно, рѣшила съ вами познакомиться, хотя и живу отшельницей... Мы съ вами старые знакомые: какъ хорошо быть писателемъ, его не надо знать лично, чтобы знать все, что онъ думаетъ...

Ни малѣйшей тѣни кокетства, а скорѣе грустная нотка при упоминаніи объ „отшельницѣ“.

— Какъ заблуждаются люди: Близнюченко увѣрилъ меня, что только благодаря его „высокому“ ходатайству вы мнѣ сдѣлали исключенiе. . .

Смѣется.

— Кузьма милъ удивительно съ его олимпiйскимъ величiемъ швейцара, но зато преданъ безконечно и обѣщанiя держать умѣетъ . . .

Скромно пояснилъ: — Мой ученикъ!

Поговорили обо мнѣ, о заграницѣ, о театрѣ. Уже густыя сумерки заволокли маленькую гостиную и желтый, шелковый абажуръ торшера засвѣтился мягкимъ свѣтомъ. Я чувствую себя совсѣмъ просто, какъ дома, а спросить о томъ, зачѣмъ пришелъ, никакъ не рѣшаюсь.

Наконецъ собрался съ духомъ . . .

Болѣе часу длился грустный разсказъ Аллы Сергѣевны. Не буду приводить его на страницахъ сей правдивой повѣсти, боюсь быть неточнымъ, да и надобности въ этомъ теперь нѣтъ, ибо передо мною лежитъ дневникъ сей несчастной женщины, доставленный мнѣ со станцiи въ деревню босоногимъ почталiономъ Андрюшкой, съ которымъ я и имѣю въ виду, (съ дневникомъ, а не съ почталiономъ), съ любезнаго дозволенiя автора, ниже познакомить читателей.

Въ дневникѣ Аллы Сергѣевны мною почти ничего не измѣнено. Выпущены только записи совершенно не имѣющiя отношенiя къ разсказу: записи школьнаго времени, мечты о курсахъ, описанiе перваго длиннаго платья, а также записи, незначительныя или повторяющiяся много разъ, чѣмъ и

объясняются иногда большіе промежутки времени между таковыми. Многія краткія замѣтки соединены.

Вмѣстѣ съ дневникомъ Андрюшкой было принесено и письмо Аллы Сергѣевны, каковое, какъ объясняющее развязку повѣсти, противъ всякихъ правилъ литературнаго письмоводства, (да простятъ мнѣ — диллетанту, строгіе критики), помѣщаю не въ концѣ дневника, какъ-бы слѣдовало, а передъ нимъ.

— „Увы, дорогой другъ, вы оказались правы, когда говорили мнѣ въ наше первое и послѣднее свиданіе, что все пережитое мною, такъ истерзавшее мнѣ душу и тѣло, еще не есть жизнь, а только вступленіе — прологъ къ ней. Тогда я съ вами спорила, считая, что я уже не воскресну для себя и для другихъ, что уже душа моя не согрѣется лаской и покоемъ, хотя сердце, какъ вы знаете, и билось любовью. Теперь я вижу, что я ошиблась. Вы-же знаете женскую душу лучше, чѣмъ я думала. Со вторымъ актомъ пьесы моей жизни, — актомъ игры съ огнемъ на краю пропасти, какъ и съ первымъ — актомъ грязи и позора — моимъ замужествомъ, мѣсяцъ назадъ окончательно покончено: я сдалась и вышла еще разъ замужъ. Мой мужъ меня очень любитъ, надѣюсь иной любовью, нежели первый, а о себѣ я вамъ уже говорила. Посылаю вамъ свои скромныя записки и буду рада, если онѣ будутъ хоть немного вамъ полезны для вашего труднаго дѣла — изученія души внучекъ Евы. Что-же касается моей души, то могу теперь

громко сказать, что нѣтъ высшаго счастья на свѣтѣ, какъ принадлежать любимому и любящему человѣку. Говорятъ, материнство еще высшее счастье, но я его пока не знаю"...

* * *

Дневникъ Аллы Сергѣевны.

Май.

Итакъ, обязательное ученье кончено. Прощай гимназія! Свобода отъ ученическихъ обязанностей вещь хорошая, а все-же грустно на душѣ, жалко времени, когда рано утромъ, обжигая ротъ горячимъ чаемъ, наскоро глотаешь булки и вчерашнюю холодную телятину или котлету, а затѣмъ, весело постукивая книгами, бѣжишь въ ,,Альма — Матеръ".

Со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ улицъ теропятся губернскія барышни и ,,паничи" въ храмы науки. Вотъ стриженныя приготовишки и первышки бѣгутъ веселой стайкой; какъ и весельчаки — воробушки на солнышкѣ, безъ умолку чирикаютъ они такъ громко и задорно, что стоящій на углу монументообразный стражъ тревожно шевелитъ огромнѣйшими усищами и готовъ видѣть въ производимомъ дѣтворой гамѣ ,,оскорбленіе тишины и неуваженіе порядка."

Второклассницы и третьеклассницы идутъ уже серьезнѣе, видимо повторяя въ умѣ невыученные уроки и заклинанія противъ ,,спроса". Обладая

отличнымъ аппетитомъ, онѣ уже теперь мечтаютъ о большой перемѣнѣ, когда можно будетъ скушать спокойно ожидающій своей участи въ сумкѣ бутербродъ или куриную ножку.

Пятьклассницы и шестиклассницы идутъ уже совсѣмъ степенно, по возможности на ходу присѣдая, чтобы коротенькія платьица ихъ казались длиннѣе, а въ головкѣ рядомъ съ тревогой по поводу нерѣшенной задачи по алгебрѣ, не менѣе тревожный вопросъ: „Увижу-ли сегодня злодѣя Коко и передастъ-ли онъ записочку или пройдетъ также, какъ и вчера, едва снявъ лихую фуражку, съ наполовину оторваннымъ козырькомъ? . . .

Седьмой и восьмой классъ — это уже взрослыя барышни и тутъ уже мечты не о гимназистѣ Коко или Лоло, а о филологѣ или юристѣ-первокурсникѣ Сержѣ, или-же о бывшемъ на праздникахъ въ отпуску юнкерѣ — Максѣ.

Вотъ уже близко красное зданіе съ палисадникомъ и черезъ нѣсколько минутъ вся эта нѣжная, жизнерадостная ватага, чинно прослушавъ молитву, сидитъ по классамъ и набирается премудрости....

Черезъ все это я прошла. Все это для меня уже конечно и осталось позади . . . Милое, славное время дѣтства и ранней юности! Какъ подумаешь о немъ, какъ вспомнишь всѣ приказы, всѣхъ добрыхъ и злыхъ классныхъ дамъ — „сенявокъ", всѣ маленькіе, наивные романы со вздохами, съ записочками, со свиданіями тайкомъ отъ матери, когда поцѣлуй ручки считается чуть-ли не паденіемъ, а подаренный на память локонъ или ленточка —

верхомъ блаженства для поклонника,—то не радуетъ уже сознаніе, что гимназія окончена, что ты уже взрослая, на тебѣ настоящая прическа и длинное платье, а въ столѣ лежитъ разрисованный дипломъ съ перечисленіемъ двухъ десятковъ наукъ, которымъ ты обучалась.

Но главное тогда не стоялъ передъ тобою вопросъ: что дѣлать дальше? Тогда все было такъ ясно и такъ просто: нужно учиться, переходить изъ класса въ классъ, чтобы быть образованной и не до всего доходить собственнымъ опытомъ.

Какъ-то недавно я спросила маму: что главное въ жизни женщины и къ чему мы должны стремиться?

Мама простая, милая, вся погруженная въ хозяйство и заботы о насъ дѣтяхъ и о папѣ сказала: «Счастье, дѣтка, — вотъ самое главное въ жизни человѣка. Но счастье не у всѣхъ одинаково, одинъ видитъ его въ одномъ, другой — въ другомъ»...

Вотъ вамъ и вопросъ! Допустимъ мама права и счастье есть главное въ жизни человѣка, что-же дѣлать, чтобы быть счастливымъ? Папа всегда говоритъ: «Все въ жизни познается путемъ сравненія»... Ясно и просто! Но нельзя-же всего перепробовать, все сравнить, а потомъ на чемъ нибудь остановиться.

Послѣдній годъ въ гимназіи весь восьмой классъ почти забылъ и студентовъ, и юнкеровъ, и свиданія и записочки, а до хрипоты въ горлѣ всѣ говорили о курсахъ. Такъ было и въ прошлые годы, такъ будетъ, вѣроятно, и впредь. Вся молодежь

почему-то считаетъ, что курсы есть единственный путь къ счастью и только этимъ путемъ должны всѣ идти. Какъ печальны, какъ грустны тѣ, кто по тѣмъ или другимъ причинамъ не могутъ стать курсистками, онѣ свою жизнь считаютъ погибшей, безцѣльной и т. п. и вотъ изъ пятидесяти ученицъ выпуска, сорокъ безусловно станутъ медичками, филологичками юристками или естественницами. Такъ было въ прошлые годы, такъ будетъ и впредь...

Ну, а результаты?... Два года назадъ тоже былъ выпускъ и добрыхъ три четверти барышень поѣхали учиться. А что-же вышло? — Часть изъ нихъ въ первый-же годъ бросила курсы и вышла замужъ, часть разочаровалась въ курсахъ и вернулась домой, большинство бросило факультеты, на которые первоначально поступили и перешло на другіе, а наконецъ нѣкоторыя, бросили серьезныя науки и перешли въ музыкальныя училища или школы танцевъ и сцены Только двѣ-три по прежнему вѣрны себѣ и продолжаютъ учиться тамъ, куда сразу поступили. Вотъ вамъ и результатъ рѣшенія вопроса: «дальше», который стоялъ передъ ними два года тому назадъ, какъ стоитъ теперь передо мною.

Мама и папа ничего мнѣ не совѣтуютъ. Мама говоритъ: «дѣлай, дѣтка, какъ знаешь, ты у меня умница». А вѣрный себѣ папа совѣтуетъ попробовать, чтобы познать все сравненіемъ...

Но довольно философіи! Въ субботу уѣзжаю въ Волчки, имѣніе Смаковскихъ, гостить на все

лѣто къ Марусѣ Смаковской, а тамъ, что-нибудь придумаемъ...

Іюль.

Волчки небольшое имѣніе мужа старшей сестры Маруси — прелестное мѣстечко. Типичный старый помѣщичій домъ съ колонами и зеленымъ плющемъ дикаго винограда стоитъ въ полуверстѣ отъ села Кольцовки и въ двухъ верстахъ отъ линіи строющейся желѣзной дороги. За домомъ огромный садъ, за садомъ покрытый кувшинками и бѣлыми водяными лиліями зеленый прудъ. Въ прудѣ много карасей и лягушекъ. Первыхъ часто ловятъ бреднемъ и вкусно жарятъ къ обѣду, вторыя — каждый вечеръ даютъ звонкіе концерты съ сольными и хоровыми номерами. Концерты пользуются большимъ успѣхомъ и исправно посѣщаются всѣми обывателями Волчковъ и гостями — молодыми и пожилыми инженерами строющейся линіи, которая, говорятъ, будетъ имѣть како-то особое значеніе, какъ для будущихъ пассажировъ, такъ и для грузовъ. Но въ чемъ именно это значеніе, я понять до сихъ поръ не могу, хотя вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ слушаю по этому поводу ежедневные споры путейцевъ.

Ну, да Богъ съ ней, съ дорогой. Для меня не такъ важно, насколько будетъ короче путь изъ Москвы въ Кіевъ и почему не нужно будетъ заѣзжать въ Артаково. Гораздо важнѣе то, что уже лѣто подходитъ къ своей кульминаціонной точкѣ, а я все еще не рѣшила вопроса: что-же дѣлать съ собой дальше? Ѣхать-ли въ одинъ изъ «ум-

ственныхъ центровъ» учиться или остаться со своими и, обратившись окончательно въ губернскую барышню, абонироваться въ библіотекѣ и на ноты, ходить слушать заѣзжихъ пѣвцовъ, безжалостно разбивать этюдами и экзерцисами рояль, по вечерамъ смѣнять маму у самовара, а впослѣдствіи стать вѣрной подругой какого-либо коллежскаго ассесора и добродѣтельной матерью. Если-же ѣхать на курсы, то какую избрать спеціальность, чтобы не пришлось потомъ переходить съ одного факультета на другой.

Іюнь.

Счастливая Маруся: у нее проклятый вопросъ «дальше» давно рѣшенъ. Она любитъ Чадаева и счастлива. Чадаевъ окончилъ одновременно съ нами военное училище и теперь гдѣ-то въ лагерѣ подъ Москвой. Онъ хорошо учился и, какъ-то, не совсѣмъ простой юнкеръ — не то фельдфебель, не то вахмистръ. Черезъ мѣсяцъ его произведутъ въ офицеры въ гвардію и онъ пріѣдетъ на двѣ—три недѣли сюда, а затѣмъ съѣздитъ въ полкъ за разрѣшеніемъ жениться, и, когда разрѣшатъ, Маруся и Алеша повѣнчаются и поѣдутъ въ Петербургъ.

Маруся очень любитъ Чадаева, онъ ее тоже, хотя начало ихъ любви не совсѣмъ обычно. Я, какъ близкая подруга, конечно, все знаю.

Два года назадъ три друга — юнкера Иваницкій, Черовсянскій и Чадаевъ пріѣхали изъ училища на праздники домой. Всѣ говорятъ, что только провинція умѣетъ какъ слѣдуетъ весе-

лится и, дѣйствительно, въ Н. рождественскія святки проводились, какъ изъ праздниковъ — праздникъ. Весь городъ танцовалъ, катался, рядился, маскировался и веселился до упаду. Взрослыя барышни, мы — подростки и молодыя дамы, казалось, съ ума сходили отъ радости жизни и молодости и флиртъ висѣлъ въ воздухѣ не только въ гостиныхъ и залахъ, но на каткѣ, въ городѣ, за городомъ, вездѣ, гдѣ, только появлялась шумная ватага молодежи. При этомъ, конечно, юнкера со своими шпорами и заѣзжіе молодые офицеры всегда на первомъ планѣ и передъ ними пассуетъ вся штатская молодежь.

Всѣ ухаживали, всѣ, играя въ почту, писали нѣжныя записочки, всѣ вздыхали, одинъ только Чадаевъ танцовалъ рѣдко, ни по комъ не «страдалъ» и никого рѣшительно не выдѣлялъ изъ свѣжаго букета губернскихъ барышень.

За Марусей Смаковской, унаслѣдовавшей отъ матери удивительное изящество и грацію, увивалось молодежи очень много. Но, увы! Ея сердце молчало, ничье присутствіе не заставляло ея щечки покрываться румянцемъ, ни на кого, маломальски, нѣжно она не смотрѣла, а потому скоро и прослыла: недотрогой, гордячкой, аристократкой и проч.

И вотъ, однажды, три юныхъ послѣдователя Марса заспорили: трудно или нѣтъ вскружить головку и завоевать сердце маленькой гордячки?

И Чадаевъ поспорилъ съ Иваницкимъ на шпоры, что къ отъѣзду въ училище, т. е. черезъ

двѣ недѣли, Маруся въ него влюбится. Иваницкій смѣялся и увѣрялъ, что скоро онъ будетъ щеголять въ новыхъ шпорахъ, а Черовсянскаго просили быть благороднымъ свидѣтелемъ и судьей этого смѣлаго пари.

Поклялись: «чтобъ мы на глухомъ барьерѣ зарыли рѣпу и на первой-же репетиціи получили по колу, если проговоримся»... И Алеша неожиданно для всѣхъ началъ ухаживать за Марусей.

Чадаевъ былъ юноша способный, ему предсказывали большую военную будущность, но мнѣ особенно нравились въ немъ двѣ черты: когда начинался разговоръ о дамахъ и барышняхъ и другіе начинали критиковать ту или другую нашу знакомую или подругу, Алеша всегда говорилъ удивительно поэтично и никогда ни о комъ не отзывался грубо или вульгарно. Чувствовалось, что для него женщина существо высшее, идеальное. Второе, что я въ немъ любила — это удивительное умѣнье танцовать мазурку. И дѣйствительно танцовалъ онъ упоительно. Въ то время, когда наши лучшіе кавалеры, танцуя этотъ благородный танецъ, стучатъ каблуками, громятъ шпорами, закидываютъ голову назадъ и вообще продѣлываютъ невѣроятно-шумные выкрутасы и *pa*, Чадаевъ танцовалъ мазурку удивительно благородно и изящно. Ни одного рѣзкаго движенія, ни одного стука, ни одной избитой позы, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что каждая жилка его тѣла играетъ и кипитъ, а онъ самъ едва касаясь паркета, кажется, летитъ по воздуху.

Не знаю, что онъ говорилъ Марусѣ, что тронуло

ея сердце — мазурка или что другое, но скоро стало очевиднымъ, что Чадаевъ пари выигралъ. Уже къ новому году моя Маруся то безпричинно плакала, то смѣялась, то краснѣла, то блѣднѣла и, наконецъ, призналась мнѣ, что она влюблена. Я люблю Марусю, какъ сестру и этому обстоятельству далеко не обрадовалась, такъ какъ пріятели хотя и дали другъ другу клятвенный обѣтъ молчанія, но довольно прозрачно намекали мнѣ на истинное положеніе дѣла и я догадывалась, что бѣдное сердце моей дорогой подруги стало жертвой жестокой шутки.

Наконецъ и до самой Маруси дошли объ этомъ слухи и припертый къ стѣнѣ перекрестнымъ допросомъ Черовсянскій сознался, что, дѣйствительно, дѣло именно такъ и было и Иваницкій уже отдалъ Чадаеву шпоры.

Вся гордость и самолюбіе сразу заговорили въ обиженной дѣвочкѣ. Алешѣ мною было сказано много жалкихъ словъ, онъ не пытался оправдываться и скоро уѣхалъ учиться. На бѣдную-же Марусю это очень подѣйствовало: она похудѣла, поблѣднѣла, перестала смѣяться, часто шепча мнѣ, что она уже не любитъ и забыла Чадаева, но я чувствовала, что это не такъ и легкомысленный мазуристъ сталъ ей еще дороже.

Іюнь.

Запишу дальше. Прошло три мѣсяца, настала Пасха и три друга опять появились въ Н.

Какъ будто ничего не случилось, Чадаевъ по

прежнему бывалъ въ нашемъ кружкѣ, видѣлся съ Марусей, иногда танцовалъ съ нею, но она, видимо, его избѣгала.

Не знаю, раньше-ли въ душѣ его уже было чувство къ моей бѣдной подругѣ и онъ только прикрывалъ его странной шуткой или теперь видъ похудѣвшей, подурнѣвшей, страдающей Маруси тронулъ его сердце и оно заговорило и зажглось искреннимъ чувствомъ, но онъ сразу измѣнился — пропали его жизнерадостность, шутливость, подвижность, онъ сталъ думать только о ней, сталъ искать съ нею встрѣчъ и возможности, хотя бы только издали, ее видѣть.

Отпускъ скоро кончился. Праздники прошли и Чадаеву нужно было ѣхать въ училище держать экзамены, а онъ все медлилъ, отговорившись не помню чѣмъ, не то болѣзнью, не то разлитіемъ рѣки.

Скоро состоялось объясненіе и примиреніе влюбленныхъ и Алеша счастливый, что все вернулось, но въ то же время печальный, что надо уѣзжать, укатилъ въ Петербургъ.

Все это было два года назадъ и съ тѣхъ поръ почти дѣтская влюбленность окрѣпла, развилась и обратилась въ настоящую привязанность. Черезъ мѣсяцъ Чадаева произведутъ въ офицеры, они офиціально станутъ женихомъ и невѣстой, а затѣмъ свадьба и для моей дорогой Маруси вопросъ «дальше», счастливо или нѣтъ, но уже рѣшенъ и теперь она лишь нетерпѣливо считаетъ дни до срока, когда онъ будетъ съ нею.

Іюнь.

Сегодня появилось въ Волчкахъ новое лицо. Бывающіе здѣсь постоянно инженеры Сипайло и Буровъ привезли съ собой своего товарища, тоже инженера, Гротова, назначеннаго на постройку линіи не то изъ Варшавы, не то изъ Бреста, я не очень хорошо разобрала, но во всякомъ случаѣ откуда-то изъ тѣхъ мѣстъ.

Гротовъ ничего особеннаго изъ себя не представляетъ. Это молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, высокаго роста, шатенъ, уже съ легкой преждевременной просѣдью, что его красивую, вьющуюся шевелюру дѣлаетъ слегка похожей на мѣхъ бобра. Лицо, пожалуй, можно было-бы назвать красивымъ, если-бы не слишкомъ полныя губы.

Послѣ ранняго чая, всѣ, по обыкновенію, засѣли въ преферансъ. Маруся ушла писать письмо, чтобы при отъѣздѣ Сипайло попросить его опустить въ ящикъ. (Федоръ Кузьмичъ Сипайло любезно состоитъ иногда нашимъ почталіономъ).

Гротовъ и я проболтали цѣлый вечеръ. Странное впечатлѣніе производитъ на меня этотъ человѣкъ: когда онъ говоритъ, а говоритъ онъ удивительно красивыя вещи, его хочется слушать, слушать цѣлыми часами не переставая, любуясь музыкой его голоса. Тогда его глаза горятъ, лицо становится вдохновеннымъ и очень красивымъ. Когда-же онъ слушаетъ и смотритъ на меня, то мнѣ почему-то сразу становится какъ-то жутко, стыдно, я начинаю путаться и умолкаю... А его лицо и глаза при этомъ становятся такими, что все ска-

занное имъ передъ тѣмъ красивое и хорошее кажется только одними словами, мысль же таится какая-то другая, не совсѣмъ чистая.

Іюнь.

Вмѣстѣ съ товарищами Гротовъ бываетъ въ Волчкахъ почти каждый день. Всѣ къ нему привыкли, хотя говоритъ онъ главнымъ образомъ со мною, пока прочіе сидятъ за традиціоннымъ преферансомъ.

Іюль.

Сегодня за чаемъ начали говорить сначала о счастьѣ вообще, а затѣмъ говорили о женщинахъ, какъ источникахъ такового.

Гротовъ сперва началъ говорить, обращаясь ко мнѣ и Варѣ, (старшей сестрѣ Маруси) но затѣмъ увлекся и привлекъ общее вниманье. Говорилъ онъ очень красиво, увлекательно, то и дѣло цитируя наизусть стихи и прозу и выходило такъ, что женщину въ женщинѣ онъ видитъ меньше всего. Что женщина это источникъ радости, счастья, нѣжности, свѣта, горя... И даже страданія, причиняемыя женщинами мужчинамъ, должны быть имъ пріятны ибо нѣтъ счастья безъ боли, нѣтъ свѣта безъ тѣней... По словамъ Гротова самая вульгарная, провинціальная дама, видящая цѣль своей жизни только въ сплетняхъ и пересудахъ,—и та носитъ въ своей душѣ искры Божіей несравненно больше, чѣмъ любой идеалистъ — мужчина.

Когда Гротовъ говорилъ, я не могла оторвать глазъ отъ его лица: такъ оно было красиво. Мнѣ

почему-то казалось, что говорилъ онъ все это только мнѣ одной...

Когда-же онъ замолчалъ и съ нимъ заспорили, онъ сталъ слушать, пристально глядя на меня. Впечатлѣніе его блестящей рѣчи сразу померкло, я не могла не смутиться, не съежиться, не застыдиться, какъ будто его взглядъ, скользя по моему лицу, шеѣ и груди, говорилъ совсѣмъ другое...

Сегодня за обѣдомъ не было никого постороннихъ и разговоръ зашелъ о вчерашнихъ словахъ Гротова.

Варвара Яковлевна, Маруся и я хвалили Гротова и говорили, что если-бы всѣ мужчины смотрѣли на женщинъ такъ, какъ онъ, то счастливыхъ женщинъ было-бы вдесятеро больше на свѣтѣ, чѣмъ теперь. Я не преминула разсказать послѣ обѣда Павлику (мужу Варвары Яковлевны) о моемъ двоякомъ впечатлѣніи отъ лица и глазъ Гротова.

Мужская половина дома — Павликъ и Онуфрій Смаковскій съ нами не согласились, доказывая, что еще большой вопросъ, всѣ-ли бы женщины были довольны и счастливы, если-бы ихъ возносили до небесъ. Онуфрій не симпатичный я его не люблю и его мнѣніе мнѣ безразлично, а Павликъ, выслушавъ меня, сказалъ: «Или в а ш ъ Гротовъ идеалистъ, художникъ и поэтъ въ душѣ, или циникъ и развратникъ, какихъ мало. Вопросъ, что правдиво — его слова или глаза?»

Мнѣніе Павлика почему-то мнѣ было непріятно и я, сердито отвѣтивъ. „Почему онъ мой? Онъ скорѣе вашъ, онъ мужчина“, убѣжала въ садъ.

Вечеромъ опять пріѣзжали инженеры. Гротовъ весь вечеръ читалъ мнѣ юмористическіе разсказы и я много смѣялась.

Іюль.

Гротова вижу каждый день, а когда ѣздимъ за почтой на станцію—то и дважды.

Поѣздки за почтой превеселая вещь. Правимъ лошадью по очереди Маруся или я и должна сказать, что это дѣло нелегкое, такъ какъ добрый конь „Желѣзный", рѣшительно не интересуясь почтой и газетами, бѣжать на станцію не хочетъ и все ловчится вернуться обратно, такъ что намъ стоитъ не малаго труда направлять его на путь истинный. Зато домой онъ спѣшитъ всегда ужасно.

Инженеры только-что уѣхали, наигравшись въ карты и наговорившись по горло. Оказалось, что Георгій Михайловичъ (Гротовъ) недурно играетъ на роялѣ и цѣлый вечеръ я выбирала ноты, а онъ безъ устали игралъ мои любимыя вещи. Уходя спать, Павликъ многозначительно погрозилъ мнѣ пальцемъ... Ничего не понимаю...

Іюль.

Случилось несчастье, невѣроятное, дикое несчастье, какое я едва-ли буду въ силахъ описать: Чадаевъ, Марусинъ женихъ, застрѣлился... Бѣдный, милый Алеша! Только сейчасъ узнала изъ-за чего онъ погибъ. Пусть твоя гибель, и Марусино горе будутъ вѣчнымъ пятномъ на совѣсти того, кто это устроилъ — Онуфрія, брата Маруси. Онуфрій уже давно, какъ только мы пріѣхали въ

Волчки, все время говорилъ Марусѣ о женихѣ, убѣждая ее, что онъ ее не любитъ и женится на ней только потому, что нуждается въ ея приданномъ для жизни въ полку. Этимъ и объяснялъ онъ нѣсколько необычное начало его чувства. Не знаю, были-ли посвящены остальные родные въ его планы, но какъ оказывается онъ просилъ мнѣ ни слова не говорить, боясь моего вліянія на Марусю. Въ результатѣ его уговоровъ, Маруся написала съ недѣлю назадъ письмо жениху, чтобы онъ не трудился пріѣзжать послѣ производства, что между ними все кончено и какъ на причину своего рѣшенія указала на его корыстолюбіе, а сама, чтобы забыться, стала кокетничать съ сосѣдомъ, приторнымъ полякомъ, Брыкъ-Брикевичемъ.

И вотъ сегодня утромъ Сипайло приноситъ Марусѣ съ почты большой конвертъ. Маруся разорвала, взглянула и грохнулась безъ памяти на полъ.

Часа два она не приходила въ себя и только тогда я вспомнила о таинственномъ письмѣ, которое успѣли припрятать. Оказывается гордый мальчикъ, получивъ Марусино жестокое письмо, не могъ снести оскорбленія и разлуки съ нею и покончилъ разсчеты съ жизнью, какъ разъ наканунѣ радостнаго дня полученія офицерскаго диплома. Марусѣ-же оставилъ въ запискѣ всего одну строчку:

— „Прощайте! Все ложь — я богаче Васъ“...

Его пріятель Иваницкій переслалъ эту записку, прибавивъ отъ себя еще нѣсколько словъ.

Бѣдный, бѣдный Алеша! За что ты погибъ!

Іюль.

Маруся весь день и всю ночь не плакала, а лишь смотрѣла какъ безумная и все повторяла: — „Я убила... Я убила"...

Алешиной записки съ того свѣта она не успѣла прочесть и Онуфрій совѣтуетъ не показывать, говоря, что это еще больше ее разстроитъ. Я разсердилась, расплакалась и сказала, что если Марусѣ записку не отдадутъ, я ей все равно разскажу обо всемъ.

Онуфрій противный. Я его ненавижу. Никогда этотъ вѣчный студентъ и реальный дѣлецъ не былъ мнѣ симпатиченъ, а теперь я чувствую къ нему прямо таки отвращеніе и отлично понимаю почему онъ все это устроилъ. Отецъ Маруси старъ, дѣлами не занимается, всѣмъ имуществомъ управляетъ Онуфрій и ему не хочется выдѣлять Марусю, что съ ея замужествомъ неминуемо должно было произойти.

Іюль.

Маруся прочла записку покойнаго жениха. При видѣ Онуфрія съ нею дѣлаются припадки и сегодня мы уѣзжаемъ въ городъ.

Августъ.

Гротовъ здѣсь. Я его встрѣтила на улицѣ. Удивленію моему не было границъ.

Онъ спросилъ: — Ну что, удивлены?... Не ожидали? Хоть немножко рады?...

Я сказала, что рада, такъ какъ часто вспоминаю наши вечернія бесѣды. Просилъ разрѣшенія прійти поиграть на роялѣ. Я дѣйствительно ему рада — по вечерамъ какъ будто чего-то не доставало.

Августъ.

Вчера былъ Гротовъ. Оказывается онъ бросилъ выгодную работу на постройкѣ и пока будетъ работать здѣсь. Для чего онъ сюда пріѣхалъ? Вѣроятно для Маруси. Тогда странно, что онъ о ней почти не спросилъ; — она на дняхъ уѣхала на Кавказъ.

Августъ.

Мамѣ Георгій Михайловичъ очень понравился и она его усиленно потчуетъ булочками и вареньями, до которыхъ, кажется, онъ большой охотникъ. Мама даже угощала его завѣтнымъ вареньемъ изъ розы, что считается знакомъ ея особаго благоволѣнія. Папа вѣренъ себѣ и говоритъ, что «на семъ свѣтѣ все познается путемъ сравненія»...

Сентябрь.

Гротовъ бываетъ почти каждый день: то вечеромъ, то днемъ — съ книгами или нотами. Говоримъ и читаемъ до хрипоты. Когда надоѣстъ спорить, онъ играетъ, а я и мама слушаемъ.

Мама что-то въ умѣ рѣшила, потому-что часто смотритъ на икону, крестится и про себя шепчетъ:

— «Далъ-бы Богъ, а то вздумала курсы»..,

Октябрь.

Сегодня Георгій Михайловичъ уѣхалъ къ себѣ въ Варшаву, какъ говоритъ папа, «къ мѣсту штатнаго служенія».

Вчера вечеромъ онъ былъ еще здѣсь; сидѣлъ у насъ; за окномъ лилъ дождь, мы не спорили, не читали и говорили мало. Почти весь вечеръ онъ просидѣлъ за роялемъ, играя грустные, тихіе мотивы или перебирая клавиши и беря минорные аккорды.

Теперь онъ мчится въ поѣздѣ, а мнѣ почему-то грустно. Что онъ для меня? Чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлаться за это время? Мнѣ трудно самой себѣ сознаться и рѣшить... А вернись онъ сейчасъ — я буду очень, очень рада...

Октябрь.

Гротовъ пишетъ очень часто. Говоритъ, что скучаетъ въ огромной шумной Варшавѣ по тишинѣ и простотѣ нашего маленькаго городка и по нашимъ безконечнымъ спорамъ. Собирается въ декабрѣ взять длинный отпускъ и провести всю зиму здѣсь. Я отвѣтила, что удивляюсь ему: развѣ нѣтъ болѣе веселаго и пріятнаго города или курорта, чтобы тратить время отпуска на нашу глухую провинцію. Это не кокетство, а искреннее убѣжденіе. Я люблю наше милое захолустье, но въ отпускъ сюда я никогда-бы изъ столицы не поѣхала. Развѣ только, чтобы навѣстить маму.

Ноябрь.

Только-что я перечитала эту синенькую, скромную тетрадку и у меня явилась мысль: — зачѣмъ,

собственно говоря, я все это пишу? Вѣдь никто никогда кромѣ меня этихъ наивныхъ записокъ читать не будетъ. А если, паче чаянія, тетрадка кому-либо и попадется въ руки, то читатель, вѣроятно, только удивится варварскимъ оборотамъ рѣчи и разстановкѣ знаковъ препинанія, съ которыми, надо сознаться, съ перваго дня ученія я вела ожесточенную войну и даже къ концу гимназіи не могла пріучить ихъ къ повиновенію и заставить становиться по мѣстамъ, отведеннымъ для нихъ грамматикой Кирпичникова.

Конечно, я пишу только для себя самой. Вѣдь невозможно удержать въ памяти массу подробностей, массу именъ и мелочей, а какъ пріятно будетъ подъ старость все вспомнить! Говорятъ-же, что перечитывая давно - давно полученныя письма, людямъ кажется, что они вторично переживаютъ время, когда эти письма были написаны.

Декабрь.

Георгій Михайловичъ пріѣхалъ. Говоритъ, что ему давно хочется отдохнуть отъ суеты и шума большого города и онъ намѣренъ прожить здѣсь Рождество и весь январь.

Святки ожидаются изъ веселыхъ веселыя: — провинція рѣшила не на шутку повеселиться. У Вывертовыхъ и у Червецовъ готовятся домашніе спектакли. Смаковскіе организуютъ цыганскій таборъ и репетируютъ романсы для посѣщенія всѣмъ таборомъ знакомыхъ. У Венгерцевыхъ — живыя картины. Кромѣ того еще костюмированные и некостюмированные вечера въ Дворянскомъ

и Благородномъ собраніяхъ, а также и елки, которыми мы, взрослые, все-же не брезгаемъ и украдкой щиплемъ съ нихъ конфетки и орѣшки.

Но самое интересное и веселое изъ всего этого — репетиціи. Кто въ молодости не участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ и не знаетъ, что такое эти репетиціи!...

Веселья, болтовни и танцевъ будетъ хоть отбавляй. Бѣдные языки и каблуки!

Декабрь.

Георгій Михайловичъ уже познакомился почти со всѣмъ нашимъ обществомъ и будетъ участвовать во всѣхъ спектакляхъ, гдѣ участвую я.

Декабрь.

Дѣла столько, что нѣтъ минутки чтобы написать хоть строчку.

Спектакли, танцы, катанья, поѣздки, — все это бѣжитъ одно за другимъ, какъ безконечная, пестрая лента.

Ноги уже просятъ пощады, а языкъ ничего: — еще шевелится и издаетъ звуки...

Гротовъ отъ меня не отходитъ — мѣстные кавалеры дуются...

Январь.

Новый годъ принесъ мнѣ большую неожиданность: я невѣста Гротова!

Третьяго дня Георгій Михайловичъ пришелъ къ намъ днемъ, когда я его совсѣмъ не ждала. Былъ канунъ Крещенія. Сумерки уже заволакивали комнату. На улицѣ традиціонный крещенскій морозъ зарисовалъ причудливыми узорами

окна. Мама хлопотала въ столовой по поводу кутьи, а папа игралъ на фисгармоніи свои любимые церковные мотивы. Мы сидѣли вдвоемъ въ нашей старомодной гостиной. Въ комнатѣ было очаровательно уютно и тепло. Не хотѣлось двигаться и зажигать лампу. Гротовъ, поддавшись этому очарованію, первое время молчалъ и прислушивался къ стройнымъ, печальнымъ звукамъ пѣснопѣній, потомъ незамѣтно, тихо заговорилъ обо мнѣ, о себѣ, о томъ, что онъ меня любитъ...

Я слушала его, какъ въ туманѣ, на душѣ и сердцѣ было тихо и покойно, а тѣло нѣжилось и отдыхало послѣ вчерашнихъ танцевъ. Мнѣ хотѣлось-бы все такъ сидѣть и сидѣть не двигаясь и слушать слова о томъ, какъ меня любятъ. Порою, въ голосѣ Гротова слышались вопросъ и мольба...

Я не помню, что я говорила, не помню, какъ я сказала: — Да, люблю...

Юрій сталъ тихо цѣловать мои пальцы, волосы, лицо... Я очнулась, когда въ гостиную вошла мама, а Георгій Михайловичъ ей громко сказалъ:

— Ольга Петровна, я люблю Аллу Сергѣевну и отъ Васъ теперь зависитъ, чтобы мы были счастливы...

Милая, добрая мама ахнула, присѣла, выдала свою сокровенную мысль: «Слава Те, Господи, Царица Небесная»... И побѣжала къ папѣ. Мы пошли за нею.

Папа оборвалъ на полутактѣ мелодію, слезы брызнули изъ глазъ моего родного старичка, онъ засуетился, для чего-то схватилъ ноты, потомъ

платокъ и только высморкавшись проговорилъ:

—Хотите жениться? Отлично!...Я самъ когда-то женился и могу сказать, что семейная жизнь лучше холостой... Все узнается путемъ сравненія...

Я прижалась къ мамѣ и расплакалась.

Январь.

Свадьба моя будетъ весною, вѣроятно, въ маѣ. Не предполагалось, что я такъ скоро выйду замужъ и приданное не готово, а мама обязательно хочетъ, чтобы все было, «какъ у людей».

Мама не хочетъ, чтобы я вѣнчалась въ маѣ — боится, что прійдется всю жизнь «маяться». Но ничего нельзя подѣлать: Пасха будетъ поздняя,— въ концѣ апрѣля и это ближайшій срокъ.

Апрѣль.

Весь домъ заваленъ платьями, наволочками, скатертями, бѣльемъ. Меня мучаютъ примѣрками, безконечными вопросами и пожеланіями.

Мама хлопочетъ, выбираетъ, заказываетъ, торгуется, жалуется на «денной грабежъ» магазиновъ и бѣлошвеекъ и нѣтъ, нѣтъ, да и всплакнетъ. А иногда скажетъ:

— Рада я, Аллочка, рада, что выходишь ты за хорошаго человѣка, а все-же лучше было-бы, если-бы жила ты у насъ тутъ, поближе. Чего у тебя нѣтъ, я дала-бы, да и посовѣтовала-бы, если чего знать не будешь, а то какъ ты тамъ будешь одна, на чужой сторонѣ...

Я утѣшаю, успокаиваю маму, какъ умѣю, а самой становится тяжело и грустно на душѣ.

Вотъ и рѣшила я свой вопросъ «дальше». Тутъ я была счастлива, въ этихъ комнаткахъ съ

тюлевыми занавѣсочками и геранью на окнахъ, а какъ-то будетъ дальше?...

Апрѣль.

Вѣроятно, всѣ матери помнятъ, что молодой дѣвушкѣ, выходящей замужъ, надо что-то разсказать, посвятить ее въ какую-то тайну, на что-то наставить.

Добрая моя, старушка! Вѣроятно, это для нее было заботой сложнѣе моего приданнаго. Для меня это было-бы безусловно такъ.

— И ты и твои подруги-щебетухи, всѣ думаете, что замужество это романсы, да соловьи въ саду. — Начала говорить мама, накачавшись, какъ говоритъ папа, наконецъ, духу. — Замужество это не шутка. Когда останешься вдвоемъ съ мужемъ, прежде всего не надо стыдиться. Надо помнить, что съ тобою не чужой человѣкъ а вѣнчаный мужъ, но и безстыдницей тоже быть нельзя — хоть и при мужѣ, но стыдъ всегда помнить надо...

Я очень плохо понимала маму, тѣмъ болѣе, что и мама говорила такъ, какъ будто важнѣе все, что она скажетъ не для меня, а для нее самой и ей хочется только свалить гору съ плечъ.

— Бросьте, мама, говорить объ этомъ, — перебила я. — Не нужно ни къ чему меня готовить. Я ничего не знаю, но, дастъ Богъ, женскій инстинктъ мнѣ подскажетъ, когда, какъ себя держать.

Мама обрадовалась, что я сняла съ нее эту тяжелую обязанность и уже больше не пыталась говорить объ этомъ.

Да, вѣроятно, много такта, чутья и деликатности нужно людямъ въ такой интимной вещи, какъ супружеская жизнь, чтобы не было непріятнаго осадка и стыда.

Тогда какъ-то затерялось въ памяти, а теперь, когда я это пишу, мнѣ вспоминается маленькій эпизодъ. Вскорѣ послѣ объявленія меня невѣстой, однажды Юрій обнялъ меня привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ. Я отвѣтила на поцѣлуй и онъ сталъ покрывать поцѣлуями мое лицо, руки, шею все крѣпче и крѣпче прижимая меня къ себѣ. Я нѣжилась отъ пріятнаго прикосновенія его губъ и усовъ и подставляла ему для поцѣлуя то глаза, то щеки, то лобъ, то губы... Вдругъ я почувствовала, что обнимающая меня рука Юрія, скользя по таліи, проникла подъ корсажъ и горячіе пальцы сжимаютъ мою грудь. Я сразу опомнилась, очарованіе поцѣлуевъ исчезло, мнѣ стало до слезъ стыдно и, выскользнувъ изъ объятій Юрія, я отбѣжала въ сторону. Скоро вошелъ папа и я жениху ничего не успѣла сказать.

Два года назадъ, когда я была въ шестомъ классѣ, я и Черовсянскій были «влюблены» другъ въ друга, какъ только могутъ влюбляться двое шестнадцатилѣтнихъ дѣтей. Часто, украдкой отъ мамы, мы цѣловались. Борисъ меня обнималъ, но какія чистыя, хорошія это были объятья. Какъ онъ боялся нечаянно коснуться моего бюста или ноги. Я теперь не влюблена въ Черовсянскаго, я люблю другого, но наивные поцѣлуи милаго Борика почему-то я помню, какъ нѣчто свѣтлое и

хорошее, а при воспоминаніи о поцѣлуяхъ человѣка любимаго, я начинаю краснѣть и стыдиться, какъ будто въ нихъ есть уже нѣчто нехорошее.

Когда еще разъ, цѣлуя меня, Юрій сжалъ мнѣ грудь, я рѣзко отстранила его руку и попросила такъ меня не обнимать. Онъ пробормоталъ какое-то извиненіе и больше этого не дѣлалъ.

Апрѣль.

Первый день Пасхи. Въ этомъ году Свѣтлый Праздникъ для меня еще свѣтлѣе: вчера, совсѣмъ неожиданно, пріѣхалъ Юрій. Какое счастье быть такъ любимой, какъ онъ любитъ меня. Онъ сознался, что ему было-бы тяжело провести праздникъ безъ меня. Какой онъ милый! Какъ я рада!...

Мы были вмѣстѣ у заутрени. Я никогда не забуду этой чудной ночи, когда темная синева неба уже поблѣднѣла, звѣзды стали меркнуть, а на Востокѣ образовалась свѣтлая полоска разсвѣта. Я, сіяя душой, возвращалась съ Юріемъ изъ церкви, навстрѣчу намъ шли люди съ радостью на лицахъ и мнѣ казалось, что не великій праздникъ сдѣлалъ ихъ радостными и привѣтливыми, а отраженіе моего счастья и моего восторга.

Мое сердце рвалось навстрѣчу каждому и, казалось, хотѣло вырваться изъ груди, когда я говорила знакомымъ и незнакомымъ: — Христосъ Воскресъ!...

Дома насъ уже ждали папа и мама и нѣсколько не имѣющихъ родныхъ, «бездомныхъ» знакомыхъ по традиціи у насъ всегда разговляющихся.

— Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ! — какъ-то особенно тепло звучитъ сегодня пасхальный привѣтъ.

Мнѣ было очень стыдно и совѣстно поцѣловать Юрика при всѣхъ, когда онъ, вынувъ изъ кармана большое яйцо, послѣ всѣхъ, подошелъ ко мнѣ. Я поцѣловала его, покраснѣла, чуть не заплакала со стыда и убѣжала.

Въ яйцѣ лежала прелестная, изящная брошь. Мама говоритъ: — Нехорошо, не къ добру, первый подарокъ съ булавкой...

— Я не вѣрю.

Уже давно всѣ разошлись. Мой Юрій, навѣрное, уже крѣпко спитъ. Яркое весеннее солнышко смотритъ на меня черезъ окно. Воробьи въ садикѣ громко спорятъ изъ-за мухи, которую никакъ не могутъ подѣлить. Пора и мнѣ спать... Не знаю, засну-ли я отъ счастья?...

Май.

Завтра моя свадьба. Завтра мы вѣнчаемся и уѣзжаемъ на нѣсколько недѣль за границу: сначала въ Германію, гдѣ Юрію нужно посмотрѣть и изучить какія-то машины, затѣмъ въ Швейцарію и Италію, а потомъ, домой, въ Варшаву.

Всѣ сундуки съ моимъ приданнымъ уже отправлены и въ домѣ, какъ будто стало тише. Но вмѣстѣ съ этой тишиной въ душу проникаетъ какая-то смутная тревога: Что-то будетъ? Что ждетъ меня? Завтра я уѣду отъ своихъ, уѣду изъ этого милаго, родного домика и буду пріѣзжать

сюда уже какъ гостья, а тамъ, гдѣ-то далеко, далеко, въ чужомъ, шумномъ городѣ, будетъ мой домъ...

Май.

Почти трое сутокъ мы мчались, какъ вѣтеръ, сначала по безконечнымъ равнинамъ Россіи, а затѣмъ по культурнымъ полямъ сосѣдки — Германіи. Сколько картинъ, сколько городовъ, сколько людей промелькнуло передъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ!

Какъ во снѣ, я помню мое вѣнчаніе, блескъ свѣчей, слова священника, торжественное пѣнье. Потомъ — поздравленья, отъѣздъ, проводы, цвѣты, такое милое заплаканное, родное лицо мамы.

А потомъ... Мы остались съ Юріемъ вдвоемъ. Мои мысли были какъ въ туманѣ и я еще всей душой была дома, съ мамой.

Юрій сталъ говорить о своей любви, сталъ цѣловать мое лицо, руки, шею... Его глаза горѣли по новому. Всегда блѣдное лицо стало краснымъ, движенья — порывистыми... Я чувствовала, что приближается что-то неизбѣжное, страшное и только просила, отстраняя его руки: — Не здѣсь... Не надо... Потомъ...*

Я вскрикнула и очнулась отъ веселаго, громкаго смѣха, раздавшагося рядомъ въ купэ, ясно разслышавъ: — Молодожены...

---

*) Въ этомъ мѣстѣ въ дневникѣ нѣсколько словъ тщательно зачеркнуто. И. П.

Не помня себя, я оттолкнула Юрія, вскочила съ дивана и слышала, какъ въ корридорѣ кто-то спорилъ изъ-за мѣста...

Радостное настроеніе, столько дней не покидавшее меня до свадьбы, сразу исчезло, а на лицо была только одна дѣйствительность: красная, пыльная обивка вагона, пьяный, пошлый смѣхъ сосѣдей и истомленное, поблекшее лицо любимаго мужа рядомъ...

Гдѣ-же счастье и радость первыхъ объятій, о которыхъ, говорятъ, всѣ женщины такъ мечтаютъ? Мечты эти какъ-то не коснулись меня, но неужели-же правда, что поэзія въ жизни женщины бываетъ только до свадьбы?...

Іюнь.

Мѣсяцъ за границей пролетѣлъ, какъ одинъ день. Не знаю, можетъ быть, только мнѣ,—скромной провинціалкѣ, показалось все такъ сказочно красиво, но еще теперь, уже вернувшись и устраивая свое гнѣздо я, нѣтъ, нѣтъ, да и закрою глаза и мимо, какъ на экранѣ, летятъ шумные европейскіе города, веселые или суровые виды и разноплеменные люди.

Живо въ памяти встаютъ: грандіозный, шумный Берлинъ съ его памятниками и несравненной Sieges-Allee; изящный Мюнхенъ съ картинными галлереями и антикварами на каждомъ шагу; — зеленая кайма изъ виноградниковъ съ далекими Альпами на горизонтѣ, обрамляющая прозрачныя воды Боденскаго озера. Вспоминается Констанцъ —маленькій старинный городокъ на берегу Bodensee

и Рейна, гдѣ много вѣковъ назадъ судили Іоанна Гусса и, если вѣрить Галеви, сожгли Рахиль и Элеазара; — затѣмъ — громады горъ Швейцаріи, бархатно-зеленыя у подножія и ярко-бѣлыя, вѣчными снѣгами, на вершинахъ; — узкая лента дороги, вьющаяся, какъ змѣя по краю пропасти; — ущелья, тоннели, водопады, голубая лазурь Женевскаго озера; обѣдъ въ снѣгахъ, выше облаковъ, на Righi-Kulm; — длиннѣйшій въ Европѣ Сентъ-Готардскій тоннель. Потомъ Италія: — полный туристовъ Миланъ съ знаменитѣйшимъ соборомъ, галлереями и близъ лежащими красивыми итальянскими озерами; — таинственная красавица — Венеція съ ея единственными въ мірѣ каналами, съ соборомъ Святого Марка, голубями, венеціанскими кружевами, дворцомъ дожжей, гондолами и чудными мелодичными пѣсеньками, со сборомъ въ бубенъ piccola moneta послѣ каждаго исполненнаго номера.

Уже давно погасли огни во всѣхъ окнахъ, Венеція спитъ, убаюканная тихимъ плескомъ волнъ. но съ ярко-озареннаго луной Canale Grande долго еще слышатся нѣжные звуки мандолинъ и „ Addio mia bella Napoli“...

Утромъ ѣздили на Лидо, гдѣ я любовалась взморьемъ, оживленнымъ живописной толпой очаровательныхъ купальщицъ.

А на другой день мы поѣхали туда, куда, говорятъ, ведутъ всѣ пути — въ вѣчный, сѣдой Римъ.

Соборъ Святого Петра, развалины залитаго кровью Коллизея, Ватиканъ, Форумъ-Романумъ, Пинчіо

стоятъ въ моей памяти, какъ будто только вчера виденные.

Римъ! Римъ! Какъ сильно билось мое сердце, какъ всей душой я отрѣшалась отъ настоящей жизни, переносясь воображеніемъ ко временамъ Юлія Цезаря, гладіаторовъ, Леонардо-да-Винчи, Рафаэля...

Въ Римѣ пробыли четыре дня. Съ грустью я покинула вѣчный городъ и сѣла въ грязный итальянскій вагонъ. Нѣсколько часовъ и... bella Napoli.

Говорятъ: „Vedi Napoli et poi mori!“ Я бы сказала: посмотри на Неаполь и на его окрестности со стороны и тогда, дѣйствительно, будешь удивляться творчеству Великаго Художника.

Какъ пьяная я бродила по чуднымъ садамъ Сорренто и Капри, по цѣлымъ часамъ просиживала на берегу, любуясь голубой лазурью моря съ утопающимъ въ зелени Неаполемъ вдали.

Дважды побывала въ лазурномъ гротѣ — въ солнечную и пасмурную погоду.

Сколько разъ въ школѣ я слышала и повторяла: «Везувій, Этна, вулканы»... Однажды даже произошелъ траги-комическій случай:—я сидѣла на урокѣ географіи и думала о чемъ-то совсѣмъ не географическомъ; вдругъ чувствую толчекъ сосѣдки, слышу шопотъ: — тебя!

Вскакиваю.

— Гдѣ находится Везувій? — повторяетъ свой вопросъ учитель.

Не понимаю по какой ассоціаціи мыслей я безъ запинки отвѣтила: — Тамъ, гдѣ, какъ намъ кажется, небо сходится съ землею...

Положеніе было, конечно, комическое, но его трагизмъ заключался въ томъ, что журналъ противъ моей фамиліи украсился жирной единицей.

И вотъ этотъ самый Везувій, безсознательно причинившій мнѣ такую непріятность, я видѣла въ двухъ шагахъ, я стояла, почти, на самомъ краю страшнаго кратера.

Хотя ожидалось частичное изверженіе и туристовъ, желающихъ ѣхать на Везувій было не особенно много, но я не хотѣла простить Везувію единицы и рѣшила во чтобы то ни стало ступить на него собственной ногой. Мужъ, (никакъ не могу привыкнуть къ этому слову), самъ большой любитель ѣздить по окрестностямъ и все осматривать, немного со мной поспорилъ, но потомъ согласился.

Выѣхали утромъ. До Портичи ѣхали по желѣзной дорогѣ, затѣмъ вверхъ съ паровичкомъ по зубчатому пути, потомъ по подвѣсной дорогѣ и послѣднюю часть пути къ кратеру, гдѣ уже одна застывшая лава и зола, я на носилкахъ, а мужчины пѣшкомъ. Тащили меня два дюжихъ итальянца, предварительно привязавъ къ сидѣнью основательной веревкой. Подъемъ очень трудный, итальянцы поминутно спотыкались, я качалась, какъ маятникъ и боялась, что вотъ, вотъ мои носильщики покатятся внизъ вмѣстѣ съ „bella signora russa".

А страшный кратеръ съ клубами чернаго дыма и пара все ближе и ближе... Противный сѣрный запахъ все сильнѣе давитъ грудь... Уже то правѣе, то лѣвѣе пути текутъ ручейки красной полузастывшей лавы. Еще сотня шаговъ и мы у края кратера.

Взглянула внизъ. Въ лицо пахнуло жаромъ и запахомъ сѣры... На днѣ невѣроятно-огромной кострюли накаленная, расплавленная масса кипитъ, бурлитъ, вздувается, стремясь заполнить до краевъ гигантскій сосудъ — пропасть.

Бѣда, если этотъ сосудъ переполнится. Погибнутъ прекрасные сады и виноградники, какъ паутина, облѣпившіе подножіе живой горы. Не сдобровать и городу... Уже есть такіе заживопогребенные мертвецы: несчастная Помпея и Геркуланумъ...

Идешь по бывшей улицѣ: — Вотъ былъ домъ такого-то, здѣсь была баня, тамъ — циркъ, здѣсь— храмъ... — поясняетъ услужливый чичероне. Сколько найдено застывшихъ въ золѣ людей: спящихъ, сидящихъ, обнимающихся, бѣгущихъ. — Никого не пощадилъ адскій дождь.

Помпея единственное грустное воспоминаніе изъ моихъ дней въ Италіи. Увы, только дней, — ночей я такъ радостно вспомнить не могу. Все, все чудное, лазурное, ясное, что я видѣла въ Италіи днемъ, портили и грязнили ночи. Уже съ наступленіемъ сумерекъ мнѣ становилось не по себѣ, я начинала ожидать чего-то, что должно было испортить все впечатлѣніе дня. Когда же послѣ ужина я приходила къ себѣ и мужъ, съ покраснѣвшимъ лицомъ, начиналъ меня цѣловать — я готова была плакать.. Неужели-же люди не могутъ жить, не могутъ обходиться безъ того, что дѣлаетъ ихъ животными... А иногда даже хуже...

Мнѣ трудно забыть одинъ вечеръ и ночь.

Это было въ Парижѣ въ оперѣ. Шелъ Парсифаль. Мнѣ еще въ Германіи хотѣлось видѣть эту оперу. По случайности, мы съ мужемъ сидѣли только вдвоемъ въ небольшой, темной ложѣ бенуара. И вотъ, когда я, упоенная музыкой и пѣніемъ и увлеченная чудной картиной, не отрываясь, глядѣла на сцену, гдѣ красавица Кундри омывала и вытирала своими волосами ноги чистаго сердцемъ, цѣломудреннаго рыцаря Грааля — Парсифаля. Весь огромный театръ былъ очарованъ этой трогательной картиной. У меня слезы лились изъ глазъ отъ умиленья. Юрій тихонько пересадилъ меня къ себѣ на колѣни, я-же, думая, что онъ тоже захваченъ музыкой, нѣжно обняла его голову. Вдругъ я почувствовала, что мои ноги обнажены и ихъ касается рука и чужое горячее тѣло...

Прекрасная картина мгновенно исчезла. Не помня себя отъ отвращенія, я отпрянула отъ Юрія и до конца спектакля, а затѣмъ и ночью, горькія слезы, не переставая, лились изъ моихъ глазъ. Мужъ-же былъ веселъ и удивлялся моему огорченію.

Этотъ вечеръ, вѣроятно, я буду помнить всю жизнь.

Іюнь.

Понемногу начинаю привыкать къ Варшавѣ и новой обстановкѣ, только никакъ не могу понять Юрія и освоиться съ его отношеніемъ ко мнѣ. Ясно, что онъ меня любитъ. Онъ не скучаетъ, смѣется, шалитъ со мной, какъ ребенокъ, но вдругъ его взглядъ измѣнится, потемнѣетъ, лицо покраснѣетъ

и тогда я отхожу куда-то далеко, далеко, а остается только мое тѣло... Онъ хватаетъ меня, рветъ на мнѣ платье, бѣлье и заставляетъ ему принадлежать, не считаясь ни съ временемъ, ни съ мѣстомъ, ни съ прислугой... — На диванѣ, на креслѣ, на коврѣ въ гостиной, а вчера даже въ передней на сундукѣ... Я сопротивлялась, отбивалась, мои волосы распустились и мели пыль изъ-за сундука. Его ничто не останавливало, а мое сопротивленіе еще больше раздражало... Едва я успѣла освободиться отъ его объятій и поправить костюмъ, какъ вошла въ переднюю горничная и теперь мнѣ стыдно смотрѣть ей въ глаза.

Ничего не понимаю — неужели-же эти объятія гдѣ придется, безъ отдыха и срока, и есть тотъ пресловутый медовый мѣсяцъ, о которомъ дѣвушки мечтаютъ, а женщины вспоминаютъ всю жизнь?...

Іюнь.

Раньше я не знала, счастлива я или нѣтъ, но я всегда была весела, безпечна и очень рѣдко плакала. Теперь-же я с ч а с т л и в а, но слезы все чаще и чаще льются изъ глазъ. Меня никто не обижаетъ, а плачу я часто. И сейчасъ я пишу эти строки, а слезы уже близко!

Вчера пришли къ намъ завтракать двое друзей мужа — инженеры. Они недавно откуда-то пріѣхали и я ихъ не знала. Я проснулась поздно и еще одѣвалась, когда Юрій, оставивъ гостей въ гостиной, зашелъ въ спальню справиться, скоро-ли я выйду. Увидѣвъ меня еще не одѣтой, хотя гости его ждали, онъ не могъ удержаться, чтобы въ пыль-

номъ платьѣ, въ какомъ былъ на линіи, не повалить меня на кровать и не заставить покориться его ласкамъ. Никакія мои просьбы и убѣжденія не помогли.

Нашу возню и мои сопротивленія гости, конечно, слышали.

Затѣмъ Юрій взялъ самую интимную часть женскаго бѣлья и понесъ къ гостямъ.

— Смотрите, какая прелесть! Не панталоны, а мечта... Вотъ что значитъ жениться — услышала я его голосъ изъ гостиной.

Гости весело смѣялись и что-то шопотомъ говорили Юрію, а потомъ одинъ изъ нихъ началъ декламировать какіе-то куплеты.

Когда мужъ, достаточно продемонстрировавъ мою вещь, вернулся въ спальню, я сидѣла и плакала. Первый разъ у меня закралась мысль: неужели всѣ мужчины такъ относятся къ женамъ и не понимаютъ, гдѣ начинается стыдъ и интимность? У меня было ощущеніе, будто меня раздѣли при чужихъ и мнѣ не хотѣлось выходить къ завтраку.

Юрій-же и его друзья, повидимому, не замѣчали моей неловкости и весь завтракъ весело говорили между собой, иногда намеками, которыхъ я совсѣмъ не понимала.

Іюнь.

Чѣмъ дальше я живу «семейной» жизнью, тѣмъ больше и больше мнѣ кажется, что мужчины устраиваютъ себѣ супружескую жизнь только съ одной цѣлью. Если это такъ, то это ужасъ!

Какая разница въ моей жизни между днями и ночами. Днемъ я болѣе или менѣе спокойна. Я могу заняться, поиграть, почитать и Юрій днемъ такой добрый, внимательный и хорошій. Но уже вечеромъ я чувствую себя не по себѣ, начинаю волноваться, бояться: что новое еще придумаетъ мужъ для ночи? Все то, что было раньше и что для меня было всегда непріятно, его уже не интересуетъ и онъ началъ придумывать все новыя и новыя позы и положенія. А мнѣ все это противно и стыдно...

Эти дни я больна, какъ обыкновенно болѣютъ всѣ взрослыя женщины. У меня это проходитъ довольно тяжело, съ головной болью и длится почти недѣлю. Я думала, что отдохну... Мужъ, узнавъ что я больна, вечеромъ началъ любоваться моими руками, сталъ цѣловать ихъ все приговаривая: какія чудныя, пухлыя ручки, какіе милые пальчики-поросятки... Когда я легла, Юрій опять заговорилъ о рукахъ, началъ цѣловать меня, метаться отъ страсти и сталъ просить, чтобы я рукой... Я превозмогла непріятное чувство и брезгливость и...[1]) только, когда мои руки стали мокрыми, онъ успокоился...

Августъ.

Уже съ недѣлю, со мной творится что-то неладное. Все мнѣ противно, все скучно, ѣсть ничего не хочу. Голова временами, какъ чужая. Сегодня пошла къ старичку доктору Ходаковскому и, о радость! — У меня будетъ бэби. Какъ я рада! Какъ счастлива!

---

*) Въ этомъ мѣстѣ въ дневникѣ нѣсколько словъ тщательно зачеркнуто. И. П.

Теперь и тошнота, и недомаганіе стали для меня счастьемъ. Хочется съ кѣмъ-нибудь подѣлиться моей радостью. Пишу и жду звонка Юрія. — Вотъ онъ-то обрадуется: вѣдь онъ будетъ папа.

Теперь, когда я знаю, что изъ-за того, что мнѣ было такъ противно и непріятно, у меня будетъ маленькій, я готова плакать отъ радости, что это все было...

Августъ.

Мои радость и счастье были непродолжительными. Какъ хрупки на землѣ иллюзіи! Мужъ совсѣмъ не обрадовался перспективѣ стать отцомъ, а сталъ говорить о моей молодости, о весельѣ, о пеленкахъ, о томъ, что грѣшно въ двадцать лѣтъ отдавать себя въ рабство материнству, а главное, такъ рано портить фигуру...

Доводы, уговоры, просьбы и... въ результатѣ мерзкая операція и у меня не будетъ дитяти. Вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ, у меня въ душѣ что-то оборвалось къ человѣку, съ которымъ я иду въ жизни рядомъ.

А онъ, едва я оправилась, опять принялся за свое.

Августъ

Бѣдная мама, вѣроятно, чувствуетъ, что мнѣ тяжело, хотя я ей и пишу веселыя письма, ни на что не жалуясь. Да и какъ пожаловаться на то, что мужъ меня «любитъ». Мама мнѣ пишетъ: «Бѣдная моя крошка, ты пишешь, что ты счастлива, но чувствую я сердцемъ, что что-то не такъ. Чего-то ты

не договариваешь. Чуяло мое сердце, говорила я тогда: не играйте свадьбы въ маѣ, какъ-бы всю жизнь не пришлось маяться. Всѣ смѣялись надъ глупымъ повѣрьемъ, а какъ-бы не вышло по моему»...

Милая, славная моя, старушка, не обманываетъ тебя материнское чутье — съ перваго дня начала я маяться, да только не май тому причиной: въ какомъ-бы мѣсяцѣ я не повѣнчалась, все было-бы тоже: днемъ свѣтло, хорошо, ночью—отвращеніе....

Октябрь.

Боже! какъ мнѣ разрѣшить загадку, которая день и ночь меня мучитъ. Неужели-же всѣ мужчины относятся къ своимъ женамъ такъ, какъ мой мужъ ко мнѣ? Если всѣ, то не могутъ-же они всѣ быть одинаковыми—кто-же изъ нихъ лучше? Тѣ-ли, которые говорятъ о женщинахъ откровенно двухсмысленности и нехорошіе анекдоты или тѣ, у которыхъ, стоитъ только заговорить о женщинѣ, глаза засіяютъ восторгомъ, изъ устъ посыпятся красивыя слова и гимны женской красотѣ, какъ это бывало у моего мужа. Какъ хочется имъ вѣрить! Но вѣдь я и Юрію тамъ, въ деревнѣ, когда-то повѣрила, когда онъ ставилъ женщину на пьедесталъ, а теперь я на самой себѣ узнала, что это за пьедесталъ и въ какомъ храмѣ онъ стоитъ.

Послѣдніе дни мужъ мнѣ часто говорилъ, что готовитъ мнѣ какой-то сюрпризъ.

Осень въ Варшавѣ самое лучшее время года. Какъ-то, на дняхъ, большая компанія желѣзнодо-

рожниковъ собралась на цѣлый день въ Виляново полюбоваться золотымъ уборомъ парка, осмотрѣть дворецъ и пообѣдать въ маленькомъ ресторанчикѣ на свѣжемъ воздухѣ. Мужъ отговорился недосугомъ и я поѣхала одна.

Съ прогулки я вернулась вечеромъ радостная, раскраснѣвшаяся, наглотавшись свѣжаго, опьяняющаго воздуха. Дома меня уже ждалъ обѣщанный сюрпризъ: вся спальня оказалась увѣшанной длинными зеркалами... Зеркала были по бокамъ кровати, у изголовья, кажется, даже на потолкѣ, зеркальный шкапъ стоящій въ ногахъ дополнялъ декорацію. Мое изображеніе отражалось десятки разъ. Съ потолка спускался новый фонарь, бросающій на комнату желтый, фантастическій свѣтъ.

Я ничего не понимала. Горничная, помогавшая мнѣ переодѣться, разсказала, что баринъ цѣлый день сами примѣряли и мастерили и теперь (по ея мнѣнію), такой спальни, ни въ одной гостинницѣ нѣтъ. Я спросила мужа, зачѣмъ онъ все это сдѣлалъ?

Онъ объяснилъ: — Когда ты раздѣнешься и сбросишь эти глупыя тряпки, ты будешь одна, но всю комнату будутъ наполнять чудно сложенныя, божественныя нимфы, повторяя каждое твое движеніе десятки разъ... Куда я ни взгляну, вездѣ будешь ты — разсматривающая-ли себя въ зеркало, нѣжащаяся-ли на постели, трепещущая, въ минуты страсти, въ моихъ объятьяхъ.

Я все поняла. Въ эту ночь я ночевала въ кабинетѣ одна.

Ноябрь.

Не помню у кого изъ писателей я прочла, что біологи, зоологи, физіологи и другіе ученые давно уже разложили любовь на простѣйшіе составные элементы и отвергли всѣ чудеса всемогущей, прекрасной, златокудрой богини древняго религіознаго миѳа. Инстинктъ размноженія, сохраненія вида и рода, естественный подборъ... и больше ничего, кажется, не получилось при научномъ изслѣдованіи... У моего избранника даже и этого нѣтъ. Инстинктъ размноженія, чувство ко мнѣ, только какъ къ самкѣ и тѣ мнѣ были-бы понятны. Я думала, что когда у меня будетъ ребенокъ, мужъ, склоняясь со мной надъ его колыбелью, будетъ видѣть во мнѣ мать своего дитяти, а не то, что онъ видитъ теперь. Но онъ заставилъ меня уничтожить ребенка въ самомъ зародышѣ, а его «чувство» ко мнѣ съ трудомъ поддается описанію. Теперь уже и зеркала, десятки разъ отражающія все, что дѣлается въ спальнѣ, его больше не интересуютъ и онъ придумываетъ все новое и новое. Онъ купилъ гдѣ-то коллекцію открытокъ съ изображеніемъ разныхъ неестественныхъ гадостей, заставляетъ меня ихъ смотрѣть, а затѣмъ продѣлываетъ видѣнное при свѣтѣ фонаря. А я чувствую, что все больше и больше погружаюсь въ тину «семейной» жизни, покрываюсь грязью и плачу.

Ноябрь.

Если-бы я могла кого-нибудь спросить и узнать, всѣ-ли мужья таковы? Всѣ-ли такъ живутъ? Всѣ-

ли женщины чувствуютъ тоже, что и я, или только я одна? Но кого спросить? Друзей у меня нѣтъ, а мужъ на всѣ мои слезы, на всѣ мои вопросы отвѣчаетъ, что я не привыкла, что я романтичка, институтка, что во мнѣ еще не проснулась женщина...

Никого изъ знакомыхъ мужчинъ я спросить не могу. Да и какъ могу я говорить объ этомъ съ этими животными похожими другъ на друга, какъ двѣ капли воды съ толстыми затылками, съ оттопыренными ушами, съ масляными глазами. Можно ли повѣрить людямъ, говорящимъ пошлые комплименты на каждомъ шагу и раздѣвающихъ взглядами женщину. Уже и такъ, друзья мужа довольно прозрачно намекаютъ на счетъ зеркалъ въ спальнѣ. Я пыталась спрашивать дамъ, говорила про свои переживанія. Дамы смѣются и отвѣчаютъ: Привыкните! Что-же дѣлать! Мужчины вѣтренны, мы должы ихъ привлекать э т и м ъ, чтобы не сбѣжали въ сторону... Если мы будемъ только покоряться и не давать мужу ничего новаго въ любви, то не замѣтишь, какъ онъ на сторонѣ заведетъ какую-нибудь искусницу...

Какъ я была-бы рада, если-бы могла на улицѣ подойти къ какому-нибудь незнакомому человѣку, умному адвокату, писателю, или вообще старику, хорошо знающему жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и, задавъ ему вопросъ, могла-бы расчитывать что меня не обманутъ....

Порой я себя спрашиваю, зачѣмъ мнѣ это знать? Что я сдѣлаю, если мнѣ скажутъ, что всѣ мужчины

таковы, какъ Юрій, или-же наоборотъ мнѣ докажутъ, что есть и иное отношеніе къ женщинѣ? Какъ я поступлю? Если всѣ таковы и другого назначенія для женщины нѣтъ, буду, стиснувъ зубы, терпѣть, если-же есть иные люди и иное отношеніе къ женѣ — смою съ себя эту грязь, оттоню этотъ душный сонъ и буду жить по своему.

Ноябрь.

Переживая всѣ эти гадости, которымъ меня учитъ и заставляетъ продѣлывать мужъ, я часто задумываюсь надъ вопросомъ человѣческихъ отношеній. При видѣ знакомыхъ корректныхъ мужчинъ, элегантныхъ дамъ, любящихъ супруговъ у меня невольно является мысль: вотъ двое влюбленныхъ, съ какимъ восторгомъ и нѣжностью они глядятъ сейчасъ другъ на друга... а что этотъ изящный, высоко-культурный господинъ продѣлываетъ съ ней въ спальнѣ?...

Никому и ничему я теперь не вѣрю. Я на себѣ убѣдилась, какъ иногда мужчины лгутъ, когда говорятъ о женщинѣ, какъ о чемъ-то высшемъ, о чемъ-то божественномъ, не отъ міра сего... Какъ правъ былъ когда-то Павелъ Смаковскій, когда, выслушавъ дифирамбы Юрія о женщинахъ, сказалъ:
— Или онъ идеалистъ и художникъ, или циникъ и развратникъ, какихъ мало... Вопросъ, что говоритъ правду — его слова или глаза?...

Слова лгали! Но неужели-же и самъ Павликъ, этотъ весельчакъ и открытая душа, такъ по ребячески любящій свою жену, тоже въ интимной жизни

обращается въ дикое животное? — Нѣтъ, быть не можетъ!

А папа и мама? Неужели-же папа, такъ нѣжно, трогательно столько лѣтъ любящій свою подругу, былъ когда-то такимъ-же?.. А моя милая старушка пережила то, что переживаю я? Никогда! Если-бы это было такъ, то какое это было лицемѣріе и притворство... Вѣдь мама, всегда отзывающаяся о бракѣ, какъ объ установленіи святомъ, не стала-бы подобныя отношенія называть освященными. Мама всегда была религіозной и у нея всѣ стѣны спальни увѣшаны иконами, не могла-же она передъ ликомъ чтимыхъ святыхъ позволять себѣ продѣлывать то, чему трудно подобрать названіе.

Декабрь.

Чаша моего терпѣнія начинаетъ переполняться. Кажется, ужъ чего лучше я прошла «науку любви». Мнѣ казалось, что уже нѣтъ ничего, чему-бы не попытался обучить меня любящій мужъ, но оказывается, что я ошиблась, вѣроятно, если всякому добру есть конецъ, то грязь безконечна. Оказывается есть еще цѣлый культъ, такъ называемой парижской любви, которую и хотѣлъ на дняхъ мнѣ преподать мужъ.

Я не могла никогда подумать, что люди могутъ додуматься до такой гадости и видѣть въ этомъ удовлетвореніе страсти и любовь.

Чѣмъ угодно можетъ быть навѣяна подобная гадость и извращенность, но не любовью...

Но съ меня довольно просвѣщенія. Я и такъ за нѣсколько мѣсяцевъ замужества узнала столько, сколько другая женщина за всю свою жизнь не узнаетъ...

Декабрь.

Культъ неестественной любви, который мнѣ хотѣлъ преподать мужъ, не оказался предѣломъ моего просвѣщенія по части эротизма и скоро онъ приподнесъ мнѣ новый сюрпризъ. То, что я хочу записать сейчасъ, мнѣ самой кажется настолько невѣроятнымъ, что я затрудняюсь въ подборѣ словъ для разсказа. Если-бы не со мной самой это случилось, я никогда-бы не повѣрила, что подобное можно предлагать не только женѣ, но и вообще женщинѣ, мало-мальски уважаемой.

Довольно часто, въ предобѣденное время, мы съ мужемъ посѣщали кондитерскую Ларделли, гдѣ я любила пить кофе или шоколадъ. Однажды мужъ обратилъ мое вниманье на шикарно одѣтую даму, замѣтивъ вскользь: — Это мадамъ Марли — француженка артистка изъ комедіи. Ея поклонники въ отчаяніи: говорятъ, она увлекается тобою и ходитъ сюда изъ-за тебя . . .

Мнѣ было непонятно, какъ дама можетъ интересоваться мною и ходить изъ-за меня въ кафе.

Нѣсколько дней спустя, зайдя къ Ларделли, мы опять нашли М-ме Марли на томъ же мѣстѣ. Мужа это видимо заинтересовало и онъ все время оглядывался на красивую француженку.

Въ слѣдующій разъ Юрій уже раскланялся съ ней, какъ со знакомой, а еще черезъ три-четыре дня, она была у насъ въ домѣ.

Я любезно принимала, новую знакомую съ удовольствіемъ, слушая ея веселую болтовню и комплименты моей внѣшности.

Мужъ былъ очень доволенъ этому знакомству, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось, что самъ онъ француженкой интересуется очень мало, — онъ постоянно уходилъ, оставляя насъ вдвоемъ. Мадамъ М., щеголявшая изящными туалетами и зная все и всѣхъ по части модъ, предложила мнѣ руководить моими заказами и примѣрками. Нѣсколько разъ мы ѣздили вмѣстѣ съ ней къ портнихѣ, гдѣ она сама придумывала для меня костюмы и обязательно присутствовала при примѣркахъ. Со свойственнымъ всѣмъ дамамъ нашего круга желаніемъ быть похожими, хотя-бы по внѣшности, на артистокъ, я съ удовольствіемъ принимала ее заботы. Мнѣ лишь нѣсколько не нравилась ея чрезмѣрная нѣжность и частые поцѣлуи, когда я для примѣрки должна была полураздѣться.

— Мадамъ М. не признаетъ мужчинъ, — какъ-то сказалъ мнѣ мужъ.

— И хорошо дѣлаетъ, — отвѣтила я, ничего дурного не подозрѣвая въ этой фразѣ.

— Ахъ и ты того-же мнѣнія? Хорошо, я передамъ ей, она будетъ довольна . . .

Третьяго дня выдался солнечный, свѣжій день. М. заѣхала за мной въ коляскѣ и предложила про-

катиться. По Уяздовской аллеѣ и Лазенковскому парку длинными лентами ѣхали открытыя коляски и кареты. Нарядныя дамы ревниво оглядывали другъ друга, изучая моды и мѣха. Съ боку дороги мелькали фигуры всадниковъ-военныхъ и штатскихъ. Я съ удовольствіемъ дышала свѣжимъ воздухомъ, покойно покачиваясь на мягкихъ рессорахъ. М. какъ-то особенно близко сидѣла рядомъ со мной и противъ обыкновенія не болтала.

— Знаете что!... Заѣдемте потомъ ко мнѣ... Выпьемъ чаю и проведемъ часокъ безъ мужчинъ...

Я не могла видѣть что-либо дурное въ этомъ приглашеніи, и готова была согласиться, тѣмъ болѣе, что самъ Юрій, какъ-то посовѣтовалъ мнѣ ее навѣстить.

— Я знаю васъ тоже не занимаетъ мужская любовь. Я, лично, давно отказалась отъ ихъ грубыхъ ласкъ, — продолжала госпожа М.

— Довѣрьтесь мнѣ и я вамъ открою новые горизонты. Я васъ научу любить женщину и вы увидите, какъ это пріятно и изящно. Любя женщинъ вы никогда не будете въ рабствѣ грубыхъ объятій и ласкъ мужчинъ... а для меня это будетъ огромное наслажденіе. Вы мнѣ давно нравитесь, въ васъ чувствуется огненный темпераментъ, который вашъ мужъ не съумѣлъ разбудить... Я осыплю васъ такими ласками, какихъ не въ силахъ вамъ дать не одинъ мужчина... Я перецѣлую каждую точку вашего тѣла! Каждый вашъ нервъ задрожитъ въ моихъ объятьяхъ... — Страстно шептала моя спутница, сжимая мои руки.

Я слушала, не въ силахъ отъ изумленія произсти ни слова въ отвѣтъ. Мнѣ казалось, что или Марли или я сошла съ ума и ея предложеніе-бредъ ненормальнаго человѣка.

Рѣзко вырвавъ руку, я остановила кучера и выпрыгнула на мостовую.

Только теперь я поняла, какую нѣжность и симпатію питала ко мнѣ М. Я поняла, что значили ея поцѣлуи и прикосновенія къ моему тѣлу во время примѣрокъ.

Домой я пріѣхала, не помня себя отъ волненія.

Черезъ часъ явился Юрій и то, что я услышала отъ него было еще хуже.

— Не понимаю чего ты такъ испугалась и зачѣмъ выскочила изъ коляски? — Спросилъ онъ сейчасъ-же. — Марли мнѣ все разсказала...

— Все-ли?—Спросила я, полагая, что мужъ возмутится, когда я ему все передамъ.

— Я былъ у ней и ждалъ васъ — она меня предупредила, что привезетъ тебя къ себѣ.

— Какъ? Ты зналъ, что она предложитъ мнѣ такую гадость и на это согласился? — закричала я.

— Что-же здѣсь особеннаго? Она не мужчина и твоя близость съ нею не была-бы измѣной. Наоборотъ, я былъ-бы очень радъ, если-бы ты у нее коечему поучилась!..

Мнѣ казалось, что меня душитъ какой-то кошмаръ на яву. Но все-же роль моего мужа въ этомъ случаѣ мнѣ была непонятна.

— Но ты-то при чемъ?

— Я? Я находился рядомъ и видѣлъ-бы картину, какъ два красивыхъ женскихъ тѣла переплелись въ страстныхъ объятіяхъ. Твое — холодное, какъ мраморъ, еще стыдливое и ея горячее, какъ огонь, пропитанное порокомъ. Но оба рѣдко прекрасныя. Можетъ быть ея необузданная страсть заразила-бы тебя и твое тѣло тоже запылало-бы... Вѣдь это была-бы картина, за какую, многіе заплатили-бы большія деньги. И думаешь не платятъ? А ты по своей глупости лишила меня этого удовольствія и обидѣла добрую женщину....

— Ты! Ты, мой мужъ, самъ познакомилъ меня съ подобной женщиной? И хотѣлъ любоваться... Довольно! Не оскверняй меня, не топи въ грязи... — помню я свой послѣдній, истерическій крикъ.

Очнулась я послѣ обморока съ компрессами на головѣ отъ запаха какой-то соли.

— Боже мой! Кому въ руки я попала? Чьей женой я назвалась! Неужели-же и другіе мужчины такъ смотрятъ на своихъ женъ и такъ легко ихъ толкаютъ въ объятья порока?

И это люди называютъ любовью? Чѣмъ угодно можетъ быть навѣяна подобная гадость, только не любовью!

Декабрь.

Помнится давно, еще тамъ, въ родномъ городѣ, будучи невѣстой, я упивалась отъ счастливаго сознанія, что я люблю и любима. Мнѣ казалось тогда, что солнышко свѣтитъ только для меня, только мнѣ поютъ птички и улыбается небо. Мнѣ казалось,

что для меня цвѣтутъ цвѣты и соловей складываетъ свою звучную пѣсню. Только, какъ и я, любящія и любимыя невѣсты могутъ понять звуки этой пѣсни, другимъ-же она кажется простымъ свистомъ. Мнѣ тогда казалось, что и это еще не все и замужемъ я буду еще счастливѣе. Наблюдавшій мое настроеніе папа, какъ-то, сказалъ:

— У меня былъ когда-то пріятель — большой любитель верховой ѣзды. Какъ часто случается съ настоящими любителями, онъ ѣздилъ изъ рукъ вонъ плохо и постоянно падалъ съ лошади. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на эту непріятность, охота къ спорту его не покидала, также, какъ и склонность къ философіи.

— «Свалиться на песокъ гораздо пріятнѣе, нежели на твердую землю, но на твердую — лучше, чѣмъ въ грязь»... Утѣшался онъ обыкновенно послѣ каждаго паденія. — Всѣ вы, барышни, невѣстами витаете въ облакахъ и емпереяхъ и несетесь въ вихрѣ надеждъ и иллюзій по голубой лазури, а въ замужествѣ, столкнувшись съ дѣйствительной жизнью падаете на землю. Вотъ и вопросъ, дорогая моя, какъ суждено тебѣ упасть: на мягкое и только испугаться, на твердое и ушибиться или въ грязь?...

Какими странными показались мнѣ тогда эти слова. Какъ весело разсмѣялась я увѣренная, что мнѣ не прійдется падать. А теперь?... Я упала... Меня столкнули въ грязь... Я плачу... Какъ часто

иллюзіи оплакиваются съ такой-же скорбью, какъ и самые дорогіе покойники...

Декабрь.

Опять пришло и ушло Рождество. Но, какъ не похожъ праздникъ этого года, когда я такъ много принимала у себя, выѣзжала и танцовала, на то веселье и беззаботность, какими всегда сопровождался любимый мой праздникъ тамъ, дома въ провинціи. Все это ушло куда-то вдаль и нѣтъ надежды на возвращеніе. Вѣдь еще годъ назадъ эти радость и веселье были. Какъ весело мы дурачились, какъ неудержимо смѣялись, отыскивая и обдирая съ зеленаго, традиціоннаго деревца болѣе вкусныя конфекты и сласти. Какую радость доставляла наиболѣе удачно вытащенная изъ хлопушки смѣшная бумажная шапка или костюмъ. То было юношество, почти дѣтство, теперь-же я большая, замужняя женщина и въ это Рождество я ни одной минуты не веселилась такъ, какъ раньше, но зато я много, много пила...

Да, пила съ улыбкой, съ шуткой на губахъ, чтобы хоть на минуту забыться отъ дѣйствительности и виннымъ туманомъ немного заслонить картины отношеній ко мнѣ любящаго мужа. А онъ хвалитъ меня, когда я выпиваю нѣсколько бокаловъ подрядъ дурманящаго, вкуснаго напитка.

Январь.

Время идетъ. Насталъ уже новый годъ, а я по прежнему не могу разрѣшить волнующаго, не дающаго, мнѣ покоя, вопроса. Попрежнему не могу побороть безпокойства и отвращенія

и чтобы меньше чувствовать «любовь» я украдкой пью вино. Туманъ окутываетъ голову, сознаніе притупляется и мнѣ легче. Я не такъ ясно вижу все то, что продѣлываютъ со мной въ спальнѣ. Но зато пробужденіе бываетъ болѣе ужасно.

Какъ часто я, возвращаясь мыслью къ своей свадьбѣ, забываю все происшедшее послѣ нея и помню только свою первую невинную любовь. Я помню то единственное торжественное для меня время, когда я стояла подъ вѣнцомъ съ любовью, надеждой и страхомъ въ сердцѣ, отрекаясь отъ прошедшаго и вступая въ таинственное будущее... И вотъ это таинственное будущее я познала... Но новая тайна стоитъ передо мной не разрѣшенной, а я кружусь, задыхаюсь въ какомъ-то заколдованномъ кругу, тщетно ища выхода.

Мысль поговорить, разспросить какого-нибудь незнакомаго, внушающаго довѣріе, человѣка все чаще и чаще меня соблазняетъ. Но гдѣ это сдѣлать? Вѣдь не могу-же я на улицѣ или въ театрѣ подойти къ незнакомому человѣку и задать этотъ щекотливый вопросъ. Меня сочтутъ за ненормальную или искательницу приключеній. Вѣдь никому никогда въ голову не прійдетъ, чтобы интеллигентная свѣтская женщина, окруженная не менѣе интеллигентными, высоко-образованными, культурными людьми, не имѣла къ кому обратиться съ волнующимъ ее вопросомъ, въ надеждѣ получить правдивый отвѣтъ.

Мартъ.

Свершилось. Изъ заколдованнаго круга не только найденъ выходъ, но и самъ кругъ разрубленъ. Я разсталась съ мужемъ и уже почти мѣсяцъ я дома, у родныхъ. Произошло все такъ быстро, неожиданно и необычно, что только теперь, по прошествіи многихъ дней я могу прійти въ себя и ясно вспомнить все, тогда случившееся.

Послѣднее время жизни моей съ мужемъ, онъ никакъ не могъ понять, что всѣ его новыя измышленія и изобрѣтенія по части физическихъ отношеній, мнѣ противны и вызываютъ непобѣдимое отвращеніе. Кромѣ того меня непреклонно мучилъ вопросъ, всѣ-ли мужчины таковы, какъ мой мужъ или есть и иные.

Эта мысль не давала покоя и преслѣдовала меня повсюду. Мнѣ казалось, что если я узнаю это и мучившій меня вопросъ такъ или иначе мною будетъ выясненъ, я на что-то рѣшусь и жизнь моя измѣнится. Но что, именно, должно было измѣниться, я себѣ не представляла...

Пришла масляннница. Я никогда не видѣла большого маскарада или карнавала и мнѣ очень хотѣлось попасть на одинъ изъ такихъ вечеровъ, каковыми, охотница до веселья — Варшава, очень изобилуетъ. Мужъ рѣшилъ меня повезти на маскарадъ въ огромный кабаре-ресторанъ «Декадансъ», говоря, что, увидѣвъ маскарадъ тамъ, я буду имѣть самое точное понятіе, что это за развлеченіе.

Для этого выѣзда я приготовила себѣ черное домино. Вечеремъ, когда я должна была уже одѣваться, мужа неожиданно вызвали въ управленіе по случаю какого-то происшествія на линіи и наша поѣздка разстроилась,

Поджидая возвращенія мужа въ кабинетѣ, приводя въ порядокъ на столѣ его бумаги, я натолкнулась на письмо Юрія къ его другу, служащему теперь гдѣ-то въ Иркутскѣ.

Первую минуту, прочитавъ заголовокъ: — «Дорогой другъ, Модестъ!» — я хотѣла было отложить письмо, но любопытство взяло верхъ и мои глаза побѣжали по строчкамъ. То, что я прочла въ немъ, стоило того, чтобы быть нескромной и нарушить тайну чужого письма. Письмо не было окончено, въ немъ мелкимъ почеркомъ мужа была исписана всего одна страничка, но и эта страничка сказала мнѣ очень много. Прочтя, я машинально сунула письмо въ карманъ платья и оно теперь у меня.

«Ты удивляешься, дорогой мой,» — писалъ мой мужъ, — «что я съ моими вкусами, съ моими взглядами на женщинъ, женился и предполагаешь, что эти взгляды мои въ корнѣ измѣнились, а я самъ рѣшилъ стать семьяниномъ и отцемъ. Подтвержденіе этого ты видишь въ томъ обстоятельствѣ, что избранница моя провинціалка, изъ которыхъ, по преимуществу, и выходятъ, какъ ты говоришь, отличныя хозяйки, прекрасныя матери и заботливыя, послушныя жены. Ты ошибся самымъ жестокимъ образомъ! Хотя я, дѣйствительно, женился на наивной провинціалкѣ, но взгляды мои остались непо-

колебимы и неизмѣнны: — женщина создана только для наслажденій и удовольствій. Объятія красивой женщины — это дурманящій наркозъ — эфиръ или опіумъ, переносящій насъ въ міръ фантазій и грезъ.

— Самыя тончайшія наслажденія должна намъ давать женщина и приподнимать наши нервы. Ты удивишься, что я, видя только это въ женщинѣ, избралъ себѣ въ жены скромную дѣвушку. Но не забудь, что изъ такихъ наивныхъ, краснѣющихъ выше ушей, свѣжихъ экземпляровъ и вырабатываются, впослѣдствіи, войдя во вкусъ, самыя изобрѣтательныя жрицы любви. Вся пикантность ласкъ и заключается въ томъ, что тебя ласкаетъ не какая-нибудь прошедшая огонь и воду полудѣва, а краснѣющая, смущающаяся молоденькая дочка Евы, еще боящаяся смѣло потянуться къ цвѣтку любви. Но воображеніе и половое любопытство все сильнѣе и сильнѣе овладѣваютъ ею и открываютъ ей все новые и новые горизонты. Огромное наслажденіе видѣть борьбу стыдливости и любопытства и наблюдать какъ наивная дѣвочка, испугавшись въ первую минуту, шагъ за шагомъ пойдетъ по дорогѣ чувственности и, наконецъ, дойдя до пробужденія женщины и всепоглощающей страсти, обратится въ чудную, тонкую любовницу.

— А стать семьяниномъ, видѣть передъ собой безобразно-беременную жену, нюхать запахъ пеленокъ — нѣтъ, слуга покорный, это идиллія не для меня!...

Прочтя эти строки, я похолодѣла. Теперь мнѣ открылась настоящая нравственная физіономія моего мужа... Но опять проклятый вопросъ: неужели-же всѣ мужчины таковы, какъ онъ? — пронесся въ моей головѣ и я, не задумываясь, быстро переодѣвшись въ домино и, органически боясь жары, поддѣвъ подъ него только трико, черезъ полчаса одна, въ наемной каретѣ, катила въ Декадансъ, надѣясь тамъ въ маскарадѣ найти возможность разрѣшенія мучительнаго для меня вопроса.

Разсчетъ казался мнѣ вѣрнымъ. Никому неизвѣстная, подъ маской, я могла-бы выбрать господина съ открытымъ, честнымъ лицомъ и спросить его о томъ, что меня интересуетъ, сама ни чѣмъ не рискуя.

Огромная, разношерстная пестрая толпа, скачущая, танцующая и галдящая, меня ошеломила и въ первую минуту я растерялась. Но, скоро замѣтивъ, что среди бѣснующихся испанокъ арлекиновъ, чертей, etc., есть люди спокойные, пожилые, съ открытыми лицами, въ цилиндрахъ и военныхъ мундирахъ, я успокоилась и начала искать того, кто могъ быть мнѣ полезнымъ.

Вскорѣ я замѣтила довольно пожилаго господина, по типу адвоката или солиднаго писателя и, нерѣшительно подойдя къ нему, заговорила. Угадалъ-ли незнакомецъ, что передъ нимъ не совсѣмъ обыкновенное домино, ищущее маскараднаго знакомства, или мой голосъ слишкомъ дрожалъ и мое волненіе сквозило въ каждомъ словѣ.

но онъ не сталъ мнѣ говорить банальныхъ пошлостей, а спокойно, положивъ мою руку въ изогнутую свою, повелъ по залу и заговорилъ о томъ, что мнѣ, повидимому, также скучно среди этой пестрой толпы, какъ и ему.

Я чувствовала къ этому большому человѣку, съ высокимъ, открытымъ лбомъ и львиной шевелюрой неизъяснимое довѣріе и была готова спросить его о томъ, что мучило меня столько мѣсяцевъ.

Но кишащая кругомъ толпа ни на минуту не позволяла мнѣ сосредоточиться и было нечего думать вести въ такой обстановкѣ мало-мальски серьезный разговоръ. Моего кавалера видимо тоже тяготило окружающее веселье и онъ скоро провелъ меня въ небольшую темную столовую, гдѣ было еще пусто и только старичекъ-лакей суетился около немногочисленныхъ столиксвъ.

То, что мнѣ казалось раньше такимъ легкимъ и естественнымъ — подойти къ человѣку и спросить: «Всѣ-ли вы такіе, какъ мой мужъ или нѣтъ?» — оказалось не такъ просто въ дѣйствительности.

Какъ я спрошу, какъ объясню, что дѣлаетъ со мной Юрій и почему мнѣ все это отвратительно? Не могу-же я разсказать постороннему человѣку то, при воспоминаніи о чемъ, мнѣ бываетъ стыдно самой себя и я неудержимо, до слезъ, краснѣю...

Я чувствовала, сидя тамъ, на красномъ диванѣ, что все то, что я считала для себя столь важ-

нымъ и уже почти сбывшимся отдѣлено отъ меня непреодилимой преградой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я знала, что если я не спрошу сейчасъ, не задамъ вопроса для котораго пришла, то едва-ли скоро представится другой такой хорошій случай и мучающій меня вопросъ опять останется неразрѣшеннымъ.

Занятая только своей мыслью, я разсѣянно отвѣчала на вопросы моего собесѣдника и онъ, чувствуя мое равнодушіе къ разговору, тщетно силился его оживить.

Вотъ, вотъ роковой вопросъ готовъ былъ сорваться съ языка, но мнѣ хотѣлось спросить такъ, чтобы, не сказавъ ничего, узнать все. Наконецъ, перебивъ на полусловѣ рѣчь новаго знакомаго, я, запинаясь, спросила совсѣмъ не то, что хотѣла:

— Скажите мнѣ, ради Бога, что такое любовь и какъ она выражается у людей? — Съ трудомъ проговорила я и остановилась.

Почувствовалъ-ли мой собесѣдникъ не совсѣмъ обычную нотку моего голоса или его самого занялъ мой вопросъ, но онъ, вдругъ, весь ожилъ и преобразился.

Уже много дней прошло съ тѣхъ поръ, но мнѣ кажется, что только вчера все это произошло и въ моихъ ушахъ до этихъ поръ стоятъ его восторженныя слова. Боюсь, что безжалостное время сотретъ ихъ изъ моей памяти и постараюсь записать этотъ разговоръ возможно точнѣе.

— Вы хотите знать, что такое любовь? Такъ всегда спрашиваютъ тѣ, кто еще не зналъ ея, вѣрнѣе, не

почувствовалъ на себѣ ея силы, обаянія и безпощадности. Не стану узнавать, почему вы, взрослая женщина, объ этомъ спрашиваете меня, а не свое сердце и разскажу вамъ то, что самъ знаю.

— Недавно я прочелъ книгу одного писателя, большого знатока человѣческой души, уроженца Сѣвера. И вотъ какими огненными словами, устами монаха,*) опредѣляетъ любовь этотъ большой человѣкъ съ холодной сѣверной кровью въ жилахъ:

— Что такое любовь? Любовь это пламенная адская машина, заставляющая танцовать сердца стариковъ. Это маргаритки, широко распускающія свои лепестки съ восходомъ солнца. Это анемона, закрывающаяся отъ дуновенія и умирающая отъ прикосновенія....

— Любовь это вѣтерокъ, проносящійся надъ розами, электрическая искра въ крови... Она можетъ погубить человѣка, поднять его и снова заклеймить позоромъ. Сегодня она любитъ меня, завтра-тебя, а въ слѣдующую ночь его — такъ она непостоянна. Но она также тверда, какъ несокрушимая скала и горитъ неугасимымъ пламенемъ до самой смерти, потому-что любовь вѣчна...

— Что такое любовь?

— Любовь — это лѣтняя ночь съ небесами, усѣянными звѣздами и съ благоухающей землей. Почему-же она заставляетъ юношу идти окольными тропинками, а старика одиноко страдать въ его комнатѣ?...

---

*) Монаха Вендта, Кн.Гамсунъ. „Викторія."

— Любовь превращаетъ сердце человѣка въ роскошный, безстыдный садъ, гдѣ растутъ таинственныя, наглыя растенія... Развѣ не она заставляетъ монаха пробираться въ чужіе сады и заглядывать ночью въ окна спящихъ? Развѣ не она дѣлаетъ безумными монахинь и помрачаетъ разумъ принцессъ?..,

— Такова любовь!

— Любовь — это первое слово, произнесенное Богомъ, первая мысль, осѣнившая Его. Когда Онъ сказалъ: «Да будетъ свѣтъ!» — Появилась любовь. И любовь стала первоисточникомъ міра и его властелиномъ и всѣ пути ея покрыты цвѣтами и кровью... Цвѣтами и кровью!...

— Любовь — это могучій призывъ тѣла, трепетъ и опъяненіе страсти, весеннее бурное броженіе въ крови...

— Вотъ, какъ опредѣлилъ любовь человѣкъ съ холодной кровью — сѣверянинъ.

— Теперь, представьте себѣ какъ понимаетъ и чувствуетъ ее южанинъ, человѣкъ съ огнемъ, вмѣсто крови, выросшій подъ знойными лучами полуденнаго солнца и подъ таинственной сѣнью южной, страстной ночи...

Мой собесѣдникъ еще болѣе преобразился. Глаза его горѣли, лицо сіяло вдохновеніемъ и я сама вся была захвачена его красивой рѣчью.

— Ну, а какъ вы сами, вѣроятно, любившій и много разъ любимый, опредѣляете любовь? — спросила я, когда онъ на секунду умолкъ.

Опустивъ голову, какъ-бы вспоминая что-то тяжелое и непріятное, онъ отвѣтилъ:

— Не для всѣхъ людей эта прекрасная богиня бываетъ ласковой матерью. Для меня много разъ она была злой мачехой и мое опредѣленіе будетъ предзвято и односторонне.

— Что такое любовь?

— Любовь — это буря, налетающая на сердца, какъ неожиданный ураганъ на цвѣтущій садъ, гдѣ онъ иныя слабыя растенія только колышетъ, другія — гнетъ до земли, третьи, — часто самыя крѣпкія, безжалостно ломаетъ и вырываетъ съ корнемъ...

— Любовь — это воръ, не боящійся никакой стражи, забирающійся въ душу человѣка и крадущій самое необходимое и цѣнное въ ней — волю...

— Любовь — это гнусный подстрекатель, толкающій довѣрившагося ему человѣка на преступленія, какія онъ, не зная любви, никогда-бы не рѣшился совершить.

— Любовь — это цѣпи приковывающія человѣка къ другому, иногда ненавидящему перваго и эти цѣпи часто можетъ разорвать только одна смерть...

— Любовь — это чистый хрустальный сосудъ, переливающій всѣми цвѣтами радуги. Запятнанный ревностью, подозрѣніемъ или клеветой, но омытый слезами онъ опять сіяетъ еще ярче...

— Любовь — это даръ Небесъ, дѣлающій смиреннаго гордымъ и обладателемъ богатствъ. а бо-

гатаго гордеца ницимъ, склоняющимъ голову до земли и простирающимъ руки съ мольбою...

— Любовь — это красота! Самые грязные поступки, совершенные во имя любви, въ глазахъ любящей, окрашиваются въ чудныя, радужныя краски...

— Любовь породила стремленіе къ идеалу.

— Сила любви дала начало красотѣ. Она разрисовала пестрыми красками крылья бабочекъ, она-же доставила птицамъ ихъ брачный уборъ. Любовь сочинила для соловья его пѣсню. Но она-же, коварно, надѣлила женщину сіяніемъ глазъ, прелестью улыбки, граціей стана для того, чтобы пьянить и лишать воли сильное существа — мужчину...

— Любовь — есть сила, двигающая людей отъ мрака къ свѣту и отъ первобытной грубости къ одухотворенію.

— Любовь — это сила обнажающая самыя цѣломудренныя тѣла безъ стыда и связывающая ихъ неразрывно во едино...

— Любовь дѣлаетъ зарожденіе новой жизни прекраснымъ и плодъ ея беззавѣтно любимымъ.

— Кто не испыталъ этого, тотъ не любилъ или того не любили душой и сердцемъ!...

Вотъ онъ, почти отвѣтъ на мои сомнѣнья. Неужели-же я заблуждалась? Неужели я ошиблась и не люблю Юрія?

— «Любовь — это сила, обнажающая цѣломудренныя тѣла безъ стыда»... — Разъ мнѣ стыдно,

даже больше, — разъ мнѣ противно все, то что отъ меня требуетъ мужъ, значитъ я не люблю...

Мнѣ еще такъ много хотѣлось спросить моего симпатичнаго незнакомца, я даже готова была все ему разсказать, но въ это время къ намъ подошли два его пріятеля и предложили ужинать. Отъ ужина я отказалась. Они стали упрашивать хотя-бы посидѣть съ ними и выпить вина. Послѣ минутнаго колебанія я согласилась раздѣлить компанію, надѣясь, что бокалъ вина немного успокоитъ мое волненіе и я все-же найду еще время для продолженія разговора.

Новые знакомые показались мнѣ тоже симпатичными и черезъ нѣсколько минутъ мы вчетверомъ сидѣли за столикомъ и пили душистую влагу. Мои собесѣдники держали себя со мной такъ, какъ-бы на мнѣ не было маски и они знали, кто я.

Скоро разговоръ зашелъ о красотѣ и о женщинахъ, какъ главныхъ носительницахъ таковой. Говорилъ главнымъ образомъ мой первый знакомецъ, а я и прочіе только слушали. До этихъ поръ помню его восторженную рѣчь, скорѣй гимнъ красотѣ и женскому тѣлу, но тѣлу не съ дурной точки зрѣнія, а съ самой возвышенной — идеальной...

«Въ душѣ каждаго человѣка теплится огонь любви и настоящаго пониманія красоты», говорилъ онъ, «и если-бы сейчасъ свершилось чудо и этотъ холодный, бѣлый мраморъ ожилъ и женщина предстала предъ всѣми, въ своей ослѣпи-

тельной, прекрасной наготѣ. я увѣренъ. что не только среди насъ, здѣсь присутствующихъ, но даже тамъ, среди огромной толпы, едва-ли нашлось-бы десятокъ мужчинъ, у которыхъ явились-бы при видѣ ея грязныя мысли, а не восторгъ и очарованье! Мужчины съ восторгомъ протянули-бы къ этой женщинѣ руки, умоляя не исчезать, чтобы подольше благоговѣйно насладиться видѣньемъ красоты, созданной Богомъ, а не человѣкомъ»...

Чувствовалось, что ораторъ говоритъ самъ переживая это. И все сказанное — не только красивыя слова. Эта рѣчь была косвеннымъ отвѣтомъ на мои сомнѣнья, но во мнѣ все-же еще не было увѣренности, такъ-ли это въ дѣйствительности, какъ говорится... Быть можетъ подъ вліяніемъ слышаннаго или въ чаду новой для меня обстановки и выпитаго вина, мною овладѣла смѣлая мысль провѣрить: не обратятся-ли эти красивыя слова въ послѣдствіи въ пошлыя предложенія «ожившей богинѣ», я тихо подошла къ стѣнѣ и заслонивъ собою мраморную статую, распахнула домино...

Подъ чернымъ шелкомъ на мнѣ было надѣто только розовое трико...

Я сама чувствовала, что впечатлѣніе было огромное: всѣ замерли отъ неожиданности или восторга. Даже лакей застылъ съ салфектой въ рукахъ, а изъ сосѣдней залы неслись нѣжные звуки вальса...

Когда я запахнула шелкъ и соскочила съ дивана, дѣйствительно ко мнѣ потянулись руки, а кто-то даже сталъ на колѣни...

Дальше произошло нѣчто невѣроятное. Когда я, желая провѣрить, устремятся-ли за мною собесѣдники и не предложить-ли мнѣ кто-нибудь изъ нихъ послѣ видѣннаго, что-нибудь нехорошое, попрощалась и направилась къ двери, мнѣ загородилъ дорогу, разорвалъ на мнѣ домино и даже, кажется, ударилъ какой-то человѣкъ въ зеленомъ.

Все смѣшалось, все закружилось вокругъ меня... Всѣ разомъ зашумѣли и закричали . . .

Господинъ въ зеленомъ былъ мой мужъ — Юрій . . .

Мартъ.

Если, когда-либо эти строки сдѣлаются достояніемъ всѣхъ, найдется, вѣроятно, немало людей, сомнѣвающихся, что все въ дѣйсвительности, именно было такъ, какъ я пишу и не какія-либо другія побужденія, а лишь желаніе узнать истину, толкнули меня на то, что я сдѣлала.

Теперь, спокойно анализируя все пережитое мною, я передъ своей совѣстью могу сказать, что, дѣйствительно, мною руководило тогда только одно это побужденіе и ничто другое.

Какимъ образомъ оказался въ маскарадѣ мужъ? — Очень просто. Вернувшись домой, не заставъ меня и, узнавъ, что я уѣхала въ маскарадъ одна, онъ переодѣлся въ костюмерной въ зеленое домино и явился туда-же. Зная приго-

товленное мною черное домино, съ бѣлой лиліей, онъ сразу узналъ меня въ толпѣ, но не подошелъ ко мнѣ, а продолжалъ за мной наблюдать, а затѣмъ сталъ свидѣтелемъ моего поступка.

Послѣдствіемъ всего происшедшаго тогда получился разводъ, который любезно согласился вести мой первый случайный знакомый по маскараду, московскій присяжный повѣренный Никита Александровичъ Журчалинъ, такъ красиво говорившій тогда о женщинахъ.

Я часто задаю теперь себѣ вопросъ: допустимъ, если бы мужъ, волею случая, не сталъ свидѣтелемъ всего происшедшаго, разсказала бы я ему о своемъ поступкѣ или нѣтъ? Конечно, да! Все равно, послѣ того, что я узнала изъ его письма, у меня съ нимъ было-бы все кончено. Не было-бы только грубой, непріятной сцены.

Мартъ.

Мама и папа удивились моему неожиданному пріѣзду и, видимо, очень огорчились, когда узнали, что я пріѣхала совсѣмъ и съ мужемъ развожусь.

Причину развода я указала старую, какъ и самъ бракъ — «несходство характеровъ». Мама порядочно поплакала, хотя и увѣряла, что ея сердце всегда чувствовало это.

Апрѣль.

Первое время пребыванія моего здѣсь, въ привычной обстановкѣ, среди ласки и уюта родной семьи, я чувствовала себя покойно и вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы, подъ лучами весенняго

солнца, обновлялась и моя душа а все пережитое мною тяжелое уходило куда-то вдаль.

Я не скрывала отъ друзей и знакомыхъ о своемъ разрывѣ съ мужемъ и разводѣ. Никто не находилъ въ этомъ ничего особеннаго и я не могла пожаловаться на мало-мальски холодное или мало привѣтливое отношеніе ко мнѣ со стороны окружающихъ. Но, повидимому, слухи о случаѣ въ маскарадѣ скоро достигли нашего городка и проникли въ такъ называемый beau monde. Въ какомъ видѣ и насколько извращенно описываютъ мой поступокъ — мнѣ неизвѣстно, но отношеніе ко мнѣ замѣтно измѣнилось. Меня больше не приглашаютъ туда, гдѣ раньше я была желанной гостьей. На улицахъ губернскія дамы опредѣленно избѣгаютъ со мной встрѣчъ, если-же это неминуемо случается, то торопятся бесѣду сдѣлать возможно краткой и, въ особенности, стараются отвести отъ меня дѣтей. Знакомые, неженатые мужчины, раньше вполнѣ выдержанные, начали теперь какъ-то особенно на меня поглядывать и развязно раскланиваться, а семейные чиновные и нечиновные горожане, при разговорѣ стали трусливо оглядываться по сторонамъ. Первое время меня удивляла появившаяся вдругъ у всѣхъ такая торопливость и «масса дѣлъ», — теперь я все поняла. На душѣ горько, горько... Опять покой нарушенъ и больше уже не радуетъ яркое, весеннее солнце и одѣвающаяся въ свѣжій весенній уборъ природа.

Апрѣль.

Повидимому и до моихъ милыхъ стариковъ дошло кое-что изъ слуховъ. Они стали грустнѣе, избѣгаютъ говорить о моемъ разводѣ, а маму я нѣсколько разъ заставала въ слезахъ.

Знакомыя дамы при встрѣчахъ со мной все больше и больше куда-то спѣшатъ, а ихъ супруги, если случится со мной заговорить, еще тщательнѣе оглядываются по сторонамъ — не увидѣлъ-бы кто-нибудь и не донесъ-бы ревнивой женѣ.

Одна Маруся Смаковская по прежнему была мнѣ вѣрна. Но послѣднее время я замѣтила, что и она охотнѣе приходитъ ко мнѣ, сидитъ у меня и все рѣже и рѣже гуляетъ со мной по городу и зоветъ къ себѣ. Сегодня Маруся заговорила о предразсудкахъ, неоднократно повторяя, что она человѣкъ безъ таковыхъ, готова всѣми силами съ ними бороться, готова для меня пожертвовать отношеніями съ кѣмъ угодно, оставаясь моимъ другомъ, не зависимо отъ того, чтобы со мной ни случилось. Спасибо, милая Маруся, за доброе желаніе и жертву. Неужели-же, пока я была женой испорченнаго человѣка и задыхалась въ развратѣ, которому онъ меня училъ, я была всѣми уважаема и ни для кого не была опасна! Когда-же я, не вынесши этой науки, вырвалась изъ омута и не только не могу подумать о близости съ кѣмъ-нибудь изъ мужчинъ, но даже вспомнить объ этомъ мнѣ омерзительно, — на меня стали всѣ смотрѣть, какъ на безнравственную, опасную женщину, мо-

гущую дурно повлiять на почтенныхъ мужей и подростковъ. Хорошо относиться ко мнѣ можетъ только тотъ, кто не опутанъ предразсудками, или хочетъ казаться таковымъ.

Вотъ она — провинцiальная тина, колышащаяся при каждомъ мало-мальски изъ ряда вонъ выходящемъ событiи въ чужой семьѣ и неподражаемо перемывающая косточки ближнихъ.

Бѣжать! Бѣжать подальше отъ этого болота, отъ этого ничтожества, тупоумiя и фариссейства всплывающихъ наружу, когда эта тина заколышется.

Апрѣль.

Поговорила со своими старичками и уговорила отпустить меня въ Москвѣ. Да они особенно и не сопротивлялись. Папа сказалъ: «Ну, что-же поѣзжай! Попробуй! Вижу, что не легко тебѣ здѣсь. Познакомься, осмотрись и, если понравится и мы къ тебѣ переѣдемъ — намъ безъ тебя, какъ безъ солнышка, скучно . . .

Мама еще чаще стала плакать. Истинно права пословица: малы дѣти — меньше горя, большiе дѣти — больше горя . . .

Май.

Удивительно меня бросаетъ судьба. Годъ назадъ въ маѣ я ѣхала на Западъ объ руку съ мужемъ — теперь - же я одна уже въ Москвѣ. Наняла комнатку недалеко отъ Арбата. Хозяйка-толстуха, вдова какого-то мелкаго купца или псаломщика, кажется симпатичной. Рѣшила посту-

пить на вечерніе бухгалтерскіе курсы, а днемъ гдѣ-нибудь служить или работать. Папа обѣщалъ высылать по пятидесяти рублей ежемѣсячно, больше у него самого нѣтъ. Съ этой суммой будетъ мнѣ, конечно, трудновато.

Журчалинъ удивительно добръ — онъ не только ведетъ мое дѣло безвозмездно, но и обѣщалъ достать мнѣ работу. Видѣла его раза два, когда онъ привозилъ подписывать какія-то бумаги.

Іюль.

Проживъ два мѣсяца одна, я отлично поняла, какъ трудна жизнь одинокой молодой женщины, желающей жить собственнымъ трудомъ. За это время я перемѣнила двѣ службы и вижу теперь, что служба для красивой женщины возможна, если она кромѣ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, пойдетъ еще и на другое. Молодая женщина чувствуетъ себя на службѣ среди мужчинъ, какъ въ станѣ враговъ. Въ особенности, если въ добавленіе къ ея молодости у нея имѣется еще титулъ вдовы-разводки. Можетъ быть, если-бы была только первая часть этого званія — вдова, тогда взглядъ былъ-бы нѣсколько иной, но разводка почему-то считается добавкой болѣе пикантной, дающей право мужчинамъ держать себя несравненно свободнѣе.

По рекомендаціи Журчалина я поступила на службу въ одинъ изъ отдѣловъ огромнѣйшаго дома «Краше и Крашевичъ» на должность корреспондентки. Я быстро усвоила себѣ нѣкоторую

терминологію и коммерческіе обороты рѣчи для писемъ, и работа, благодаря основательному знанію языковъ, не казалась мнѣ трудной. Я была рада, что нашла себѣ спокойный, вѣрный заработокъ. Но черезъ нѣсколько дней я замѣтила, что нѣкоторые изъ служащихъ мужчинъ начали чаще забѣгать въ комнату, гдѣ я работала, выискивая къ тому всевозможные предлоги. Прочія-же барышни, работающія по сосѣдству, первоначально принявшія меня довольно привѣтливо, замѣтно измѣнили свое хорошее отношеніе, допуская иногда насмѣшливыя улыбки и намеки. Я рѣшила дѣлать видъ, что ничего не замѣчаю. На бѣду я не осталась незамѣченной и болѣе сильными міра сего. Въ одинъ прекрасный день я обратила вниманье, что уже нѣсколько дней служащіе перестали, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, вертѣться въ нашей комнатѣ, а туда зачастилъ одинъ изъ воротилъ-директоровъ фирмы. Сослуживцы тоже значительно притихли, а намеки ихъ нѣсколько измѣнили форму, ставъ менѣе прозрачными, поэтому въ большинствѣ случаевъ я ихъ не понимала. Директоръ, заходя въ отдѣлъ, неизбѣжно каждый разъ разговаривалъ со мной, но исключительно по вопросамъ дѣловымъ.

Нѣсколько дней спустя, приблизительно недѣли черезъ три со дня поступленія моего въ контору ко мнѣ подошелъ этотъ директоръ и спросилъ, согласна-ли я составлять требованія и письма къ заграничнымъ фирмамъ по его лич-

нымъ указаніямъ. Я отвѣтила, что мнѣ все равно, что работать. На другой день я уже сидѣла за небольшимъ столикомъ въ его кабинетѣ. Первые дни новой работы ничѣмъ не отличались отъ прежнихъ, но затѣмъ я стала замѣчать, что мой патронъ дѣлается все любезнѣе и любезнѣе, больше говоритъ о вопросахъ, отнюдь не коммерческихъ, угощаетъ конфектами, предлагаетъ мнѣ билеты въ театръ, довести домой на автомобилѣ и т. п. Я очень любезно, но серьезно, все отклоняла.

Однажды, возвратясь домой, я застала у себя въ комнатѣ огромнѣйшую корзину цвѣтовъ и карточку директора. Я была поражена и возмущена, хотя и старалась не видѣть въ этомъ подаркѣ ничего дурного. На другой день я холодно поблагодарила его за вниманье, но вмѣстѣ съ тѣмъ попросила впредь мнѣ такого вниманія больше не оказывать. Патронъ, повидимому, остался не совсѣмъ доволенъ подобнымъ оборотомъ дѣла и кисло увѣрялъ меня, что онъ не хотѣлъ обидѣть, что я не такъ поняла и т. д.

Тѣмъ не менѣе, однако, черезъ нѣсколько дней опять появилась корзина еще большихъ размѣровъ, а при ней записка съ предложеніемъ довольно недвухсмысленнымъ и разъясненіемъ, что «посылая цвѣточки, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта — за ягодками дѣло не станетъ . . .»

Записка была безъ подписи, но мнѣ все-же не трудно было узнать руку своего начальника.

На другой день я уже рѣзко попросила оставить меня въ покоѣ, рѣшительно пообѣщавъ, въ слѣдующій разъ знакъ его вниманія съ исправленнымъ адресомъ отправить въ распоряженіе его супруги. Мой непрошенный, настойчивый поклонникъ отрицая свое авторство записки и цвѣтовъ, весьма сухо мнѣ замѣтилъ, что «мало-ли кто пишетъ и дѣлаетъ мнѣ всякія предложенія». Было очевидно, что все это дѣло его рукъ, но не имѣя опредѣленныхъ данныхъ, пришлось замолчать.

Съ этой минуты отношеніе его ко мнѣ рѣзко измѣнилось. Оставаясь вполнѣ корректнымъ и вѣжливымъ, онъ сталъ придираться къ каждой мелочи. Письма, ранѣе подписываемыя безъ всякихъ поправокъ, теперь перечеркивались по два, по три раза. Малѣйшая ошибка въ разстановкѣ знаковъ препинанія сопровождалось иронической улыбкой, а иногда и какой-нибудь ядовитой фразой. Стоило мнѣ выйти въ общую контору, какъ со всѣхъ сторонъ слышались усмѣшки и намеки съ упоминаніемъ словъ: «карьера, легкій трудъ, любимца и т. п.» Все это вмѣстѣ взятое создало такую атмосферу, что, не дотянувъ до конца второго мѣсяца, я попросила меня уволить.

Еще болѣе краткимъ былъ второй опытъ моей службы.

Выслушавъ все, что произошло у меня у «Краше и Крашевичъ», Никита Александровичъ выхлопоталъ мнѣ мѣсто кассирши въ большомъ магазинѣ одного изъ замоскворѣцкихъ купцовъ.

Ввиду солидной рекомендаціи и ручательства Журчалина, купчина принялъ меня безъ залога. Служба была безпокойнѣе и тяжелѣе, нежели прежняя, ибо требовала постояннаго, неослабнаго вниманія и аккуратности. Однако, первое время шло все хорошо, какъ по маслу. На бѣду сынъ хозяина, молодой купчикъ, обратилъ на меня свое вниманіе и началъ таять, все-же ничѣмъ не проявляя своихъ чувствъ, кромѣ пожиранія меня глазами и тяжелыхъ вздоховъ.

Купчику уже было года двадцать три и вскорѣ послѣ моего поступленія въ магазинъ папаша задумалъ его женить. Каковы-же были изумленіе и гнѣвъ стараго купчины, когда сынокъ, дотолѣ тихій и послушный, бухнулъ ему въ ноги и рѣшительно заявилъ, что ни на комъ, кромѣ меня, онъ не женится, а если я за него не пойду, то ему «краше въ Москвѣ-рѣкѣ быть утопимому...»

Строгій родитель вышелъ изъ себя, основательно сына отчитавъ, велѣлъ выбросить дурь изъ головы — въ ихнемъ-де роду такой срамоты, какъ разводокъ, никогда не бывало и прочее.

Считая, что, конечно, дѣло не обошлось безъ моего кокетства и желанья «поймать неразумное дитя», когда на другой день утромъ я, ничего не подозрѣвая, явилась на службу, старшій приказчикъ предложилъ мнѣ сдать кассу. На мой вопросъ, что значитъ столь неожиданный поступокъ, приказчикъ просилъ отъ имени хозяина не обижаться и предложилъ въ видѣ компенсаціи жалованье за два мѣсяца впередъ и хорошій

аттестатъ, какъ кассиршѣ. Конечно, я отъ того и другого отказалась.

Уже значительно позже, этотъ-же самый старичокъ-приказчикъ, какъ-то встрѣтивъ меня у храма Спасителя, разсказалъ мнѣ все, какъ было.

Мнѣ было и больно и смѣшно.

Октябрь.

Рука трясется... Перо готово выпасть изъ моихъ рукъ. Даже листка этой бѣлой бумаги мнѣ стыдно... Все-же я рѣшила написать эти строки. Написанное на бумагѣ, говорятъ, вырубить невозможно, а нацарапанное кровью въ душѣ вычеркнуть еще труднѣе. Что-же пусть то, что выжжено у меня въ сердцѣ и никогда не забудется, перенесется и на бумагу.

Послѣднія слова записанныя мною были: «мнѣ было и больно и смѣшно...»

Смѣшно мнѣ было очень не долго. Жить на пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ въ огромномъ городѣ становилось все труднѣе и труднѣе, тѣмъ болѣе, что папа болѣлъ и эти посылки стали менѣе регулярны. На бѣду, послѣ опытовъ моихъ службъ, я сама прихворнула, понадобились также расходы по разводу и это меня основательно выбило изъ бюджета. Я задолжала хозяйкѣ. Пришлось начать продавать цѣнныя вещи и все покатилось подъ гору: за брошкой ушли серьги, за серьгами — кольца и скоро ничего не осталось. Отъ Журчалина я тщательно скрывала свои затрудненія отлично зная, что онъ опять будетъ хлопотать для меня о

службѣ, а можетъ быть даже предложитъ денегъ взаймы. Будучи обязанной ему черезъ-чуръ многимъ, я совѣстилась даже заикнуться о новой помощи.

Сердобольная хозяйка не особенно докучала мнѣ съ требованіями расплаты съ нею, но ея вѣчные вздохи и жалобы на дороговизну и трудность жизни и мое собственное сознаніе, что я ей должна, не давали мнѣ покоя и мучили меня непрестанно. Къ тому-же добрая Прасковья Ильинишна, по простотѣ душевной, стала надоѣдать мнѣ совѣтами. Кромѣ моей, у нее сдавались еще двѣ-три комнаты и въ одной изъ нихъ жилъ какой-то не то бессарабскій, не то харьковскій помѣщикъ. Сему почтенному мужу, чуть-ли не двукратному вдовцу, я имѣла неосторожность приглянуться. Кромѣ умышленнаго желанья поподаться мнѣ почаще на глаза и оказыванія мелкихъ услугъ, вродѣ открыванія двери, сей поклонникъ лично ничѣмъ не проявлялъ своихъ чувствъ, а сталъ дѣйствовать черезъ хозяйку, ввидѣ свахи. Первоначально всѣ появленія въ моей комнатѣ Прасковьи Ильинишны, какъ-бы между прочимъ, сопровождались фразами: «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей!—Не клиномъ сошелся...Охъ! Тяжело нашей сестрѣ безъ мужчины... Съ лица не воду пить»...

Затѣмъ намеки стали прозрачнѣе и однажды завершились форменнымъ предложеніемъ.

„Не какъ-нибудь, а по хорошему законнымъ бракомъ. Пока разводъ, то да се, а потомъ чест-

нымъ пиркомъ, да и за свадебку... Вѣнцомъ и будетъ все прикрыто... Въ шелкахъ, да въ бархатахъ ходить будете. А что пожилой, такъ это еще и лучше, — больше цѣнить, да жалѣть будетъ. Двѣсти десятинъ земли, одна къ одной, въ молдаванской губерніи"... — убѣждала меня сваха.

Ни двѣсти десятинъ „какъ одна", ни шелка и бархаты, ни заманчивая перспектива — прикрыть вѣнцомъ — меня не соблазнили и огорченная сваха ушла ни съ чѣмъ.

Положеніе мое становилось все хуже и хуже. Долги росли, а продавать скоро стало уже нечего. Я писала объявленія, ходила по всевозможнымъ учрежденіямъ, прося мѣста. Но при личныхъ переговорахъ мужчины глядѣли на меня такими глазами, что я видѣла безполезность хлопотъ и сама отказывалась, а дамы, хорошенько меня разсмотрѣвъ, заявляли, что я „опоздала" и мѣсто занято или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Только одна сказала мнѣ откровенно: вы слишкомъ красивы, чтобы поселить васъ въ домѣ.

Обида, что молодой женщинѣ, разъ она не хочетъ идти на пошлость, невозможно найти себѣ заработокъ, обида на дамъ нашего-же круга, въ каждой красивой женщинѣ видящихъ соблазнъ для мужа и опасность ихъ семейному благополучію, все больше и больше овладѣвали мною, а вмѣстѣ съ обидой закрадывалось въ душу и отчаяніе.

И вотъ я нашла службу и служу. Служу уже третью недѣлю. Служу... Выговорить трудно гдѣ... Служу въ кафе-шантанѣ...

Какъ случилось, что я, мечтавшая о семейномъ счастьи, мечтавшая о роли преданной жены, такъ радовавшаяся, когда надѣялась быть матерью — очутилась на подмосткахъ варьете?

А случилось все вотъ какъ:

Моя квартирная хозяйка, такъ неудачно сватавшая за меня бессарабскаго помѣщика, первое время послѣ этаго интермецпо на меня дулась, но скоро положила гнѣвъ на милость и однажды зайдя ко мнѣ попить чайку, до котораго она большая охотница, разговорилась о моихъ неудачныхъ поискахъ мѣста.

— А почему бы вамъ, Алла Сергѣевна, не обратиться къ Акаѳистову? — Спросила она.

Я поинтересовалась кто такой этотъ Акаѳистовъ.

— Данила Ананьевичъ солидный, хорошій господинъ, уже въ лѣтахъ. Хотя и ходитъ бритый, какъ актеръ, одначе самъ не актеритъ, а только достаетъ мѣста актрисамъ и актерамъ. Въ третьемъ году вотъ въ этой самой комнатѣ жила барышня изъ Чернигова; тоже все искала мѣста, такъ онъ ей не то въ Екатеринославъ, не то въ Сызрань мѣсто предоставилъ. Въ точности не могу вамъ указать, одначе помню, что на какой-то рѣкѣ этотъ городъ стоитъ. А передъ ней жилъ у меня пѣвецъ безъ мѣста, такъ я сама попросила Данилу Ананьевича куда-нибудь его пристроить въ другой городъ, —

больно ужъ не вмоготу стало: мало того, что денегъ не платилъ, другіе постояльцы изъ-за пѣнья обижались. Добро-бы пѣлъ еще что-нибудь людское, пѣсни тамъ или церковное, а то только «а», да «о» вытягивалъ на разные лады. Уважилъ Акаѳистовъ мою просьбу, отправилъ пѣвуна на Кавказъ. Дай Богъ ему здоровьечка! — Уѣзжая, пѣвецъ даже и денегъ не заплатилъ, одначе мѣсяцевъ черезъ пять прислалъ и очень жантильно написалъ въ письмѣ: «Посылаю — молъ, потому-что я баритонъ — голосъ благородный. Будь я теноръ или басъ — плакали-бы ваши денежки...»

— Вотъ и вамъ-бы къ Акаѳистову обратиться, можетъ и вамъ какое-нибудь мѣсто предоставитъ.

Я возразила, что никогда я артисткой быть не собиралась, этому искусству не училась и ни голоса, не таланта у маня нѣтъ.

— Какого тамъ таланта или ученья для актера надо? — возразила Прасковья Ильинишна. — Баритонъ мой только и зналъ всего двѣ или три буквы, а теперь слышно въ люди вышелъ — въ Петербургѣ играетъ. Видно легкая рука у Данилы Ананьевича.

Я не стала разувѣрять добрую Прасковью Ильинишну и она ушла съ твердымъ намѣреніемъ познакомить меня съ этимъ добрымъ геніемъ артистовъ безъ ангажемента.

Дня черезъ два хозяйка привела ко мнѣ въ комнату небольшого круглаго человѣчка, бритымъ лицомъ и всей своей фигуркой удивительно напо-

минающаго антрепренера или комика провинціальной опереточной труппы. Кругленькій человѣкъ оказался театральнымъ агентомъ Акаѳистовымъ.

Поговоривъ со мной нѣсколько времени, распросивъ о семейномъ положеніи и услышавъ, что я, хотя и играла раза два въ любительскихъ домашнихъ спектакляхъ, но талантовъ и данныхъ для сцены у себя рѣшительно никакихъ не нахожу, онъ ушелъ, обѣщавъ пораскинуть умомъ и что-нибудь придумать.

Октябрь.

Черезъ нѣсколько дней Акаѳистовъ опять зашелъ ко мнѣ и объявилъ, что у него для меня есть проэктъ. Я ни на одну минуту не допускавшая мысли чтобы что-либо могло выйти изъ моего съ нимъ разговора, тѣмъ не менѣе заинтересовалась.

— Хотите-ли вы начинать сценическую карьеру съ азовъ или желаете занять сразу хорошее обезпеченное положеніе? — спросилъ Акаѳистовъ, втискивая свою фигурку въ довольно узкое кресло.

Я сказала, что все зависитъ отъ того, что отъ меня потребуется.

— При вашей наружности, нѣкоторое время съ вами подзанявшись, я могъ бы васъ устроить въ любую труппу на небольшія роли. Но, знаете-ли вы, что значитъ быть начинающей въ провинціальной труппѣ? — Это значитъ ладить со всѣми: съ антрепренеромъ, съ режиссеромъ, съ первымъ любовникомъ, съ суфлеромъ, чуть-ли не костюмеромъ и декораторомъ. А вы представляете себѣ, что такое

это «ладить»? Это значитъ, что когда антрепренеръ щипнетъ васъ за подбородокъ или другое мѣсто — надо отвѣтить ему пріятной улыбкой; обниметъ и поцѣлуетъ васъ первый любовникъ — отвѣтить ему тѣмъ-же; потребуетъ отъ васъ кое-что другое режиссеръ — немедленно согласиться, а то — бѣда!...

Правда есть средство не считаться со всѣмъ этимъ: это имѣть богатаго покровителя, но тогда и на сцену ради заработка, какъ хотите этого вы, поступать не стоитъ. Я придумалъ для васъ способъ занять сразу независимое, обезпеченное положеніе, что при вашихъ физическихъ даныхъ будетъ очень легко.

— Послушайте, не забывайте, что я ни пѣть, ни танцовать, не одного звука произнести на сценѣ, какъ слѣдуетъ не умѣю. — Напомнила я.

— Для этого и не требуется ничего говорить — продолжалъ онъ. — Для этого потребуется... Ради Бога только не пугайтесь! Потребуется только разъ въ день... раздѣться...

Мнѣ показалось, что я ослышалась.

— Да, да, раздѣться! — Спокойно подтвердилъ Акаѳистовъ.

— Вы съума сошли! Какъ вы смѣете предлагать мнѣ такія вещи? — почти закричала я.

— Такъ! Такъ! Я ожидалъ вашего гнѣва, барынька, и поэтому остаюсь совершенно спокоенъ,— возразилъ онъ. — Сперва немножко успокоитесь, затѣмъ выслушайте меня и ужъ потомъ рѣшайте, гнѣваться вамъ на меня или нѣтъ.

— Посмотрите на меня, посмѣю-ли я предложить вамъ что либо мерзкое или некрасивое? Теперь въ столицахъ въ большой модѣ живыя картины изъ миѳологіи, вотъ я и предлагаю вамъ учавствовать въ такихъ картинахъ, изображая греческихъ и римскихъ богинь. Вы сами понимаете, что древнія красавицы — богини: Венера, Афродита, Юнона, Церера не заказывали платьевъ у Дреколь или у Ламановой, поэтому и артисткѣ, изображающей ихъ прійдется разоблачаться, конечно, до нѣкоторой степени и кое-что останется, но все-же и открыть прійдется порядочно. Но зато, не сказавъ ни одного слова, не шевельнувъ ни однимъ пальчикомъ, а только перемѣнивъ пять-шесть позъ и въ общей сложности, простоявъ полъ-часа въ вечеръ, вы будете получать по 35 рублей за гастроль, что въ мѣсяцъ составляетъ болѣе тысячи, а въ годъ—двѣнадцать. Окладъ почти министерскій. И не только ни отъ кого, барынька, не зависимо, но антрепренеры сами за вами бѣгать будутъ, былъ-бы только успѣхъ. Но за успѣхъ я ручаюсь!

— Но какъ-же такъ? Чтобы я съ открытымъ лицомъ стояла нагая передъ публикой, хотя-бы и изображая богиню? — Возразила я, не имѣя силъ освоиться съ этой мыслью.

— Ну, не совсѣмъ нагая, а кое-что, какъ я говорилъ останется: трико, туника или что другое, а личико мы прикроемъ маской, — это придастъ таинственность номеру и успѣхъ будетъ еще больше. Васъ страшитъ и пугаетъ нагота? — Съ вашими

взглядами на мораль и красоту это естественно и понятно. Но увѣряю васъ — это заблужденіе. Я знаю, вы видѣли въ жизни не мало грязи и испытали много разочарованій, такъ разсудите-же сами: не честнѣе-ли и красивѣе, хотя-бы нагой показаться на подмосткахъ, но оставаться чистой душой и этимъ обнаженнымъ тѣломъ, или быть задрапированной въ дорогія ткани и втихомолку предаваться утонченному разврату? Повѣрьте, когда вы, прекрасная, блистающая классическими формами вашего здороваго тѣла предстанете предъ зрителями, изображая древнюю миѳологическую богиню, я убѣжденъ, что среди зрителей будетъ немало людей, сердца которыхъ сильнѣе забьются, а въ душѣ затеплится огонекъ восторга при видѣ лучшаго творенія небесъ — прекрасной женщины. Не спорю, будетъ еще больше людей, у которыхъ эти картины вызовутъ пошлыя мысли и желанья, но пусть у десяти человѣкъ изъ тысячи глаза загорятся священнымъ, чистымъ восторгомъ и для этихъ десяти стоитъ согласиться послужить красотѣ...

— Послушайте! — перебила я. — Допустимъ, что я соглашусь на это предложеніе, но вѣдь меня-же будутъ осаждать нехорошими предложеніями, знакомствами, приглашеніями...

— Отъ васъ всецѣло зависитъ, какъ отнестись къ этимъ предложеніямъ. Если это васъ пугаетъ, то я берусь устроить, что ни вашего имени, ни адреса не одна душа не узнаетъ. Всѣ переговоры и

сношенія буду вести только я одинъ, со мной-же будете имѣть дѣло и вы.

— Все таки эта мысль, эта идея не укладывается въ моей головѣ, не вяжется съ моими взглядами. Вѣдь я мечтала о семьѣ, готовилась быть любящей женой и матерью и вдругъ, вмѣсто всего этого стать кафе-шантанной артисткой, да еще на подобныя амплуа!

— Превратность судьбы, барынька! Ничто иное, какъ превратность судьбы. — Отвѣтилъ со вздохомъ Акаѳистовъ. — Я самъ былъ когда-то въ семинаріи, готовился надѣть рясу и вѣщать слово Божіе, а вотъ, благодаря превратности судьбы, сначала самъ служилъ, а теперь поставляю артистовъ на сцену, которую часто, охъ, какъ часто, при всемъ снисхожденіи нельзя назвать храмомъ искусства...

— Я люблю театръ и въ своихъ скитаніяхъ по свѣту я видѣлъ театры почти всѣхъ столицъ Европы. Въ Будапештѣ былъ директоромъ театра баронъ по фамиліи Нобска или какъ-то иначе. Этотъ директоръ ни одной танцовщицы не принималъ на службу прежде чѣмъ не видѣлъ ее нагой и воочію не убѣждался въ ея красивомъ сложеніи. Боюсь утверждать, но говорятъ, что это былъ человѣкъ крайне нравственный, отличный семьянинъ и ни одна изъ артистокъ никогда не пожаловалась на его нескромность. Онъ смотрѣлъ на себя только какъ на жреца, допускающаго въ храмъ красоты и искусства исключительно достойныхъ. И, дѣйствительно, всѣ должны были согласиться, что балерины его театра

были изящными сильфидами и нимфами, а не замоскворѣцкими тетками.

Нѣсколько вечеровъ продолжались подобныя бесѣды и уговоры и въ результатѣ ихъ я подписала контрактъ на всю зиму.

Октябрь

Нарисовали специальныя декораціи, сдѣлали нѣсколько репетицій и вотъ уже нѣсколько дней я выступаю.

Все устроено, какъ мнѣ обѣщалъ Акаѳистовъ, ставшій теперь моимъ импрессаріо. Контрактъ я подписала съ нимъ и кромѣ него, дѣйствительно, я никого не знаю. Въ контрактѣ оговорена полная тайна. Выѣзжая изъ дому въ театръ, я кутаюсь въ манто и надѣваю маску. Снимаю ее, отъѣхавъ на порядочное разстояніе отъ театра.

Успѣхъ превзошелъ даже ожиданія Акаѳистова. Послѣ поднятія занавѣса весь переполненный залъ замираетъ и затихаетъ такъ, что кажется слышнымъ стукъ сердецъ. По закрытіи сцены театръ оглашается криками, апплодисментами и требованіями повторенія... Но что чувствую я, стоя, почти нагая, передъ тысячной толпой? Я подымаюсь на подмостки, какъ на эшафотъ... Когда-же я стану на мѣсто, плащъ унесутъ и занавѣсъ подымается—все мое тѣло горитъ, а мнѣ кажется, что отъ каждаго изъ тысячи, устремленныхъ на меня глазъ, протягивается острая игла и больно меня колетъ... Я чувствую, что мое тѣло краснѣетъ и дрожитъ пронизываемое этими взглядами,голова кружится, я закры-

ваю глаза и, едва не падая, какъ автоматъ, мѣняю позы.

Октябрь.

Привыкнувъ сама себѣ отдавать отчетъ и разбираться въ своихъ поступкахъ, я не могу не задуматься надъ вопросомъ, почему я согласилась на эту рискованную роль.

Уговорилъ-ли меня предпріимчивый Акаөистовъ, убаюкавъ мою стыдливость, или я только наружно добродѣтельна, а въ моей душѣ наука мужа уже пустила корни? Или обстоятельства заставили меня рѣшиться на это, какъ на послѣднее средство, послѣ долгихъ, безплодныхъ поисковъ заработка.

Трудно мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ. Вѣроятно, все вмѣстѣ взятое, только ужъ, конечно, не второе, а главное разочарованіе во многомъ и во многихъ были вѣрными помощниками моего импрессаріо, когда онъ меня уговаривалъ.

Какъ-бы тамъ не было, а я не могу не констатировать фактъ, что въ полтора года отъ любящей скромной невѣсты я докатилась до... Нѣтъ! Не докатилась и дальше не покачусь по уклону! Замужемъ за Юріемъ, подъ его опытнымъ руководствомъ, я безусловно катилась-бы и рано или поздно докатилась-бы до пропасти и нравственной гибели, но теперь, хотя и нагая, я стою на твердыхъ ногахъ и никакая сила не заставитъ меня опять стать орудіемъ наслажденія для кого-бы то не было.

Ноябрь.

Я все никакъ не могу освоиться со своимъ новымъ положеніемъ и службой, если только можно назвать службой то, что я дѣлаю. Я выступаю передъ зрителями уже второй мѣсяцъ, но ощущеніе отъ этого у меня остается такое-же, какъ и въ первый день. Мнѣ кажется, если я буду стоять года, то и то я не привыкну.

Акаѳистовъ сдержалъ слово и я окружена тайной, какъ непроницаемой стѣной. По городу ходятъ всевозможнѣйшіе споры и толки о моемъ инкогнито. Газетные репортеры тщетно пытаются приподнять маску съ моего лица и предполагаютъ подъ ней: одни неописуемую красавицу, другіе — невѣроятнаго урода, а предпріимчивый антрепренеръ ловко пользуется создавшимся положеніемъ и дѣлаетъ недурныя дѣла.

Мой адресъ знаетъ только Акаѳистовъ, даже дирекція о немъ не освѣдомлена и никто изъ этихъ сотенъ людей, глядящихъ изъ темноты зала, хорошими и нехорошими глазами на мое тѣло не подозрѣваетъ, что тихо живущая со своей старухой-нянькой въ маленькой квартиркѣ на Пречистенкѣ, часто молящаяся въ храмѣ Христа-Спаса и ежедневно играющая съ чужими дѣтьми на бульварѣ, скромно одѣтая, высокая дама и есть та, которая въ двѣнадцать часовъ ночи появляется на подмосткахъ кафе-шантана въ цѣломудренной наготѣ древней богини. Я могу смѣло такъ назвать свою наготу, потому что, выступая нагая передъ публикой, я

остаюсь чиста тѣломъ, душой и помыслами моими. Для многихъ и весьма многихъ покажется невозможнымъ совмѣстить, на первый взглядъ, эти несовмѣстимыя понятія, но это — такъ!

Этому свидѣтель Тотъ, Кому я часто всѣмъ сердцемъ молюсь!

Далѣе въ дневникѣ въ теченіе всей зимы слѣдуютъ записи въ духѣ послѣдней, изъ каковыхъ видно, что героиня, выступая въ кафе-шантанѣ, по прежнему страдаетъ душой, но въ своей вынужденной наготѣ видитъ все-же меньше грязи и гадости, нежели въ бывшихъ отношеніяхъ къ ней ея мужа.

Чувствуя непреодолимое физическое и нравственное отвращеніе къ плотскимъ отношеніямъ, Алла Сергѣевна видитъ во всѣхъ мужчинахъ часть своего мужа и бѣжитъ отъ всѣхъ рѣшительно знакомствъ.

Тайна ея выступленій, конечно, не совсѣмъ осталась скрытой и ее осаждаютъ письмами, цвѣтами и даже подарками, но... «даже маленькаго простого цвѣтка я не принимаю и все отправляю обратно, отговариваясь ошибкой», — говоритъ она въ одной изъ записей.

Избѣгая повтореній, а также боясь утомить читателей, я эти записи опустилъ и продолжаю съ замѣтокъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, гдѣ описываются событія и встрѣчи впослѣдствіи имѣвшія рѣшительное значеніе для жизни моей героини.

Сезонъ конченъ. Я свободна. Всѣ эти мѣсяцы были сплошнымъ тріумфомъ и побѣдой моего тѣла, вѣрнѣе это была побѣда красоты женщины надъ толпой и поклоненіе толпы этой красотѣ. Мое лицо было всегда закрыто, я не учавствовала въ этой побѣдѣ и стояла тамъ, въ театрѣ, не я, Алла Сергѣевна, и не современная дама, а Венера, Цирцея, Фрина и не мнѣ въ восторгѣ рукоплескали тысячи людей, а имъ — родоначальницамъ культа женской красоты.

Если я, желая всей душой служить только красотѣ и хорошему, тѣмъ не менѣе своими выступленіями на иныхъ произвела обратное впечатлѣніе и зародила въ душѣ ихъ нехорошіе помыслы, то, то хорошее, красивое и священный восторгъ, который быть можетъ зажжегся въ душахъ немногихъ при видѣ женской красоты, вполнѣ искупаетъ мою вину.

Если кто хочетъ во всемъ видѣть только одну грязь и пошлость, тотъ даже и въ невинныхъ цвѣтахъ ее найдетъ и увидитъ.

Однако сколько слезъ и мученій стоила мнѣ эта побѣда красоты, знаютъ только моя старушка няня, да подушка.

Оглянувшись назадъ на свое прошлое за два послѣднихъ года, я могу сказать, что выбравшись изъ засасывающей тины, куда меня толкнуло замужество, я шла дальше по узкой тропинкѣ на

краю пропасти, рискуя на каждомъ шагу сорваться и погибнуть.

Теперь, пройдя эту опасную дорогу, я чувствую себя безконечно разбитой нравственно и физически и несмотря на заманчивыя предложенія Акаѳистова ѣхать куда-нибудь гастролировать, я рѣшила все лѣто отдохнуть и полечиться. Заработанныя мною деньги позволяютъ мнѣ поѣхать куда-либо на курортъ въ Крымъ и даже за границу. Но я столько видѣла людей зимой, столько людей смотрѣло на меня, что я хочу пожить тамъ, гдѣ было-бы побольше даровъ природы — цвѣтовъ, голубого неба, солнца и моря, а людей — царей природы поменьше. И я выбрала Геленджикъ, малоизвѣстный, маленькій курортикъ на Кавказскомъ побережьи.

Несмотря на всѣ уговоры моего импрессаріо Акаѳистова, (кстати сказать вполнѣ добросовѣстно выполнившаго свои обязательства), новый контрактъ на будущую зиму я не подписала и мы условились, что въ іюлѣ или августѣ онъ заѣдетъ въ Геленджикъ для окончательнаго рѣшенія.

Черезъ два дня я уѣзжаю къ морю и солнцу.

Іюнь.

Вотъ я у моря и подъ знойными лучами солнца. Третьяго дня я пріѣхала въ Геленджикъ. Защищенный отъ безжалостныхъ Нордъ-Остовъ высокими горами, утопая въ зелени магнолій, персиковъ и винограда, благоухая запахами безчисленныхъ розъ, весело смотритъ этотъ маленькій

городокъ на синюю лазурь бухты и черезъ ворота ея — Тонкій и Толстый мысы въ открытое море.

Я безъ труда отыскала и наняла комнату на сѣверной сторонѣ залива, считающейся лучшей, въ пансіонѣ, носящемъ сантиментальное названіе — «Гнѣздышко».

Доѣхала я изъ Москвы до Чернаго моря безъ особыхъ приключеній. Но ужъ здѣсь со мной случилось странное происшествіе, вѣрнѣе встрѣча.

Пріѣхавъ въ Новороссійскъ рано утромъ, я узнала, что пароходъ въ Геленджикъ уходитъ только въ четыре часа, но можно ѣхать туда-же и въ экипажѣ. Море было неспокойно поэтому я выбрала второй способъ. Однако посланный нанять экипажъ вернулся и сообщилъ, что ввиду свѣжей погоды большинство пассажировъ ѣдетъ сухимъ путемъ и экипажъ достать онъ не могъ, но какой-то господинъ, ѣдущій туда-же одинъ и почти безъ вещей предлагаетъ мнѣ мѣсто въ нанятой имъ коляскѣ. Послѣ колебаній первой минуты я согласилась при условіи участія въ расплатѣ на половинныхъ началахъ. Черезъ полчаса мой багажъ былъ сданъ на пароходъ, и я усаживалась въ звонко звенящій всѣми своими винтами и гайками просторный экипажъ съ бронзовымъ грекомъ на козлахъ.

— Левъ Алексѣевичъ Маренинъ, — представился господинъ, такъ любезно уступившій мнѣ полъ-экипажа, снявъ свою широкополую шляппу.

Дорога отъ Новороссійска до Геленджика великолѣпна. Узкая лента шоссе вьется по склону горы то поднимаясь зигзагомъ къ вершинѣ, то опускаясь къ самому морю. Съ одной стороны ленты возвышаются гранитныя громады, покрытыя хвоей и колючими зелеными кустами, съ другой — крутой зеленый-же обрывъ, спускающійся къ самому морю. Чѣмъ выше поднимается дорога, тѣмъ шире и шире открывается водный просторъ. Маленькія змѣйки то тамъ, то здѣсь грѣются на солнышкѣ на горячемь полотнѣ шоссе, живо убѣгая при приближеніи экипажа. Ключи прозрачной, холодной воды бьютъ прямо изъ отвѣсной стѣны выемки и привычныя лошади сами останавливаются у водопоя. Огдохнувъ часъ на полъпути въ Кабардинкѣ перекусивъ въ тѣни огромнаго вѣкового платана, любуясь горами и въ этотъ день бирюзовымъ моремъ, мы совсѣмъ незамѣтно проѣхали почти сорокъ верстъ.

Спутникъ мой, художникъ Маренинъ, оказался пріятнымъ собесѣдникомъ и мы всю дорогу не переставая говорили, любуясь видами. Съ первыхъ словъ, когда я заговорила съ Марениным, онъ началъ внимательно въ меня всматриваться и затѣмъ, извинившись, объяснилъ,что голосъ мой ему кажется удивительно знакомымъ, что онъ безусловно его слышалъ, но припомнить гдѣ и когда онъ рѣшительно не можетъ. Странно, что и мнѣ не только его голосъ, но и лицо показались знакомыми, но и я припомнить обстоятельствъ нашей встрѣчи

никакъ не могла. Разговаривая съ нимъ я все время не могла отрѣшиться отъ этой мысли и невольно о немъ думала, всматриваясь въ его черты. Пріѣхали мы въ Геленджикъ запыленные, загорѣлые, но такъ и не вспомнили, гдѣ мы встрѣчались.

Іюль.

Я въ восторгѣ отъ Геленджика! Это именно то, что искала. Масса зелени, цвѣтовъ, солнца и хотя много и людей, но люди совсѣмъ не такіе, какихъ я привыкла видѣть въ Москвѣ и Варшавѣ. Живутъ здѣсь на дачахъ съ башеньками, съ каскадами розъ, тѣнистыми садами изъ магнолій, олеандровъ и огромныхъ азалій, престарѣлые казаки изъ Новочеркасска или Екатеринодара и немного дачниковъ изъ Ростова. Этотъ уголокъ и прелестенъ тѣмъ, что будучи мало извѣстнымъ широкой публикѣ, онъ сохранилъ пока свой первобытный видъ и не обратился въ пошлый курортъ.

Я всѣмъ своимъ существомъ наслаждаюсь природой и тепломъ. Знакомыхъ у меня почти нѣтъ. Мой случайный спутникъ Маренинъ пріѣхалъ сюда съ той-же мыслью, какъ и я быть подальше отъ людей и безъ помѣхи работать надъ эскизами. Онъ нанялъ комнату съ большой стеклянной верандой недалеко отъ моего пансіона на очень хорошенькой виллѣ, заплетенной со всѣхъ сторонъ вьющимися желтыми розами, носящей довольно странное названіе „Отдыхъ лѣнтяя". Вѣроятно хозяинъ присвоилъ своей виллѣ столь рѣдкое прозвище не безъ задней мысли, ибо противъ нея расположилась

дача, значительно невзрачнѣе на видъ, имѣющая имя „Мечта труженика".

Іюль.

Мы видимся съ Марениными нѣсколько разъ въ день. Рано утромъ до жары, немного гуляемъ и покупаемъ на базарѣ фрукты, затѣмъ купаемся и пьемъ вкусный кефиръ въ купальнѣ мѣстной знаменитости Читай-Швили. Передъ вечеромъ, а иногда и вечеромъ, катаемся по заливу на лодкѣ или гуляемъ, наслаждаясь таинственностью южной ночи, оглашаемой пѣніемъ цикадъ и поблескивающей безчисленными свѣтлыми черточками летающихъ свѣтлячковъ.

Подъ жаркими лучами солнца моя кожа пріобрѣла почти кофейный цвѣтъ. Говорятъ, что здѣсь меня прозвали „Аидой".

Левъ Алексѣевичъ очень пріятный, начитанный собесѣдникъ, долго жившій въ Италіи и видѣвшій много людей и странъ. Онъ пересталъ говорить о томъ, что мой голосъ ему знакомъ, но я положительно не могу отрѣшиться отъ мысли, что гдѣ-то я его встрѣчала, но гдѣ именно — я вспомнить не могу, хотя часто ломаю надъ этимъ голову.

Іюль.

Вспомнила! Неожиданно вспомнила вчера. Почти всю ночь послѣ этого не спала, сегодня, сказавшись больной не вышла, а сейчасъ пишу эти строки, дрожа отъ волненія. Почему я волнуюсь — сама не понимаю.

Вчера мы ужинали въ маленькомъ ресторанчикѣ въ кургаузѣ. Волны прибоя глухо рокотали, разбиваясь о прибрежные камни. На эстрадѣ небольшой струнный оркестръ игралъ какую-то красивую мелодію. Мы сидѣли за столикомъ, убраннымъ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ. Душистое, мѣстное вино играло и искрилось въ бокалахъ... Неожиданно всталъ въ моей памяти другой столъ, также убранный цвѣтами, тихіе переливы музыки, шумъ маскарадной толпы въ сосѣднемъ залѣ, три моихъ полузнакомыхъ собесѣдника...

Маренинъ и былъ однимъ изъ этихъ трехъ!...

Онъ былъ свидѣтелемъ моего поступка и сцены съ мужемъ. Вотъ, гдѣ я его видѣла, а онъ только слышалъ мой голосъ!

Почему-же я такъ волнуюсь? Почему такъ боюсь, чтобы онъ не узналъ меня теперь? Почему мнѣ кажется, что если онъ меня узнаетъ — я потеряю что-то дорогое и хорошее? Если мнѣ такъ страшно, чтобы онъ не узналъ, что черное домино и я — одно лицо, какъ я должна бояться, чтобы онъ не узналъ дальнѣйшаго. Іюль.

Не понимаю почему я такъ испугалась? Ну, что-же узнаетъ меня Левъ Алексѣевичъ и Богъ съ нимъ!

Что для него я и что онъ для меня?—Чужіе, случайно встрѣтившіеся люди. Простое курортное знакомство, черезъ мѣсяцъ два, улетучивающееся изъ памяти.

А эскизы Маренина работаются очень медленно и вяло. Слишкомъ много мы гуляемъ и катаемся по

окрестностямъ. Я не скучаю, но онъ потомъ спасибо мнѣ не скажетъ, когда увидитъ ничтожные результаты лѣтней работы. Пора прогулки сократить! Эти постоянныя свиданья, эти прогулки и катанья, разъ я уже теперь начинаю по нимъ скучать, кромѣ горя ничего мнѣ не принесутъ. Довольно!

Августъ.

Неужели у женщинъ всегда такъ? — Умомъ мы говоримъ — нельзя, а сердцемъ — можно!

Мы по прежнему много гуляемъ и проводимъ цѣлые дни вмѣстѣ.

Августъ.

Пріѣхалъ Акаѳистовъ. Я знала, что онъ пріѣдетъ, но всячески старалась отогнать отъ себя эту мысль. Временами у меня шевелилась странная идея — бѣжать! Я не могла себя понять: отъ кого бѣжать? Отъ Акаѳистова и новаго контракта или отъ Маренина?

Данила Ананьевичъ, увидя мой загаръ, первоначально ужаснулся, но сейчасъ-же новая мысль промелькнула у него въ головѣ и онъ успокоился.

— Съ такимъ загаромъ, барынька, съ изображеніемъ богинь прійдется пообождать — сказалъ онъ, — но мы придумаемъ новенькія картинки, сообразно съ теперешнимъ цвѣтомъ вашей кожи: Клеопатра, Царица Савская передъ свиданьемъ съ Соломономъ, Саломея и еще, что-нибудь!

Много еще плановъ строилъ находчивый, словоохотливый импрессаріо, то вскакивая, то опять усаживаясь въ плетенное кресло. Я его почти не слу-

шала. Передъ моими глазами все время стояла, склонившаяся къ мольберту, голова съ шапкой каштановыхъ, вьющихся волосъ, прикрытыхъ широкополой шляпой...

Каковы были удивленіе и разочарованіе Акаѳистова, уже заранѣе предвкушавшаго успѣхъ своей идеи, когда я отказалась подписать приготовленный имъ контрактъ. Онъ ушелъ недовольный, уговоривъ меня еще подумать и не отказываться окончательно.

Сказавшись больной, я весь день не выходила, а затѣмъ ночью не сомкнула глазъ.

Августъ.

Корабли сожжены! Я опять подписала условіе и съ перваго ноября буду выступать въ Петербургѣ.

На другой день, когда мои нервы, послѣ цѣлаго дня волненій и безсонной ночи, были напряжены до предѣла, опять пришелъ Акаѳистовъ. Теперь я поняла, что онъ не терялъ времени и все разузналъ обо мнѣ и Маренинѣ. Но тогда, заговоривъ со мной, онъ поразилъ меня тѣмъ, что угадалъ мои мысли и говорилъ о вопросахъ, которые всю ночь терзали мою душу.

— Почти годъ назадъ, вы рѣшили служить красотѣ — говорилъ онъ. — Вы, конечно, не забыли, впрочемъ женщина этого никогда не забываетъ, какимъ колоссальнымъ успѣхомъ и восторгомъ сопровождались ваши выступленія. Въ изумленіи и благоговѣніи повергалась толпа къ ногамъ вашей гордой красоты. Какими живыми пѣснями говорили духовныя струны этихъ людей, когда они видѣли

передъ собой не холодный мраморъ и не полотно, а живую, безсмертную картину Всемогущаго Художника.

— Взгляните на Венеру Милосскую съ ея могучей, чистой красотой; на сіяющую прелестью нагую Венеру Тиціана во Флоренціи! Ни одна изъ этихъ женщинъ не жила въ настоящемъ, человѣческомъ смыслѣ слова, но эти образы несравненной красоты зачаты духомъ и воспроизведены одухотворенной рукой съ настоящихъ, живыхъ женщинъ и не прелесть Венеры стоитъ передъ нами во всей своей красотѣ, а прелесть этихъ женщинъ реальныхъ, съ которыхъ она ваяна.

— Дивная картина вашей божественной прелести возбудитъ въ душахъ видѣвшихъ ее стремленіе къ изящному, эта картина будетъ долго стоять передъ ихъ восхищенными глазами и не скоро изнанка жизни сотретъ ее изъ ихъ памяти.

— Сколько людей, глядя на васъ тамъ, поняли, что кто ищетъ познанія красоты, тотъ не боится наготы и не нуждается въ другой одеждѣ, кромѣ истины. Онъ идетъ съ непоколебимой вѣрностью къ этой цѣли и для него невозможны никакія паденія и осужденія.

— Вы, какъ носительница этой идеи, передъ своей совѣстью и людьми остались чисты, какъ кристалъ. Но берегитесь полюбить. Если вы полюбите кого-нибудь и онъ узнаетъ, что въ вашей жизни есть эта страничка; развѣ онъ пойметъ васъ? Развѣ согласится, что вами руководили только чистыя по-

бужденія служить прекрасному и вы не пошли дальше?

— Допустимъ, онъ примирится съ этимъ, но червь, червь сомнѣнія всегда будетъ копошиться въ его душѣ и отравлять жизнь. Другое дѣло, если эта страничка будетъ не прошлымъ а настоящимъ: тогда, когда любовь положатъ къ вашимъ ногамъ и будутъ клясться въ ней, вы можете сказать: «Я дѣлаю то-то и то-то. Понимаешь-ли ты меня и можешь-ли любить въ связи съ этимъ?» И вотъ тутъ-то и скажется настоящая любовь и вѣра въ любимую женщину. Вы сами тогда сможете убѣдиться насколько цѣнны были клятвы. Повѣрьте, что прошлое въ любимомъ человѣкѣ ужаснѣе настоящаго и съ настоящимъ легче примиряются, нежели съ прошлымъ. Настоящее происходитъ на глазахъ, а о прошломъ какой-то голосъ нѣтъ нѣтъ, да и шепнетъ: — «А что, если не все разсказано, если не все открыто?»

— Я знаю, что несмотря на то, что вы шли по опасной дорогѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ хищниками и соблазнами, вы не разу не оступились, ваша нога не коснулась грязи, а ваши бѣлоснѣжныя одежды не запятнаны ни чьимъ прикосновеніемъ. Я это знаю и понимаю. Но поймутъ-ли другіе, что можно и нагой оставаться чистой?...

Еще долго говорилъ Акаѳистовъ. Это былъ отвѣтъ на сомнѣнія, терзавшія мою душу и, дрожащей рукой, я подписала новый контрактъ.

Послѣ ухода Данилы Ананьевича я проспала, не

просыпаясь, болѣе семнадцати часовъ, не на шутку напугавъ хозяйку пансіона.

Первое лицо, которое я увидѣла, выйдя изъ комнаты, былъ Маренинъ въ саду, стерегущій мое пробужденіе.

Мнѣ стало безконечно жалко себя и я горько заплакала; какъ плачетъ ребенокъ, разбившій свою любимую игрушку.

Августъ.

Пережитое волненіе и душевныя терзанія, конечно, не могли не оказать своего вліянія на мое настроеніе.

Веселость и жизнерадостность, съ какими я наслаждалась жизнью на югѣ, теперь значительно поутихли. Мнѣ уже не кажется все такимъ яркимъ, радостнымъ и яснымъ, какъ казалось первую половину лѣта. Ощущенніе потери чего-то дорогого и невозвратнаго не покидаетъ меня ни на минуту.

Конечно, моя грусть не ускользнула отъ вниманія Льва Алексѣевича и его заботы меня развлечь и вернуть на мое лицо «выраженіе радости бытія» — по истинѣ трогательны.

Милый, дорогой Левъ Алексѣевичъ! Какъ мнѣ пріятны, какъ дороги эти заботы. Какъ хорошо, какъ ясно смотрятъ при этомъ на меня ваши добрые глаза. Какъ далеко уходитъ мое одиночество...

А я! Мнѣ кажется, если я приподниму вамъ хоть край завѣсы, покрывающей мою жизнь, вы убѣжите отъ меня съ отвращеніемъ...

Видя меня всегда скромно одѣтую, никогда не позволяющую себѣ никакого кокетства или вольности, конечно, у него и не можетъ зародиться мысль о моей дѣятельности и какъ часто мнѣ кажется, что я краду у него что-то, обманомъ занимаю высокое мѣсто въ его глазахъ и мнѣ хочется разсказать ему все... Но... Да проститъ онъ мнѣ этотъ обманъ—мнѣ такъ хочется «подышать воздухомъ»...

Сентябрь.

Вотъ лѣто и подошло къ концу. Какъ скоро прошли красные дни. Виноградъ давно созрѣлъ и цѣлыя горы его продаются на улицахъ. Чаще и чаще сталъ задувать, уже слегка свѣжій Нордъ-Остъ. Хотя розовые кусты еще полны цвѣтовъ, но листья и лепестки нѣжныхъ красавицъ уже не такъ пахучи и ярки, какъ раньше.

Геленджикъ сталъ пустѣть. Среди желтѣющихъ садовъ больше и больше стало видно заколоченныхъ оконъ и дверей; уѣхавъ учиться, совершенно исчезли веселыя стаи молодежи. Пора и мнѣ — сначала навѣстить своихъ старичковъ, а потомъ въ Петербургъ опять на шаткій пьедесталъ...

Сентябрь.

Опять я дома со своими. Вижу радость и восторгъ папы и мамы, трогаюсь ихъ заботами. Мнѣ самой хочется быть веселой, но грусть и сожалѣніе, съ которыми я уѣхала съ Кавказа, не покидаютъ меня и здѣсь.

Левъ Алексѣевичъ еще на мѣсяцъ остался тамъ писать осенніе пейзажи: желтѣющіе сады и волнующееся море.

Онъ провожалъ меня до Новороссійска. Опять мы ѣхали по той-же дорогѣ, но уже совсѣмъ не такой прекрасной она мнѣ показалась, какъ въ первый разъ. Не сіяла уже ярко зелень платановъ, не переливало цвѣтами радуги море, не журчали таинственно ключи, разсказывая пьющимъ лошадямъ, что они видѣли подъ землею. Да и сами лошами, казалось, не такъ охотно бѣжали впередъ. Тотъ-же возница не разсказывалъ больше о достопримѣчательностяхъ каждаго камня. Мы сами почти всю дорогу молчали, изрѣдка перебрасываясь незначительными фразами.

Еще грустнѣе стало, когда прозвонилъ звонокъ, поѣздъ плавно двинулся, въ послѣдній разъ мелькнула въ окнѣ сѣрая шляпа и я осталась одна въ купэ..

Въ купэ, кромѣ меня еще одинъ пассажиръ въ клѣтчатомъ костюмѣ, типа негоціанта. Сердце сжималось, хотѣлось плакать. Когда стемнѣло — уткнулась лицомъ въ подушку и заплакала.

Передъ закрытыми глазами стояла южная ночь. Мы стоимъ съ нимъ въ саду. Какая тишина, какой ароматъ. Весь воздухъ, всѣ кусты, трава полны свѣтлячками. Мы молчимъ, нѣтъ словъ.. Море шумитъ, шумитъ...

Я очнулась: не шумитъ больше море—оно осталось тамъ, за горами, а только равномѣрно постуки-

ваютъ на стыкахъ, колеса желтаго ящика, выстукивая имъ однимъ понятную однообразную фразу...

Октябрь.

Мѣстные злые языки, видимо слегка позабыли о моемъ существованіи и провинціальные мужи со мной разговариваютъ уже не съ такой опаской, какъ въ послѣдій мой пріѣздъ. Я полна еще впечатлѣній лѣта и сама избѣгаю возобновленія всякихъ знакомствъ. Море еще шумитъ въ моихъ ушахъ, южная ночь ласково осѣняетъ меня своимъ покровомъ, далекія агавы еще что-то мнѣ шепчутъ и я не хочу топить ихъ въ провинціальной тинѣ.

Мнѣ кажется, что если я начну разговаривать съ разными Петрами Петровичами и Иванами Ивановичами, они заслонятъ отъ меня сіяніе глазъ и добрую улыбку того...

Я боюсь сама себѣ признаться: неужели же это любовь? Нѣтъ, не дай Богъ! Это было-бы только страданіе или опять ошибка.

Журчалинъ называлъ любовь мачехой, она и мнѣ мачеха. «Какъ вихрь налетаетъ она на садъ, гдѣ она одни деревья только колышетъ, другіе гнетъ до земли а третьи вырываетъ съ корнемъ и они гибнутъ»... Меня моя первая любовь вырвала съ корнемъ и погубила. Мнѣ нѣтъ возврата въ цвѣтущій садъ, мнѣ нѣтъ мѣста въ душѣ любимаго! Я вырвана съ корнемъ и меня не отогрѣетъ южное солнце, не освѣжитъ яркая зелень, не омоетъ мое тѣло соленое, голубое море. Мнѣ одинъ путь опять туда, — на подмостки служить красотѣ и, властно приковывая къ

себѣ взоры людей, стараться заставить ихъ въ наготѣ видѣть красоту, а не пошлость...

Октябрь.

Я въ Петербургѣ. Наняла небольшую квартиру на Ивановской и готовлюсь къ выступленіямъ. Акаѳистовъ неутомимо, съ удивительной энергіей, обо всемъ хлопочетъ. Его фантазія по изобрѣтенію красивыхъ позъ и картинъ безконечна. Тайна по прежнему является главнѣйшимъ факторомъ моихъ гастролей.

Ноябрь.

Уже нѣсколько дней я выступаю передъ Петербургской публикой, изображая знаменитыхъ женщинъ Востока. Успѣхъ опять огромный. Но мои ощущенія все тѣже, какъ и при моемъ первомъ дебютѣ. Мнѣ кажется, что каждый разъ я иду на эшафотъ къ позорному столбу.

Единственная моя радость — цвѣты, наполняющіе мою комнату и письма Льва Алексѣевича. И тѣ и другіе говорятъ мнѣ о солнцѣ, о теплѣ, о югѣ. Въ письмахъ Льва Алексѣевича опять шумитъ море, опять летаютъ свѣтлячки, опять я стою рядомъ съ нимъ.

А здѣсь — опять и опять я стою раздѣтая на фонѣ декорацій и мое тѣло пронизываютъ тысячи жадныхъ глазъ. Что мнѣ за дѣло, что глаза ихъ при видѣ моей наготы загораются восторгомъ, что мнѣ до того, что они уносятъ живую картину въ своей душѣ и ихъ душа звенитъ струнами? Моя душа болитъ, моя душа стремится къ одному...

Кромѣ переживаемыхъ каждый день страданій на сценѣ, мнѣ было суждено судьбой пережить еще одинъ очень тяжелый день дома.

Нѣсколько дней тому назадъ, когда я спокойно играла на роялѣ, въ комнату вбѣжала встревоженная нянька:

— Баринъ пріѣхалъ!

Въ первую минуту я поняла, что баринъ это отецъ и бросилась въ переднюю.

Предо мною стоялъ Юрій.

Плотно прикрывъ за собою дверь, онъ началъ говорить. Упреки и грубыя слова посыпались на меня градомъ. Я задыхалась отъ оскорбленія. Волненіе мѣшало мнѣ понимать. Порой мнѣ казалось, что я вижу передъ собою какое-то дикое животное, а не своего, когда-то любимаго, мужа.

— Что вамъ отъ меня нужно? Зачѣмъ вы пришли? — Едва нашла я силы спросить.

— Я хочу, я требую, чтобы этотъ позоръ, эти выступленія прекратились... Какъ посмѣла ты, носящая мое имя, трепать его въ кафе-шантанѣ?...—Кричалъ онъ въ изступленіи. — Гдѣ стыдъ, гдѣ скромность женщины? Давно-ли ты строила изъ себя какую-то недотрогу... А я, глупецъ, вѣрилъ твоей чистотѣ и прекланялся передъ нею. Теперь я знаю настоящую цѣну твоей нравственности. Ты и тогда уже была развратницей и... только прикидывалась добродѣтельной! Ты продалась мнѣ оптомъ, а теперь продаешься по частямъ и для своей позорной про-

дажи сдѣлала вывѣской свое-же собственное тѣло... Я такъ вѣрилъ тебѣ, такъ мечталъ, что изъ тебя выйдетъ преданный другъ и нѣжная жена. Я такъ лелѣялъ мечту о семьѣ... Не прошло года послѣ нашей свадьбы, какъ ты разбила мои лучшіе идеалы, опозорила меня въ глазахъ всѣхъ, а теперь безъ стыда, нагло выставляешь на показъ свое тѣло!...

Мнѣ казалось, что я сплю и мнѣ снится страшный сонъ.

— «Юрій мечталъ о семейномъ уютѣ и я разбила его мечты!» Нечего сказать! — Недурно!

Какъ пощечина опять хлестнуло меня самое позорное слово для женщины... И кто-же посмѣлъ такъ назвать меня! Не тотъ-ли человѣкъ, которому я отдала свое лучшее чувство? Не тотъ-ли, за кѣмъ я такъ довѣрчиво шла? Не тотъ-ли съ кѣмъ я съ такой радостью и чистымъ сіяніемъ въ душѣ стояла подъ вѣнцомъ?...

Я не могла дальше сдерживаться. Злость и ненависть наполнили мою душу и я, почти задыхаясь, заговорила. То, что копилось въ моей душѣ по каплѣ, что таилось въ глубинѣ ея и уже готово было заглохнуть, всплыло къ верху чернымъ, грязнымъ комомъ. Въ этотъ мигъ я поняла, какъ глубоко я оскорблена, какъ безжалостно растоптана и исковеркана моя первая любовь. И онъ теперь меня-же смѣетъ обвинять въ обманѣ и неоправданіи его надеждъ!...

— Я? Я разбила ваши мечты и идеалы? Какіе? Не тѣ ли, что вы изложили въ письмѣ къ вашему

другу Модесту? Да, вѣрно! — Я разбила ваши планы, я не сдѣлалась развратницей и не стала орудіемъ разврата и источникомъ мерзкихъ наслажденій въ вашихъ рукахъ! А сейчасъ вы меня-же посмѣли назвать этимъ именемъ и падшей! Вы смѣете это говорить! Вы, который... Да, знаете-ли вы, что въ первую минуту, испугавшись вашего прихода, теперь я безконечно рада и торжествую, что вы посмѣли ко мнѣ явиться и я смогу бросить вамъ въ лицо весь тотъ комъ грязи, который накопился въ моей душѣ за время жизни съ вами! Я едва не захлебнулась въ немъ, но теперь,—нѣтъ, довольно!.. Не разъ я принималась вамъ писать, но даже бумагѣ мнѣ было стыдно довѣрить все! Было стыдно мнѣ — стоящей голой передъ толпой...

— И вы посмѣли назвать меня развратницей? Да, если я и обратилась въ таковую, то кто-же, какъ не вы—«любящій мужъ» въ этомъ виноваты? Вы, только одинъ вы! Вы съ виду такой джентельменъ и идеалистъ, вы сами развращали свою собственную жену! Вспомните время, когда я, наивная провинціальная барышня, выходила за васъ замужъ. Развѣ я имѣла понятіе о сотой долѣ того, чему вы такъ педантично съ перваго-же дня стали учить меня — свою «любимую жену». Пусть передъ вашими глазами встанетъ годъ нашей жизни послѣ свадьбы...

— Будучи еще дѣвушкой, вашей невѣстой, я знала, что между мужемъ и женой есть какія-то интимныя отношенія, но мнѣ казалось, что эти отношенія и есть дополненіе чувства и та великая поэ-

зія, которая роднитъ и души и тѣла и связываетъ людей на вѣки неразрывными узами... Выходя за васъ, всегда такого возвышеннаго, поэтичнаго, говорившаго о женщинахъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, я не знала, что будетъ дальше, ничего себѣ не представляла, но была увѣрена, что одинъ вы и можете дать мнѣ эту поэзію, о которой женщина всю жизнь помнитъ и никогда не забываетъ человѣка, которому она отдала свою первую любовь! А ты, вмѣсто этого, что-же сдѣлалъ? Ты первый разъ взялъ меня въ грязномъ купэ вагона, на захватанномъ, заплеванномъ диванѣ, когда рядомъ шумѣла какая-то пьяная компанія! У меня до этихъ поръ въ ушахъ стоитъ пошлый, грязный смѣхъ послышавшійся рядомъ, когда я въ твоихъ объятіяхъ вскрикнула. А ты не видалъ пошлости обстановки, не слышалъ этого гадкаго смѣха, не замѣчалъ моихъ слезъ, ни даже меня самой — ты видѣлъ только мое тѣло...

Въ волненіи я не замѣтила, какъ стала говорить — ты..

— А вспомни, что ты хотѣлъ продѣлать со мной въ театрѣ, въ Парижѣ, когда я, упоенная музыкой, съ умиленнымъ сердцемъ, не отрываясь глядѣла на сцену. Какъ горько я плакала потомъ до конца спектакля и послѣ всю ночь... А что было потомъ, когда мы вернулись изъ свадебнаго путешествія? Ты видѣлъ во мнѣ только женщину, только свѣжее тѣло! Ты заставлялъ меня принадлежать тебѣ, гдѣ только тебѣ вздумается: на диванѣ, на коврѣ, на сундукѣ

въ передней, не считаясь ни съ временемъ, ни съ прислугой, ни съ моимъ желаніемъ и стыдливостью. Ты не давалъ мнѣ спокойно взять ванну, чтобы не вломиться туда-же и не устроить, на потѣху горничной, тамъ оргію...

— Когда и это перестало тебя удовлетворять ты «мечтавшій о семейномъ уютѣ», спальню любимой, уважаемой жены обратилъ въ пошлый кабинетъ для разврата, разставивъ и развѣсивъ, гдѣ только можно было, зеркала. Вамъ хотѣлось собственными глазами видѣть всѣ неестественныя гадости, которыя вы заставляли меня продѣлывать! Это-ли не развратъ?

— Выходя замужъ, я не имѣла понятія о томъ, какъ проявляется страсть у людей и, конечно, была до крайности наивна. Вы, замѣтивъ это, рѣшили меня просвѣтить. Развѣ хорошей, чистой супружеской жизни учили вы меня, заставляя разсматривать открытки съ изображеніемъ разныхъ неестественныхъ мерзостей и затѣмъ ко мнѣ примѣняя видѣнное?

— Вспомните, когда я болѣла, какъ обыкновенно болѣютъ женщины, что вы отъ меня требовали? У меня языкъ не поворачивается вамъ, мечтавшему «о семейномъ уютѣ», напомнить...

— Вы, покупавшій до меня десятки женщинъ въ розницу, купивъ меня всю, рѣшили со мной одной продѣлать все то, что вы продѣлывали съ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. И даже больше— вы пробовали заставлять меня продѣлывать такія

вещи, на какія далеко не всякая продажная женщина согласится! Не вы-ли гордились своими познаніями и пониманіемъ парижскаго жанра?

— Знаешь-ли ты, что за годъ жизни съ тобой я пережила и узнала то, чего другая женщина за всю свою жизнь не узнаетъ. А когда я, не смотря ни на что, любившая тебя, почувствовала, что буду матерью и такъ родовалась этому, ты заставилъ меня уничтожить ребенка въ самомъ зародышѣ, дабы не прекратились твои наслажденія и оргіи. Молчи! Не перебивай меня! Подумалъ-ли ты хоть разъ о моихъ душевныхъ запросахъ? О томъ, хочу-ли я того, чему ты меня училъ? — Не спорю, на моемъ мѣстѣ, можетъ быть другая женщина и была-бы счастлива — вѣдь ты былъ «идеальнымъ» мужемъ. Ты ни за кѣмъ не ухаживалъ, нигдѣ не пропадалъ по вечерамъ, не стѣснялъ меня въ расходахъ и исправно платилъ мнѣ шляпками, нарядами и драгоцѣнностями за мое тѣло... Уходя отъ тебя я швырнула ихъ тебѣ, помня, что это было не баловство и не вниманіе къ любимой женѣ, а только «плата»!..

— Мнѣ была нужна другая жизнь. Я совсѣмъ иначе себѣ представляла супружество. А вѣдь вы знали, какъ я мучилась, какъ горько плакала, лежа рядомъ съ вами съ истерзанной душой и измученнымъ тѣломъ, когда вы, утомленный чувственностью, безмятежно засыпали до новыхъ объятій...

— Раньше я очень любила тебя, но ты въ короткое время съумѣлъ заставить меня возненавидѣть тебя и вселить непреодолимое отвращеніе не только

къ тебѣ, но ко всякому мужчинѣ и къ плотскимъ отношеніямъ... Когда-же я, задыхающаяся, тонущая въ той грязи, которой ты меня окружилъ, пыталась узнать отъ тебя, всѣ-ли мужчины такъ относятся къ женщинамъ и именно такъ, какъ ты любятъ женъ, ты смѣялся и увѣрялъ, что ты еще лучшій изъ всѣхъ, что ты еще идеально смотришь на женщинъ.... познакомилъ меня съ мадамъ Марли. Вспомни, съ какой цѣлью! Постороннихъ-же я никого спросить не могла — у меня не было друзей, да и что могли мнѣ сказать твои пріятели, разсказывающіе постоянно скабрезные анекдоты и которымъ ты самъ показывалъ самыя интимныя части моего бѣлья.

— Если-бы вы знали, презрѣнный человѣкъ, какъ я билась какъ я барахталась въ этой тинѣ, силясь найти человѣка, которому я могла-бы повѣрить....

— Я была глупа и вѣрила, что вы по своему любите меня и терпѣла. Но вотъ ваше письмо къ пріятелю въ Иркутскъ, окончательно открыло мнѣ глаза на вашъ нравственный обликъ и толкнуло меня поѣхать тогда въ маскарадъ. Случай помогъ мнѣ. Какъ я благодарна судьбѣ, что все именно такъ устроилось и я вырвалась изъ вашихъ «любящихъ» объятій! Теперь, я хотя и выступаю, обнаженная на эстрадѣ, но я вдесятеро чище той, какою была замужемъ за вами, когда мое тѣло было захватано вашими нечистыми руками...

— Съ тѣхъ поръ, какъ я разсталась съ вами, моего тѣла не касалась и не коснется ничья рука!...

— Вы не только убили во мнѣ женщину, но убили мои лучшія мечты! Невѣстой я такъ мечтала быть вашимъ другомъ и помощницей. Мечтала сдѣлать вашу жизнь свѣтлой и уютной. Мечтала дожидаться васъ въ ваше отсутствіе и встрѣчать съ радостной улыбкой при возвращеніи вашемъ домой... Эта наивная мечта была соткана изъ моей свѣтлой любви къ вамъ. Эта мечта была самой тонкой и прекрасной частью моего существованія и вы, погубившій во мнѣ эту мечту, вмѣстѣ съ тѣмъ погубили самое лучшее и прекрасное во мнѣ самой...

— Не говорите больше ни слова! Уйдите прочь! Не напоминайте мнѣ о себѣ! Не смѣйте говорить, что я разбила вашу жизнь и мечты... — Какъ раньше я васъ любила, такъ теперь ненавижу... Мнѣ могла быть понятна дикая, необузданная страсть, но холодный, обдуманный развратъ — это уже только одна грязь... Уходите!... Я васъ ненавижу... Уходите прочь или я крикну прислугу!...—

— Помни! Ты все еще моя! Ты еще носишь мою фамилію развода нѣтъ и я заставлю тебя оставить твое ремесло и не только вернуться ко мнѣ, но и быть моею... — шепталъ онъ, глядя на меня, такимъ знакомымъ мнѣ, взглядомъ звѣря. — Я прекращу разводъ! Я заставлю тебя быть опять моею! Ты ненавидишь меня — это будетъ наслажденье... Ты не проснулась въ любви,—твоя страсть проснется въ

ненависти! Я хочу тебя! Я еще мужъ тебѣ и возму тебя силой...

Мнѣ стало страшно. Его слова казались мнѣ дикими, безумными, но возможными... Мнѣ казалось, что онъ вотъ, вотъ двинется ко мнѣ, сорветъ съ меня, какъ когда-то, платье и у меня отъ ужаса не хватитъ силъ сопротивляться. Не помня себя отъ испуга, я выбѣжала и стала звать няню... Эта ужасная сцена до сихъ поръ стоитъ передо мною, я пишу и дрожу отъ волненія. Что можетъ быть отвратительнѣе человѣка съ исказившимся отъ страсти лицомъ...

— Гдѣ вы? Гдѣ вы, спокойные и ласковые глаза, такъ нѣжно глядѣвшіе на меня тамъ далеко? Вспоминаете-ли вы еще меня? Рокочетъ-ли еще въ вашихъ ушахъ море, какъ оно еще шумитъ для меня. Милые...

Глядѣли-бы вы на меня также нѣжно и довѣрчиво, если-бы знали, кто я? Если-бы вы узнали все, не назвали-бы меня такъ, какъ назвалъ меня вчера тотъ, кого я любила?.. Нѣтъ. Я чувствую, не сказавъ мнѣ ни одного грубаго слова вы ушли-бы отъ меня навсегда, наполнившись крупными, горькими слезами... Вы довѣрчивые — перестали-бы вѣрить женщинамъ, перестали-бы вѣрить ихъ чистотѣ. Развѣ вы можете подумать, что я... Мнѣ легче будетъ, если вы сдѣлаете мнѣ больно, если наговорите грубыхъ словъ, но будете вѣрить и не разлюбите..

Собираясь вчера въ театръ, я чувствовала, что Юрій будетъ тамъ и волновалась. Минутами мнѣ

хотѣлось сказаться больной и не выходить изъ дому.

— Если я не появлюсь сегодня на сценѣ — онъ рѣшитъ, что я испугалась. — Я поѣхала.

Стоя на сценѣ въ картинѣ, къ обычному волненію отъ стыда примѣшивалась боязнь, что вотъ-вотъ я услышу его дикій крикъ. Я не рѣшалась поднять глазъ, боясь среди толпы увидѣть его лицо.

— Чего я боюсь? Мнѣ страшно не за себя — я уже себя взяла въ руки и со мной совладать трудно. Приходится сознаваться, мнѣ страшно исключительно скандала, что-бы моя тайна не открылась, имя не попало въ газеты и не дошло до того, кто мнѣ еще вѣритъ.

Пусть я останусь для него чистой, таинственной сказкой южной ночи и моря...

Все прошло спокойно.

Все-же, боясь угрозъ мужа, я послала телеграмму Журчалину и получила сегодня отвѣтъ, что Аллы Сергѣевны Гротовой уже больше нѣтъ, а есть опять Пряслова.

Декабрь.

Итакъ съ замужествомъ покончено. Эта ужасная страница прочтена, перечитана и уже вырвана изъ книги моей жизни и вплести ее обратно никакая сила меня не заставитъ. Эта страница не только изранила мою душу, истерзала тѣло, открыла мнѣ глаза на изнанку жизни и на людскія отношенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ толкнула меня на мой дальнѣйшій скользкій путь. Мнѣ ясно:

этотъ путь, — мое теперешнее положеніе для меня смертельно опасны и я легко могу подскользнуться и упасть. Я сознаю, что стоя тамъ нагая передъ толпой, я рискую своей душой и всемъ святымъ на свѣтѣ... Тамъ, въ театрѣ, сотни людей также, какъ и мой мужъ смотрятъ на меня, какъ на свою добычу, но гдѣ меньше риска погибнуть, гдѣ меньше шансовъ сорваться и утонуть? Теперь ли на подмосткахъ шантана или тогда въ пошлой спальнѣ моего мужа?

Январь.

Я до сихъ поръ помню звонокъ, возвѣстившій приходъ Гротова и при всякомъ рѣзкомъ звонкѣ въ передней я пугаюсь и дрожу...

Сегодня опять необычно зазвонилъ звонокъ — передо мною стоялъ Маренинъ.

Сейчасъ ночь. Онъ ушелъ давно, еще днемъ. Я уже побывала въ театрѣ и выстояла свои картины. А все еще я вижу передъ собой его глаза, его каштановую голову, склонившуюся къ моей рукѣ, чувствую прикосновеніе его губъ къ моей кожѣ.

Какъ я съумѣла справиться съ собой, какъ попросила сѣсть, какъ больше часу равнодушно говорила о нашей встрѣчѣ на югѣ, я сама не могу понять. Какое чувство волновало меня — радость, неожиданность или испугъ — разобрать невозможно.

— Не ожидали? Узнаете? Еще не забыли? — Просто спросилъ онъ, не выпуская моей руки.

Отъ его глазъ шло какое-то радостное сіяніе. Изъ руки передавалось мнѣ тепло и уютъ.

— Да . . . Нѣтъ . . . Я рада . . . Садитесь, пожалуйста . . . — Только и могла я промолвить.

Онъ началъ говорить. Онъ говорилъ о югѣ, о морѣ, о солнцѣ . . . Вспоминалъ наши встрѣчи, прогулки, катанья. Говорилъ о своихъ работахъ, — о томъ, что осенніе этюды почему-то ему не удались . . . Онъ о чемъ - то спрашивалъ меня — я не помню, что я отвѣчала. Я сидѣла и боялась... Я боялась не словъ его, боялась не вопросовъ . . . Мнѣ казалось, что вотъ, вотъ онъ прочтетъ въ моихъ глазахъ, вотъ - вотъ догадается о томъ, что ждетъ меня вечеромъ . . . И затѣмъ вся его радость потухнетъ, свѣтъ воспоминаній погаснетъ... Мнѣ было страшно, по дѣтски страшно этого. Мнѣ такъ хотѣлось еще разъ все вспомнить, такъ хотѣлось его слушать . . . Пусть завтра онъ узнаетъ все, а сегодня еще нѣтъ . . .

Нѣтъ! Пусть еще завтра день будетъ мой, а потомъ . . .

Февраль.

Маренинъ приходитъ часто. Я съ нетерпѣніемъ жду его и вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь. Я боюсь одного слова. Меня страшитъ одинъ вопросъ. Я знаю, что послѣ этого слова, послѣ этого вопроса перевернется и вырвется изъ книги еще одна страничка. Я цѣпляюсь за нее, переварачиваю, перечитываю ее много разъ. Эта страничка — встрѣча съ нимъ. На ней написано такъ много свѣтлаго и хо-

рошаго и пока онъ здѣсь книга открыта на этой красивой страницѣ и она у меня всегда передъ глазами.

Ожидая Маренина, я неизмѣнно рѣшаюсь ему сказать все. Если онъ не повѣритъ — я готова уговорить его воочію убѣдиться и тѣмъ самымъ быстро излечиться. Когда - же онъ приходитъ, я увижу его глаза, почувствую теплоту его руки — моя рѣшимость пропадаетъ и опять: — пусть лучше завтра, а сегодня день мой . . .

Раньше, стоя т а м ъ — на подмосткахъ, я закрывала глаза и никогда не смотрѣла въ толпу. Я только чувствовала каждой точкой своего тѣла взгляды всѣхъ. Теперь я жадно всматриваюсь въ полутемный залъ, боясь увидѣть направленные на меня добрые, сѣрые глаза.

Я знаю, что не видя моего лица, не слыша моего голоса, въ Венерѣ, Клеопатрѣ, Фринѣ, въ модели въ мастерской художника, онъ не можетъ узнать меня, но все - же мнѣ страшно, я дрожу и жадно всматриваюсь въ море лицъ . . .

Февраль

Живя у моря, я часто любовалась одной парусной яхтой. Мнѣ нравилось смотрѣть, когда эта изящная красавица, распустивъ свои бѣлоснѣжные паруса, какъ бѣлый лебедь, плавно скользила по голубой водѣ залива. Левъ Алексѣевичъ тогда сфотографировалъ судно, а сегодня принесъ мнѣ написанную съ него картину. Красавица „Свѣтлана"

плыветъ по зеленой водѣ, какъ живая. Бѣлые барашки гладятъ ея бока. Поднявъ паруса на стройную мачту, легко разсѣкая грудью воду, смѣло плыветъ она въ открытое море, сама не зная, что ждетъ ее тамъ: попутный-ли, свѣжій, ласкающій вѣтеръ; встрѣчный-ли злой и холодный или ужасный шквалъ? Не знаетъ „Свѣтлана"— поможетъ-ли ей вѣтеръ и она полетитъ на всѣхъ парусахъ къ своей цѣли, прійдется-ли ей, кренясь бортами, лавировать и обманывать непогоду или ее настигнетъ грозный шквалъ, оборветъ ея бѣлую одежду, сломаетъ мачту, сорветъ руль и понесетъ несчастную, израненную красавицу на острые камни. Счастье, если ее встрѣтитъ доброе, крѣпкое судно и протянетъ ей руку помощи...

Не такъ-ли и мы, молодыя дѣвушки, въ бѣломъ праздничномъ уборѣ и съ цвѣтами — эмблемой невинности, пускаемся въ открытое море жизни... Однѣхъ тамъ ждетъ пріятная прогулка съ попутнымъ, нѣжнымъ вѣтромъ, другихъ — борьба и лавировка противъ теченія, третьихъ, какъ и меня—ураганъ, непогода и скитаніе по бурному морю жизни безъ руля и безъ вѣтрилъ...

Мои бѣлоснѣжные паруса — мечты и надежды — порваны, опора ихъ — вѣра сломана, а я сама обнаженная, избитая нравственно и тѣлесно, несусь по волнамъ. Уже блеснуло солнце, показался на горизонтѣ просвѣтъ... Встрѣчный путникъ готовъ протянуть мнѣ руку, но я боюсь, что, разсмотрѣвъ ближе меня, узнавъ мою жизнь, онъ съ отвра-

щеніемъ отниметъ протянутую руку, не проститъ обмана и уйдетъ своей дорогой.

Нѣжная, стройная красавица «Свѣтлана»! У берега, на якорѣ ты крѣпкое, большое судно а на волнахъ моря ты не больше какъ утлая скорлупа и игрушка вѣтра, какъ и я — большая женщина, на волнахъ жизни...

Февраль.

Кстати о картинахъ. Маренинъ выставилъ свое большое полотно у передвижниковъ. Называется картина «Солнцедаръ».

На пологомъ песчаномъ берегу моря, на складномъ стулѣ сидитъ молодая мать. Почти къ ея ногамъ подкатывается едва колеблющаяся полоса голубой воды. Двое загорѣлыхъ дѣтишекъ, по колѣни въ водѣ, копаются въ мокромъ пескѣ. Пухлая дѣвочка нашла ракушку и, что-то радостно крича, показываетъ ее издали матери. Лицо матери, любующейся своими крошками, сіяетъ счастіемъ, какъ и яркое солнце...

Освѣщеніе схвачено удивительно удачно. Въ каждомъ мазкѣ, въ каждомъ штрихѣ чувствуется, что и этотъ песокъ и голубая вода, и бронзовые дѣти и счастье въ глазахъ матери — истинный даръ солнца. Мать одѣта просто и изящно, какъ и сама природа. Во всей фигурѣ и лицѣ женщины есть что-то земное, свѣжее, но не людское. Кажется, что ея дѣти не плодъ человѣческой любви, а солнышко согрѣло, освѣтило ее своими лучами и она, подобно

природѣ, дарящей зелень и цвѣты, подарила міру эту пару бѣлокурыхъ, голубоглазыхъ крошекъ...

Я чувствовала это, сидя передъ картиной и подѣлилась своими впечатлѣніями съ Маренинымъ. Онъ удивился.

— Вы дали моей картинѣ новое толкованіе. Вы почувствовали въ ней то, чего я самъ въ ней раньше не видѣлъ, но теперь ясно чувствую. Я назвалъ ее такъ совсѣмъ по иной причинѣ. Когда я задумалъ сюжетъ и еще при васъ началъ писать пейзажъ, я хотѣлъ ей дать какое-либо шаблонное, стереотипное названіе: «у моря», «мать», «на пляжѣ», или что-либо въ этомъ родѣ. Помните, какъ часто во время работы вы сидѣли рядомъ и молчали. Я чувствовалъ ваше присутствіе и по мѣрѣ успѣха работы у меня мѣнялось отношеніе къ своей картинѣ. Я видѣлъ ея удачу, мнѣ казалось, что этотъ холстъ перестаетъ быть холстомъ и превращается въ кусокъ живой природы.

— Я писалъ на берегахъ Адріатики, на Лидо въ Венеціи, въ садахъ Рима. Писалъ подъ яркимъ солнцемъ Италіи, но у меня раньше никогда не было такого удачнаго холста. Мнѣ самому казалось, что эта картина является даромъ солнца мнѣ.. Поэтому я назвалъ ее такъ...

Можетъ быть я ошибалась, но я по своему поняла его мысль и испугалась. Мнѣ стало страшно, что онъ заговоритъ дальше обо мнѣ, я испугалась, что онъ спроситъ меня и мнѣ прійдется ему отвѣчать. Я

знала, что я обманываю его, что я краду его уваженіе и довѣріе.

Простите милый, дорогой Левъ Алексѣевичъ! Простите мнѣ, что еще нѣсколько дней я обману васъ. Мнѣ такъ хочется дольше подышать воздухомъ, такъ хочется вспомнить море и югъ! Я такъ одинока, а наша неожиданная встрѣча и ваша дружба для меня — истинный даръ солнца....

Мартъ.

Каждый день я хочу ему разсказать. Каждый день, когда онъ уйдетъ я мучаюсь и рѣшаю на другой день обязательно начать разговоръ о себѣ и открыть ему все.

Теперь къ неизмѣннымъ стыду и волненію во время выступленій на сценѣ примѣшивается еще чувство обмана и я страдаю еще больше.

Вернувшись изъ театра, записывая эти строки, затѣмъ ложась въ постель, я даю себѣ слово заставить себя объясниться съ Маренинымъ. Утромъ становится опять жалко себя, я слабѣю и сдаюсь: «еще одинъ денечекъ, только одинъ день» — проситъ что-то внутри и я опять молчу, боясь, чтобы онъ самъ не заговорилъ...

Мартъ.

Я чувствую, — скоро, скоро должно все рушиться. Вотъ, вотъ онъ заговоритъ... Я женщина и не могу не чувствовать его любви ко мнѣ...

Боясь его признанія, я избѣгаю оставаться съ нимъ наединѣ. Я вожу его по музеямъ, по выставкамъ, картиннымъ галлереямъ. Когда уже некуда

идти, мы ходимъ по магазинамъ, гдѣ я накупаю всякій ненужный хламъ, только-бы быть съ нимъ на людяхъ и отдалить этотъ сладкій и ужасный моментъ.

Бродя со мной по городу, онъ говорилъ о разныхъ вещахъ: о картинахъ, о тряпкахъ, но въ каждомъ словѣ, въ каждомъ его взглядѣ, въ каждомъ прикосновеніи руки я чувствую его любовь... Иногда прощаясь съ нимъ, боясь разрыдаться, я захожу въ первую изъ церквей и прошу Бога научить меня...

— Боже! Милостивый Боже! Научи меня! Я только женщина... Я только человѣкъ, я вообразила себя богиней, я хотѣла, чтобы видѣвшіе красоту моего тѣла, забывали все на свѣтѣ, забывали добро и зло... Я хотѣла заставить людей, стремясь къ красотѣ, не бояться ни неба, ни ада. Я забыла, что мое тѣло, моя красота есть только Твой даръ... Стоя тамъ, на подмосткахъ, видя восторгъ людей, я поднималась надъ землей къ небу, я хотѣла воскресить культъ поклоненія прекраснымъ богинямъ въ лицѣ моемъ. Я хотѣла забыть про любовь... Ты послалъ мнѣ ее! Научи-же меня, что мнѣ дѣлать теперь, какъ примирить этотъ великій Твой даръ съ моимъ прошлымъ и настоящимъ...

Мартъ.

Сегодня утромъ зашелъ Акаѳистовъ. Принесъ очередное жалованье.

— Послушайте, Данила Ананьевичъ, — говорю я, наливая ему рюмку вермута. — Что вы скажете,

если въ одинъ прекрасный день, я не явлюсь въ театръ и откажусь отъ дальнѣйшихъ выступленій?

— Вы, барынька, наслѣдство что-ли получили, разъ имѣете такія мысли, не страшась неустойки?

— Наслѣдства никакого, а вдругъ не захочу и баста! А неустойкой не запугаете. Еще съ первыхъ дней неустойка скоплена. Я боялась стать рабой контракта и сразу-же начала откладывать выкупъ.

— Я не думаю, чтобы вы говорили это серьезно. — говоритъ онъ, потягивая любимое вино. — Женщины! Женщины! Все вамъ мало! Вы свободны, денегъ у васъ вдоволь, дирекція вами дорожитъ, публика глядитъ и не наглядится, работа — ужъ чего больше, легкая... А все таки еще мало...

— Правда, голубчикъ, все правда: и деньги есть, и публика хвалитъ, и вы хорошій, а вотъ для сердца, для меня самой, ничего нѣтъ, все чего-то не хватаетъ...

— А ваше сознанье, что вы жрица лучшаго въ мірѣ — красоты? Вѣдь и любовь только дочь красоты. Я понимаю, конечно, вы молоды и кровь требуетъ свое. Ну, что-же — заведите себѣ друга, только ужъ подъ строжайшимъ секретомъ...

— Нѣтъ, Данила Ананьевичъ, вы меня не поняли. Мнѣ не то нужно, это ужъ будетъ грязь и земное, а тамъ, гдѣ пошлость и чувственность, красоты быть не можетъ. Въ пошлыхъ фарсахъ, гдѣ женщины говорятъ двухсмысленныя вещи и раздѣваются на сценѣ, тоже иногда бываетъ красивая картина, однако никто не видитъ въ этомъ прелести... Все

портятъ слова. Красота молчалива... Красота, какъ и природа нѣма. А какъ много эта нѣмая природа говоритъ понимающему человѣку, какъ радуетъ его душу, ласкаетъ глаза!... Красота успокаиваетъ, даетъ отдыхъ чувствамъ, а то, что возбуждаетъ, взвинчиваетъ нервы, называться красотой не смѣетъ. А все таки, Данила Ананьевичъ, вы такъ и не сказали, что вы предпримете, если я уйду?... — Повторяю я.

— Не могите объ этомъ и думать! Если вы уйдете, прійдется, какъ говорится, закрыть лавочку и снять картины съ репертуара.

— Странно! Почему? — удивляюсь я, — вѣдь вы найдете десятки, сотни красивыхъ женщинъ на мое мѣсто...

— Десятки красивыхъ женщинъ, готовыхъ васъ замѣнить, дѣйствительно, мы найдемъ, — этого добра сколько угодно, только кликни кличъ, но васъ, Алла Сергѣевна, второй мы не найдемъ. Вы, пожалуй, на всю Россію единственная, если можно такъ сказать, порядочная, добродѣтельная женщина изъ всѣхъ кафе-шантанныхъ артистокъ. Вы единственная платонически смотрите на свое положеніе и купить васъ ни деньгами, ни титулами невозможно. Въ этомъ и есть залогъ вашего успѣха и того, что публика безъ устали второй годъ на васъ смотритъ. Вѣдь вы не знаете сколько пари, сколько споровъ изъ-за васъ проиграно. Сколько бонвивановъ и хвастуновъ увѣряли пріятелей въ близкихъ отношеніяхъ съ вами и были изобличены во лжи.

По городу, среди золотой молодежи и денежныхъ тузовъ только и трубятъ, что вотъ появилась-де принцесса-недотрога, извините, безъ рубашечки на сценѣ стоитъ, а укусить невозможно. Вотъ и лѣзутъ всѣ: — одни изъ любопытства взглянуть на такую безсеребренницу, другіе — изъ тщеславія или для рекламы, изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы заполучить васъ въ любовницы и только третьи ходятъ глядѣть на васъ, какъ на богиню. Это: художники, профессора академіи, артисты, писатели и имъ — людямъ искусства понятна ваша идея и ихъ души, дѣйствительно, поютъ арфами при видѣ вашей красоты. Для однихъ вы богиня, для другихъ — красивая таинственная женщина, но для всѣхъ одинаково недосягаемы и божественны.

— Несмотря на секреты, молва отлично знаетъ, какъ вы живете и окружаетъ васъ ореоломъ. Представьте себѣ, даже ваши товарки по сценѣ прощаютъ вамъ вашъ небывалый успѣхъ и по своему гордятся вашей недоступностью. Но сойдитесь вы съ кѣмъ нибудь сегодня по любви, увлекшись или даже повѣнчавшись — завтра-же станете въ глазахъ всѣхъ обыкновенной женщиной, какихъ много и вами перестанутъ интересоваться. Вы маните къ себѣ, толпа бѣжитъ за вами пока вы недосягаемы, но какъ только вы очутитесь въ чьихъ-либо объятіяхъ, вы перестанете быть тѣмъ, что есть и обратитесь въ обыкновенную натурщицу, какихъ сотни. Дѣло прошлое, скажу вамъ откровенно, я сразу учелъ это обстоятельство, предвидѣлъ вашъ успѣхъ и не

ошибся. Вотъ поэтому васъ и нельзя никѣмъ замѣнить — вы единственная въ своемъ родѣ. Какъ-бы мы дорого не заплатили артисткѣ, поставивъ условіемъ скромность и воздержаніе, найдутся люди, платящіе еще дороже, а васъ купить нельзя. Мы это знаемъ и цѣнимъ. А уходить со сцены и думать не могите — закончилъ Акаѳистовъ допивая вино и поднимаясь, чтобы уйти.

Опять обманъ. Я, глупая, была увѣрена, что эта толпа собирается для поклоненія прекрасному, эти крики, этотъ успѣхъ вызваны картиной женской красоты. Оказывается это только охота волковъ за рѣдкой добычей. Значитъ тамъ, какъ и вездѣ, смотрятъ на меня, какъ на всякую женщину и смотрятъ только до тѣхъ поръ, пока есть какая-то интрига и загадка. И лишь немногіе видятъ во мнѣ то, что я сама хочу сказать своимъ обнаженнымъ тѣломъ. Ну, что-же, пусть будетъ такихъ два-три человѣка въ вечеръ и для нихъ я готова продолжать то, что начала. Акаѳистовъ сознался, что люди искусства меня понимаютъ, я готова быть ихъ помощницей, готова вдохновлять ихъ на все прекрасное и одухотворять ихъ руку, какъ когда-то, много вѣковъ назадъ простая продавщица капорцевъ въ Аѳинахъ одухотворила руку, зажгла священнымъ огнемъ воображеніе Праксителя и онъ создалъ съ нее свою безмертную Афродиту. Черезъ тысячелѣтія дошла до насъ память о Фринѣ — этой прекрасной жрицѣ красоты.

Пракситель создалъ съ Фрины свою безсмертную Афродиту. — Я хочу, чтобы каждый видѣвшій меня

невольно сталъ художникомъ и въ душѣ своей создалъ прекрасный образъ богини...

Мартъ.

«Солнцедаръ» продана. Сегодня мы съ Марениным последній разъ глядѣли на картину, съ ней прощаясь. Завтра ее увезутъ, а черезъ два-три дня она будетъ украшать собою какую-либо буржуазную гостиную.

— Прощай голубое море, прощай счастливая мать, прощайте милыя крошки—плодъ фантазіи и солнца!

Поймутъ-ли, почувствуютъ-ли люди, глядя на васъ то, что чувствовала и видѣла въ васъ я?..

Мар . . . .

То, чего я такъ боялась, что такъ хотѣла отдалить, хотя и видѣла безнадежность этого желанія, случилось.

— Вы заговорили со мной о вашей любви, зачѣмъ вы это сдѣлали? Не лучше-ли было оставить все, какъ было когда-то на югѣ и здѣсь. Мы видѣлись часто. Мнѣ было такъ уютно, такъ хорошо съ вами. Теперь это должно кончиться. Я не имѣю права на вашу любовь. Я не имѣю права даже на ваше уваженіе и на тѣ милыя, ласковыя слова, какими вы осыпали меня часъ назадъ. Я не должна была я не смѣла ласкать васъ, цѣловать, быть хотя-бы нѣсколько мгновеній счастливой. Я не могу быть вашей женой. Прочтите эту тетрадь и вы поймете почему...

— Эти записки я писала въ теченіе многихъ лѣтъ только для себя самой. Я никогда не думала, что кромѣ меня кто-нибудь будетъ ихъ читать. Въ этой тетради моя жизнь разсказана безъ утайки.

— Вступая въ жизнь, я была увѣрена, что мнѣ прійдется записывать въ нее такъ много красиваго и хорошаго, что перечитывая ее на склонѣ дней, я еще разъ буду счастлива въ прошломъ. Мнѣ хотѣлось удержать счастливые дни чѣмъ-нибудь болѣе сильнымъ, нежели память. Но судьба мнѣ сулила иное.

— Сегодня у меня не хватило силъ разсказать вамъ все. Со слезами, поцѣловавъ васъ въ послѣдній разъ, отговорившись волненіемъ, я просила васъ прійти вечеромъ, когда я немного успокоюсь. Я чувствую и вечеромъ у меня не хватитъ духу для разсказа и я рѣшила дать вамъ прочесть эту тетрадь. Въ ней вы увидите меня всю безъ утайки. Повторяю, я писала ее только для себя, безъ всякихъ прикрасъ и цѣлей.

— Вы прочтете въ ней о чемъ я мечтала, выходя замужъ и насколько эти мечты сбылись. Затѣмъ, вы узнаете, какъ я поступила дальше и какую роль я сама для себя избрала.

— Поймете-ли вы какія побужденія толкнули меня на эту роль? Какая сила поддерживала меня на этомъ пути и повѣрите-ли, что я на немъ ни разу не оступилась? Для васъ, любящаго и вѣрящаго въ любимую женщину, это будетъ большимъ ударомъ. Но любя, можетъ быть, у васъ явится ко мнѣ

снисхожденіе и оправданіе моего поступка безвыходнымъ положеніемъ и обстоятельствами. Я не хочу обмана, я не хочу ни одной минуты не быть откровенной съ вами: мнѣ нѣтъ оправданія, мнѣ не должно быть снисхожденія. Я должна сознаться, что эта роль и этотъ путь, избраны мною не изъ страха перадъ нищетой и голодомъ и не изъ единственнаго желанія служить красотѣ и исправлять людей, вызывая въ нихъ стремленіе къ прекрасному.

— Я гордилась красотою своего тѣла, я хотѣла собственнымъ примѣромъ воскресить древній культъ поклоненія прекрасному! Какъ, когда-то Фрина маленькая продавщица каперцевъ, добилась того, что одно ея появленіе среди толпы вызывало восторгъ и празднества въ ея честь, а ея статуя стояла въ храмѣ рядомъ со статуей наиболѣе чтимой богини и ей самой воздавались почести наравнѣ съ богами, такъ и я хотѣла властвовать надъ людьми видомъ своего тѣла, хотѣла заставлять ихъ воображеніе переноситься туда къ берегамъ Адріатики къ временамъ туникъ и хитоновъ. Я хотѣла, чтобы каждый, видѣвшій меня нагой, построилъ въ своей душѣ храмъ, гдѣ рядомъ съ самымъ лучшимъ, что есть въ душѣ человѣка, стояла-бы я, какъ стояла прекрасная Фрина рядомъ съ Афродитой...

— Стоя нагой на подмосткахъ, я хотѣла стать художникамъ и въ душахъ, глядящихъ на меня людей, незримо рисовать чудную картину женской

прелести. Мнѣ хотѣлось, чтобы эта картина никогда не померкла...

— Я хотѣла души людей обратить въ звучныя, многострунныя арфы нѣжно поющія о красотѣ и любви...

— Я хотѣла, властвуя надъ душами людей, красотой тѣла усыплять въ нихъ все пошлое, пробуждать лучшіе инстинкты, распилять въ людяхъ низменныя стремленія, заставлять отрѣшаться отъ опредѣленнаго взгляда на женщину, какъ на орудіе наслажденія и разврата или, какъ на самку.

— Я хотѣла стать Фриной, приходящей на пиръ людей и обращающей этотъ пиръ въ праздникъ въ честь женской красоты.

— Я хотѣла доказать женщинамъ, что служеніе красотѣ и развратъ не мыслимы вмѣстѣ и снявъ передъ публикою покровы, я могу оставаться чистой и непорочной. Я хотѣла доказать, что красота не боится наготы и не нуждается въ другой одеждѣ кромѣ истины...

— Можетъ быть я обманулась? Можетъ быть мнѣ не по плечу эта задача?

— Я знаю, этотъ путь слишкомъ опасенъ — онъ лежитъ надъ пропастью и я не знаю куда онъ меня приведетъ... Почему вы не явились раньше? Мой путь былъ-бы тогда инымъ... Сомнѣнья мучатъ меня... Я сама не могу разобраться въ своей душѣ... Порой я не увѣрена, такъ-ли прекрасно то , что я считаю прекраснымъ... О, если-бы мнѣ удалось убѣ-

дить себя въ томъ, въ чемъ я стараюсь убѣдить другихъ...

— Милый мой, любимый, хорошій, вы сами видите теперь, какъ наши пути расходятся. Я невыносимо страдаю при мысли о той боли, какую я вамъ причинила, но я не хочу, чтобы вы забыли, что, когда вы будете читать эти строки, пошлая, наполовину пьяная толпа будетъ рукоплескать моей наготѣ. Что вамъ за дѣло до тѣхъ, нѣсколькихъ, у которыхъ глаза загорятся хорошимъ огнемъ и заговоритъ душа! Помните это и не будьте ко мнѣ снисходительны. Вашей милости и прощенія я не хочу и не перенесу. Я хочу, чтобы вы только поняли меня и отвѣтили сами себѣ, можете-ли вы любить меня, послѣ всего того, что вы узнали обо мнѣ? Я не льщу себя пустыми надеждами или иллюзіями: конечно нѣтъ, вѣдь разлюбила-же я своего мужа, когда узнала ближе, при чемъ у него была, хотя и грязная, но страсть и инстинктъ, а у меня только гордость и, можетъ быть, безумная идея.

— Я не предаюсь иллюзіямъ. Я хороню съ вами мою душу и сердце. Я разстаюсь съ тепломъ и дружбой. Съ вами отъ меня уходятъ мечты и чудные сны, полные лазури и свѣта. Но лучше потерять сразу все, чѣмъ всю жизнь чувствовать себя виноватой, подозрѣваемой и мучиться...

— Я обманывала васъ. Нѣсколько мѣсяцевъ крала у васъ хорошее отношеніе и уваженіе. Можетъ быть теперь я отняла у васъ вѣру въ порядочныхъ женщинъ — въ этомъ я виновата передъ

вами. Я виновата, что, видя вашу любовь, я тотчасъ не разсказала вамъ всего, не убѣжала отъ васъ. Простите мнѣ этотъ невольный обманъ—мнѣ такъ хотѣлось возлѣ васъ подышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Когда вы будете читать эти строки, я буду на подмосткахъ. Поймите, какая это будетъ мука... Когда я вернусь, я увѣрена, я уже васъ не застану... Иначе и быть не можетъ... Прощайте, и простите...

— Когда Александръ Великій разрушилъ стѣны Афинъ, — Фрина ихъ возстановила. Вы создали себѣ, въ своей душѣ и сердцѣ чудный, хрустальный храмъ, я его разрушаю... Прощайте.... Пора....

Далѣе въ дневникѣ слѣдуетъ страничка, исписанная почеркомъ совершенно несхожимъ съ почеркомъ Аллы Сергѣевны, къ тому-же крандашемъ, тогда какъ весь дневникъ велся чернилами.

Эта страничка принадлежитъ Льву Алексѣевичу Маренину и, повидимому, написана имъ въ то время, когда онъ поджидалъ возвращенія Прясловой изъ театра.

— Бѣдная, несчастная женщина. Сколько свѣтлыхъ грезъ, сколько ожиданій разбито. Всей душой ты тянулась къ свѣтлому, хорошему образу, созданному тобою вмѣсто меня. Ты тянулась къ этому образу, но боялась опять обмануться, также какъ ты обманулась въ своей первой любви. Кто-же виноватъ, что молодыя двѣушки, идя въ жизнь съ душой переполненной лучшими надеждами и

мечтами всѣ поголовно, рано или поздно, обманываются въ этихъ надеждахъ и часто дальше идутъ уже недобрыми путями. Кто въ этомъ виноватъ? Конечно, мы мужчины — мужья и спутники ихъ жизни. Не всѣ-ли мы въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ — женѣ-ли, любовницѣ — тѣже Гротовы, въ той или иной степени. Кто изъ насъ не уклонялся отъ правильнаго, здороваго пути, начертаннаго природой для чувственной любви, на путь извращеній и легкомысленно не толкалъ туда-же часто искренно — любимую женщину. Гонясь за острымъ ощущеніемъ, думалъ-ли кто либо изъ насъ при этомъ о послѣдствіяхъ этого уклоненія для женщины.

Гротовъ чудовище, но мы всѣ маленькіе Гротовы. Бѣдная, милая Алла, ты была въ рукахъ человѣка, вмѣстившаго въ себѣ пороки сотень людей и только твоя здоровая душа и цѣльная натура спасли тебя.

Обманъ за обманомъ слѣдуютъ въ твоей жизни. И Журчалинъ тогда, въ маскарадѣ, и Акаѳистовъ позднѣе — обманули тебя. Журчалинъ — для краснаго словца и рисовки, а Акаѳистовъ ради выгоды и новинки. Умерли древніе. Ихъ культъ отошелъ въ область преданій и не забьется сильнѣе сердце, не загорятся глаза людей священнымъ огнемъ при видѣ красоты женщины. Твой успѣхъ держался и возросъ на совмѣстимости твоей недоступности и непорочности съ наготой. У древнихъ были иныя понятія: Фрина была доступна каждому, кто имѣлъ

сто драхмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ современники почитали ее за красоту наравнѣ съ богинями.

— Поздно мы родились, за тысячу лѣтъ слишкомъ извратились, опошлились взгляды на женщину. Древніе во всемъ искали красоту и она сходила къ нимъ съ неба. Они понимали, что краткая человѣческая жизнь со всей ея травлей и разочарованіями была-бы безконечно пуста, если-бы они не придавали ей высшаго смысла познаніемъ красоты и прелести женщины. Никто не понялъ и не пойметъ твоей красивой идеи. Надо имѣть тонкую душу поэта, незагрязненное воображеніе, чтобы понять красоту твоей цѣли. Умерли древніе великіе ваятели, риторы и поэты — пѣвцы женской красоты, спятъ въ землѣ средневѣковые благородные рыцари, жертвовавшіе жизнью за красоту своихъ дамъ, молчатъ струны лютень, не поютъ больше балладъ менестрели, наши современные поэты забыли ее и поютъ о другомъ.

— Не жди, дорогая, любимая Алла, отъ людей пониманія тебя, не жди священнаго восторга при видѣ твоей божественной наготы. Все это умерло, отошло въ область поэмъ и преданій, не воскреснетъ и не вернется вновь. Еще живетъ на землѣ только одинъ вѣчный даръ небесъ — любовь. Любовь освѣщаетъ все: и наготу, и ласки и человѣческія отношенія. Любовь вдохновляетъ на великое — она водила моей кистью тамъ у моря. Я люблю тебя всей душой, моя радость, моя свѣтлая богиня. Я самъ бывалъ Гротовымъ, самъ не безгрѣшенъ пе-

редъ женщинами и не смѣю бросить въ тебя камнемъ.

— Я люблю тебя такою, какъ ты есть и другой мнѣ не надо. Въ это мгновенье ты, моя избранница, стоишь нагая передъ толпой, но я не ревную, не мучусь, не презираю тебя, я понимаю величіе твоей идеи и люблю тебя еще больше. Святыня внутренней дѣвственности и цѣломудренности живетъ въ тебѣ непоколебимо подъ бѣлыми крыльями твоей душевной чистоты несмотря не на что... Я съ нетерпѣніемъ жду твоего возвращенія, чтобы на колѣняхъ молить тебя быть моей женой.

— Тамъ, у моря на югѣ, мы только смутно чувствовали нашу любовь и были счастливы. Я увезу тебя подъ лазурное небо Афинъ, къ голубому морю Эллады, туда, гдѣ столько вѣковъ назадъ теплыя волны Адріатики ласкали несравненное тѣло Фрины. Мы перечеркнемъ съ тобою безотрадную книгу твоей прежней жизни и вмѣстѣ начнемъ писать новую — свѣтлую и красивую.

Иди скорѣе ко мнѣ! Я жду тебя, моя радость, моя чистая, ненаглядная невѣста!.. —

———

Далѣе рукою Аллы Сергѣевны написано слѣдующее:

— Какъ я счастлива! Боже! Еще не угасъ на свѣтѣ Твой лучшій даръ — не исчезла любовь!...

Если хоть одинъ мужчина, прочтя повѣсть моей жизни, задумается надъ своимъ отношеніемъ къ женщинѣ — я буду считать, что страдала не напрасно... *1920.*

———

Того-же автора:

„Безъ имени"

Разсказы, посвященные женщинамъ

„Подарокъ меланхоликамъ"

Юмористическіе разсказы

